

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Археология Московского Кремля

Раскопки 2016-2017 гг.

Под редакцией Н. А. Макарова и В. Ю. Коваля

Москва 2018

Редакционная коллегия

Н. А. Макаров (ответственный редактор),

Л. А. Беляев, В. Ю. Коваль (составитель), А. В. Энговатова, А. В. Яганов

Рецензенты

доктор искусствоведения А. Л. Баталов член-корреспондент РАН Вл. В. Седов

Авторы фотоснимков:

А. Зверев, К. Лейфер, А. Бронников

Археология Московского Кремля: Раскопки 2016—2017 гг. / Под ред. Н.А. Макаров и В. Ю. Коваля — М.: ИА РА Н, 2018 — 164 с.: ил. ISBN 978-5-94375-259-9

Издание материалов новейших археологических исследований на месте и вокруг разобранного корпуса № 14 Московского Кремля ставит своей целью сделать достоянием широких научных кругов и общественности результаты двухлетних работ Института археологии РАН. В ходе исследований раскрыты остатки городской застройки XII–XIV вв. и некрополя Чудова монастыря XV–XVII вв., выполнены сбор, обработка и научное осмысление археологических и естественнонаучных материалов. Представлены уникальные фотографии и рисунки древних артефактов, гипотезы и реконструкции, впервые позволяющие составить целостное представление о градостроительной истории восточной части Кремля.

Для археологов, историков, музейных работников, преподавателей истории, всех, кому интересно прошлое Москвы.

ISBN 978-5-94375-259-9 УДК 902/903 DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-259-9 ББК 63.4

- © Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2018
- © Авторы статей, 2018

Содержание

8	Что мы знаем о древностях Московского Кремля
	Н. А. Макаров

- 26 Восточная часть Кремля: история и историческая топография А. В. Яганов, А. В. Энговатова, Н. А. Макаров
- 32 Задачи и ход раскопок *Н. А. Макаров, А. В. Энговатова, В. Ю. Коваль*
- 42 Культурный слой на Ивановской площади Н. А. Макаров, К. И. Панченко
- 48 Под фундаментами Военной школы имени ВЦИК: культурный слой и некрополь в центральной части Чудова монастыря *Н. А. Макаров, В. Ю. Коваль*
- 52 Древнейшие горизонты: постройки и культурный слой *Н. А. Макаров, А. В. Энговатова, В. Ю. Коваль*
- 62 Древнейшие горизонты освоения: материальная культура В. Ю. Коваль, И. Е. Зайцева, Р. Н. Модин
- 72 Удельный период: материальная культура, восточные влияния *В. Ю. Коваль*
- 80 Природная среда окрестностей Кремлевского холма в средневековье А. С. Алешинская

86	Археозоологические остатки из культурного слоя Е. Е. Антипина, Л. В. Яворская
90	Монастырские постройки: остатки церкви Чуда Архангела Михаила, галерей и трапезной <i>А. В. Яганов</i>
100	Монастырские постройки: церкви Благовещения и Митрополита Алексия 1680–1686 гг. <i>А. В. Яганов</i>
106	Монастырский некрополь: погребальный обряд А. В. Энговатова, Е. Е. Васильева
116	Монастырский некрополь: саркофаги и плиты Л. А. Беляев, В. С. Курмановский
124	Волосники из некрополя Чудова монастыря А. В. Энговатова
130	Московская знать по антропологическим материалам некрополя Чудова монастыря М. В. Добровольская
138	Некрополь Чудова монастыря: пища московской знати по данным изотопного анализа А.В.Энговатова
144	Малый Николаевский дворец А. В. Энговатова, А. В. Яганов
150	Заключение Н. А. Макаров

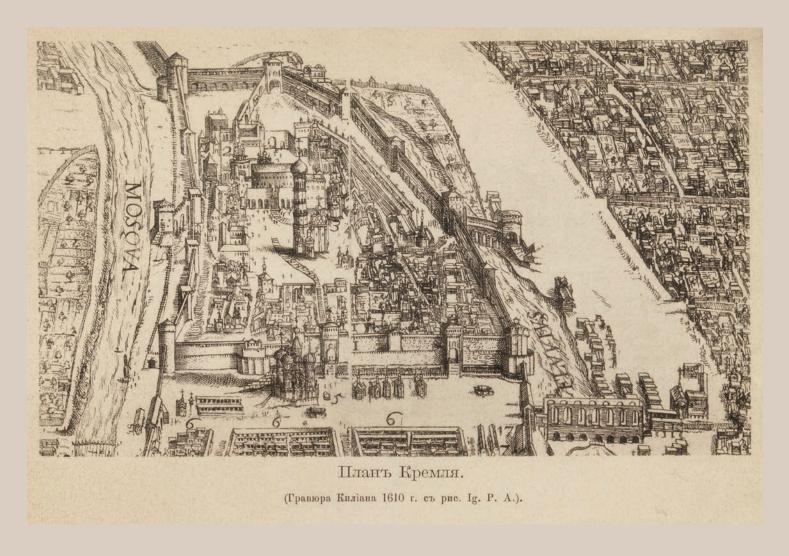
160 Библиография

162 Терминология

Что мы знаем о древностях Московского Кремля

Московский Кремль воспринимается нами как один из национальных памятников, символизирующих исторические корни российской государственности и культурной традиции. Однако археологические древности Кремля, в отличие от его архитектурного наследия, остаются малоизученными и невидимы в его современном ландшафте. Стоя сегодня на Соборной площади, трудно представить здесь постройки Москвы времени Юрия Долгорукого или знаменитый дубовый Кремль Ивана Калиты. Но даже обратившись к специальной литературе, мы увидим, что археологические реалии не дают достоверного и подробного исторического видения ранней Москвы. Находки из культурных напластований Кремля привлекали внимание историков и любителей старины с середины XIX века, однако особый статус этой части Москвы как места размещения высших органов государственной власти сдерживал организацию археологических раскопок в исследовательском режиме вплоть до недавнего времени. Основным источником получения данных о кремлевских древностях были археологические наблюдения и небольшие шурфы на участках строительства и реставрационных работ, которые велись здесь с 1950-х годов.

В 2016 году у археологов появилась уникальная возможность развернуть раскопки на Кремлевском холме, на месте демонтированного 14-го корпуса Московского Кремля. Обширный участок в сердце города, где ранее размещались структуры Администрации Президента РФ, на год стал площадкой проведения археологических изысканий, целью которых было получение новых знаний о кремлевских древностях с использованием современного арсенала научных методов и технологий.

«Память места», на котором административные здания советского времени стерли и заместили в городском пространстве постройки Чудова и Вознесенского монастырей, связанных со знаковыми событиями истории Московской Руси, логично задавала проблематику археологических работ. Их главной целью должны были стать поиски остатков исторических построек XIV—XIX веков. Однако содержание исследований оказалось значительно шире.

Раскопки на месте 14-го корпуса дали возможность собрать материалы, важные для разработки двух крупных тематических

Московский Кремль на «Сигизмундовом плане» Москвы. План был издан в 1610 г. в виде гравюры (составлен Иоганном Абелином и посвящен польскому и шведскому королю Сигизмунду III)

направлений археологии. Одно из них — начало Москвы как одного из городских центров Северо-Восточной Руси, история ранней Москвы в общем контексте древнерусской урбанизации XII—XIV веков. Другое направление — культура Московской Руси и ее политической элиты позднего средневековья и раннего Нового времени, роль монастырей в формировании далее своеобразного облика, московская идентичность XV—XVII веков в археологическом отражении.

На странице справа
Восточная часть
Московского Кремля,
Чудов и Вознесенский
монастыри,
Малый Николаевский
дворец. Фото 1920-х гг.

Восточная часть Московского Кремля, место археологических исследований 2016–2017 гг. На переднем плане шурф с фундаментом Малого Николаевского дворца

С другой стороны, работы на Кремлевском холме, в центре мегаполиса, на участке, который в общественном сознании представляет особую символическую «ценность», подталкивают к размышлениям, выходящим далеко за рамки изучения отдельных культурных явлений и хронологических групп древностей. Археология в данном случае имеет дело с участком, на котором несколько раз реализовывались масштабные градостроительные проекты, призванные придать ему новый «смысл», демонстративно перечеркнуть прошлое или, наоборот, подчеркнуть «преемственность» (вспомним реставрацию Н. А. Шохиным в 1874–1878 годах Малого Николаевского дворца с сохранением облика постройки М. Ф. Казакова 1775–1776 годов). В какой мере подобные территории могут сохранить материальные остатки древности после целенаправленного уничтожения объектов, обладавших особым символическим значением? Как происходит «археологизация» подобных комплексов высокого статуса после их разрушения? Как совместить полноту научного изучения уцелевшей части памятников и сохранение их для музейного экспонирования? Какими могут быть подходы к демонстрации археологического наследия на подобных территориях и устройству здесь музейных экспозиций?

Чтобы понять место и значение раскопок 2016—2017 годов на участке 14-го корпуса в изучении кремлевских древностей, стоит напомнить некоторые дискуссионные проблемы истории ранней Москвы и основные вехи продвижения археологии за кремлевские стены.

Ценность кремлевских напластований для изучения становления Москвы осознавалась историками с середины XIX века. Случайные находки, сделанные при строительных работах, передавались в Оружейную палату и незамедлительно включались в оборот как исторические источники. Они были использованы И. Е. Забелиным для обоснования представлений о древнейшей Москве как о мысовом поселении, застройка которого с течением времени распространялась на северо-восток, в напольную сторону.

«Глубокая древность здешнего поселенья утверждается больше всего случайно открытыми в 1847 году, при постройке здания Оружейной Палаты и неподалеку от первой по древности в Москве церкви Рождества Иоанна Предтечи, теперь не существующей, несколькими памятниками языческого времени. Это две большие серебряные шейные гривны или обручи, свитые в веревку, и две серебряные серьги-рясы, какие обыкновенно находят в древних курганах», писал Забелин (1905).

Архитекторы и инженеры, руководившие строительными работами в Кремле в 1870—1900-х годах, оставили описания открытых ими остатков исторических построек, некрополей и средневековых предметов и опубликовали часть этих материалов. Но практика «археологических наблюдений» была надолго прервана после размещения правительственных учреждений в Московском Кремле в 1918 году.

Она возобновилась лишь в 1959 году, когда археологическое изучение древнерусских городов уже давно велось широкими раскопками, открытия в Новгороде получили мировое признание, а Кремль оказался «белым пятном на археологической карте Москвы». В 1959—1960 годах началось строительство Дворца съездов. Ему предшествовали грандиозные земляные работы, открывшие возможность наблюдений и документирования культурного слоя на значительной территорию южной и западной части Кремля. В Кремле впервые появились профессиональные археологи.

Из отчета руководителей Кремлевской экспедиции Института археологии АН СССР Н. Н. Воронина и М. Г. Рабиновича можно узнать, что условия работ в котловане Дворца съездов «затрудняли» археологические наблюдения: выемка грунта велась экскаваторами круглосуточно, грунт сразу же вывозился за пределы Кремля, а дно траншеи заливалось бетоном. Темпы работ не давали возможности для подробной зарисовки профилей котлована и древних сооружений. Тем не менее материалы, полученные экспедицией, впервые позволили составить научное представление о культурном слое, средневековых постройках и палеорельефе Кремля и получить археологические данные для реконструкции исторической топографии Кремля в средневековье. Провести полноценные раскопки с исследованием культурных отложений на всю глубину удалось лишь на площади 250 кв. м.

С начала 1960-х годов Музеи Московского Кремля вели систематические наблюдения, а в отдельных случаях — охранные раскопки на ограниченных участках во многих точках, где производилось строительство, укрепление фундаментов или реставрационные работы. Организация этих работ,

Земляные работы в Московском Кремле в 1959 г. Траншея к югу от здания Арсенала – один из участков археологических наблюдений. Фото из отчета Н. Н. Воронина

На странице слева: Земляные работы в Московском Кремле в 1959 г. Траншея на месте бывшей Троицкой улицы к юго-западу от здания Сената. Фото из отчета Н. Н. Воронина

> Котлован на месте строительства Дворца съездов – место археологических наблюдений и раскопок 1959 г.

Сруб в подполье наземной постройки XVI в., обнаруженный на участке строительства Дворца съездов. Фото 1959 г.

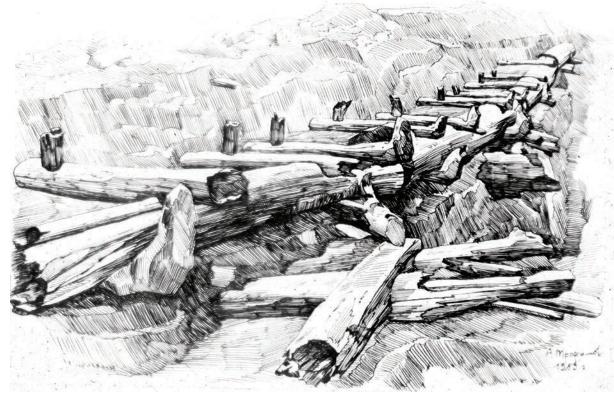
На странице справа: План Кремля с местами проведения раскопок 1959, 2007 и 2014–2017 гг.

Деревянные конструкции оборонительных сооружений XII в., обнаруженные на месте строительства Дворца съездов в 1959 г. Рисунок из отчета Н. Н. Воронина

проводившихся в 1960–1973 годах под руководством Н. С. Шеляпиной, а позднее – под руководством Т. Д. Пановой, требовала больших усилий и самоотверженности. Археологические наблюдения дали возможность определить мощность культурных отложений на различных участках Кремля и выявить на значительной его части горизонты домонгольского времени. Невидимое пространство ранней Москвы постепенно наполнялось значимыми археологическими реалиями: были выявлены участки городской застройки со срубами и усадебными частоколами XII–XIV веков под Патриаршими палатами (1963–1965), некрополь XII–XIII веков на участке между Успенским собором и Патриаршими палатами (1963–1966), найдены каменные кресты в оправе из золотых пластин под Патриаршими палатами, открыты два клада серебряных женских украшений XII-XIII веков у Спасских ворот на территории 14-го корпуса (1988 и 1991).

Особое значение для понимания статуса ранней Москвы и уровня благосостояния ее элиты имеет Большой Кремлевский клад 1988 года, включавший около 300 украшений, не уступающих по качеству своего исполнения предметам из кладов Киева и Старой Рязани. Сокрытие этого клада логично связать с монгольским разгромом Москвы 1238 года. Общую площадь, охваченную археологическими наблюдениями,

Книжные застежки из культурных напластований XIV-XV вв. на Подоле Московского Кремля

На странице справа:
Раскопки в Тайницком саду
на Подоле Кремля в 2007 г.
Вскрыты влажные культурные
отложения XIV–XVI вв.,
сохраняющие остатки деревянных
построек, в том числе срубы
в подпольях наземных построек

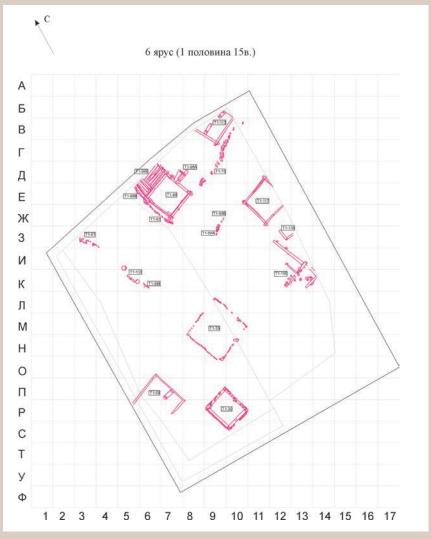
Частокол XV в. в раскопе 2007 г. на Подоле Кремля

На странице справа: Застройка на Подоле Кремля в раскопе 2007 г. Усадьбы и постройки первой половины XV в. Т. Д. Панова оценивает как 35 000 кв. м, однако характер работ в большинстве случаев не позволял проводить исследования в полном объеме с применением необходимых методик. В этой ситуации археологический контекст целого ряда ярких находок и остатков средневековых сооружений остался непроясненным. По мере совершенствования методик полевой археологии и формирования более ответственного отношения к историческому наследию становилось очевидным, что археологические наблюдения недостаточны для сохранения драгоценных кремлевских древностей.

Поворотным моментом в изучении Кремля стали раскопки 2007 года на Подоле, в Тайницком саду, когда впервые перед строительными работами на кремлевской территории на площади около 800 кв. м были проведены полномасштабные археологические исследования. Раскопки показали, что влажный культурный слой на Подоле, мощность которого на отдельных участках достигает 10 метров, прекрасно сохраняет дерево. В Тайницком саду были вскрыты усадьбы с частокольными оградами и улица с деревянными мостовыми, выявлено 14 ярусов сменяющих друг друга построек начала XIV–XVII века, расчищены нижние венцы наземных срубных жилищ и глубокие подполья с впущенными в них срубами и лестницами. Впервые в Кремле в поле зрения археологии оказались не отдельные фрагменты сооружений, а участок средневекового города с усадебной застройкой и ясно читаемой пространственной организацией.

Для пяти сооружений были получены серии древесно-кольцевых дат, позволяющие определить их хронологические позиции: все они датируются серединой – третьей четвертью XIV века. Древнейшая дендродата – 1305 год, однако она происходит из постройки, содержащей бревна более позднего времени – 1343 года (Карпухин, Соловьева, 2017). Нижние горизонты культурного слоя, датированные второй половиной XII – первой половиной XIII века, здесь сохранились фрагментарно, а время первоначального освоения основной части исследованной территории Подола определяется как вторая половина XIII века. Состав находок XIV–XVI веков, включавших дорогие украшения, оружие и боевое снаряжение, редкие предметы церковного искусства, указывал на высокое положение владельцев усадеб. Сенсационной находкой стала берестяная грамота конца XIV – начала XV века (московская берестяная грамота № 3) – опись имущества некоего Турабия, судя по имени, выходца из Орды, владельца земель под Суздалем. Автор описи перечисляет зависимых людей, находившихся на службе у Турабия, домашний скот, предметы обихода и особенно подробно – многочисленных лошадей, ездовых и для полевых работ.

Находка берестяной грамоты № 2 Раскопки на Подоле Кремля в 2007 г.

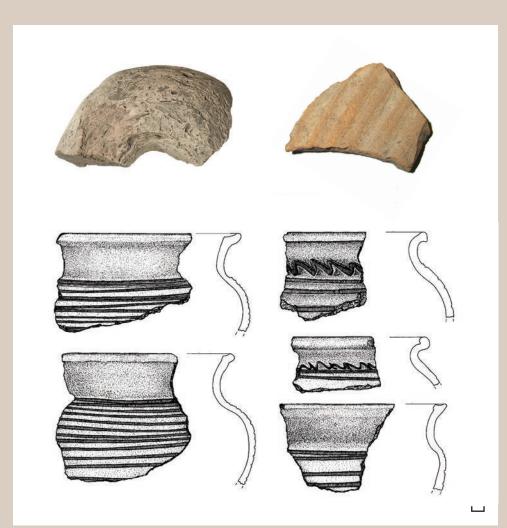
Грамота из 52 строк — самый длинный древнерусский текст на бересте и единственный хозяйственный документ конца XIV — начала XV века из Московского Кремля, дошедший до нас в оригинале (Гиппиус, Зализняк, Коваль, 2011). Открытия в Тайницком саду наглядно продемонстрировали уникальное качество кремлевских древностей и продуктивность исследований в режиме раскопок в сравнении с ранее проводившимися наблюдениями. Однако затронутый раскопками участок находился у подножия Кремлевского холма, за пределами древнейшего ядра поселения.

В ранней истории Москвы можно выделить несколько ключевых вопросов, решение которых невозможно без обращения к археологическим материалам Боровицкого холма.

Первый из них — время возникновения первоначального поселения на месте Кремля. Казалось бы, летописные записи дают надежное основание для определения времени возникновения города. Под 1147 год в Ипатьевской летописи помещен рассказ о встрече «на Москве» Юрия Владимировича Долгорукого и его союзника новгород-северского и путивльского князя Святослава Ольговича. Статья 1156 года Ростовского летописного свода рассказывает о закладке Юрием Владимировичем «града Москвы» то есть о строительстве укреплений, сооружение которых превращало поселок в полноценный

город. Возникновение города на Москве-реке вблизи рубежа владимиро-суздальских и черниговских земель хорошо вписывается в общую канву обустройства государственной территории Северо-Восточной Руси в середине XII века. Тем не менее современный подход к изучению истории средневековых городов предполагает максимально полное привлечение археологических материалов для прояснения их начальной истории, археологическое датирование древнейших культурных отложений.

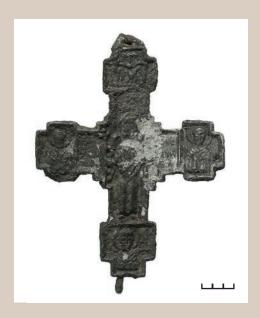
Еще в XIX веке многие историки высказывали предположение, что строительству крепости Юрия Долгорукого предшествовал долгий период «предыстории» поселения, оставшийся вне поля зрения летописцев. Датировка находок и сооружений из нижних горизонтов культурного слоя Кремля стала предметом дискуссии сразу же после завершения раскопок на месте Дворца съездов. Некоторые исследователи пытались найти в этих археологических материалах хроноиндикаторы XI — первой половины XII века, но внимательный анализ коллекций показал, что ранние датировки не аргументированы (Равдина, 1963). По мере накопления археологических коллекций и уточнения хронологической шкалы средневековых вещевых древностей большинство специалистов согласились с отсутствием в кремлевских материалах свидетельств существования

Бронзовый перстень, стеклянная бусина, обломки амфор и керамика из древнейших отложений на Подоле Кремля Раскопки 2007 г.

поселения, предшествующего времени Юрия Владимировича. Тем не менее уточнение даты нижних горизонтов культурного слоя, связанных с ними построек и сооружений для Московского Кремля остается актуальной задачей. Одним из возможных способов проверки правильности хронологических построений, разработанных в рамках традиционных археологических методов, стало радиоуглеродное датирование средневековых напластований и построек.

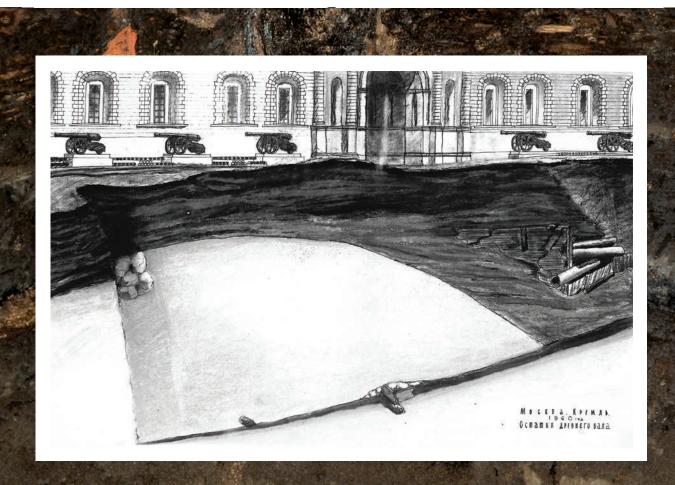

Находки из культурных напластований XIV–XV вв. на Подоле Московского Кремля: бронзовый крест-энколпион, фрагмент кольчуги и поврежденное навершие железной булавы-шестопера (справа)

На странице справа: остатки вала XII в., обнаруженные в 1960 г. в траншее на месте бывшей Троицкой улицы Рисунок из отчета Н. Н. Воронина 1960 г.

Другой дискуссионный вопрос, находящийся в компетенции археологии – историческая топография Московского Кремля ранней поры, локализация древнейшего ядра Москвы и оборонительных сооружений домонгольского времени, пространственная организация городской территории и динамика ее формирования в XII–XIV веках. Воссоздание общей пространственной картины сильно затруднено недостатком в Кремле участков, исследованных на большой площади до уровня древнейших горизонтов. Материалами для реконструкции исторической топографии в этой ситуации служат остатки отдельных построек и сооружений, элементы застройки и палеоландшафта, вскрытые лишь фрагментарно и часто не имеющие надежных датировок, а также отдельные яркие вещевые находки, в том числе клады. Однако не меньшее значение традиционно имеет ретроспективный подход: реконструкция исторической топографии раннего Кремля с учетом градостроительных структуры и местоположения главных городских построек позднейшего времени, XV–XVI веков. Ранняя Москва прочно вошла в историографию как город с мысовой крепостью, с оборонительными сооружениями, защищавшими ее с напольной стороны. Вот как описывал ее И. Е. Забелин: «Первоначальное Кремлевское поселение города Москвы в незапамятные времена основалось на крутой береговой горе, на мысу Кремлевской высокой площади, которая некогда выдвигалась к устью речки Неглинной крутым обрывом у теперешних Кремлевских Боровицких ворот». Примерно так же представляли себе город и исследователи советского времени, положившие начало его научным раскопкам, Н. Н. Воронин и М. Г. Рабинович: «...Древнейший поселок возник в устье Неглинной и являлся маленьким мысовым городком, защищенным с напольной стороны рвом. "Город 1156 г." несколько расширил линию обороны, выдвинув ее к северу и северо-востоку. В этом направлении в XII–XIII вв. и росло поселение...» (Воронин, Рабинович, 1963. С. 272). Важнейшим археологическим аргументом в обосновании этой концепции стали остатки дерево-земляных укреплений, открытые в котловане на месте строительства Дворца съездов. Они рассматривались как фортификации 1156 года, обозначающие первоначальные границы мысовой крепости.

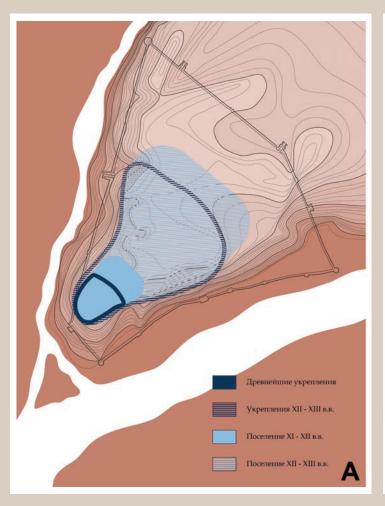

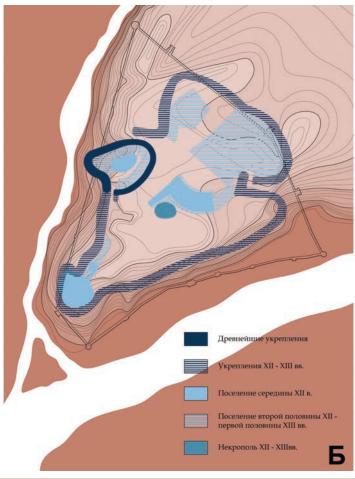
Иная картина топографии ранней Москвы была представлена в начале 2000-х годов Т. Д. Пановой. В этой модели древнейшее ядро Москвы находилось не на стрелке Боровицкого мыса, а на высоком отроге коренной террасы реки Неглинной, от Троицких ворот до северной части Соборной площади. Как полагает исследовательница, в этой части Кремля находились детинец с древо-земляными укреплениями и освоенная в середине XII века территория, часть которой оставалась за пределами укреплений. Некрополь, открытый в северной части Соборной площади, с предполагаемой древнейшей церковной постройкой первоначально находились за городской стеной. В конце XII века город значительно расширился, распространившись почти на всю верхнюю террасу Кремлевского холма на площади около 14 гектаров. Княжеский двор в это время размещался не на Боровицком мысу, как в позднейшее время, а в восточной части Кремля, в районе Спасских ворот.

Толчок для радикального пересмотра традиционной версии формирования городской территории Москвы дали новые археологические материалы — выявление зоны плотной концентрации находок середины — второй половины XII века в районе Соборной площади, Патриаршей палаты и Троицких ворот и клады украшений, обнаруженные у Спасских ворот. Один их этих кладов Т. Д. Панова рассматривает как «княжескую

Стеклянные иконки-литики из культурных напластований XIV–XV вв. на Подоле Московского Кремля

казну», сокрытую в момент взятия Москвы отрядами Батыя. Наблюдения о высокой плотности находок середины – второй половины XII века в районе Соборной площади и Троицких ворот, безусловно, важны для понимания общего пространственного положения и границ первоначального поселения на Кремлевском холме. Но они не дают однозначного основания для локализации на этом участке древнейшего детинца и уточнения местоположения городских укреплений. Остается непроясненным и характер застройки домонгольского времени в южной части Кремля, в районе Боровицких ворот. Новая версия развития градостроительной структуры ранней Москвы предлагает объяснение местоположению некоторых ярких находок, но в целом еще более гипотетична и эскизна, чем традиционная забелинская схема. Очевидно, что для создания убедительной научной картины пространственного развития Москвы необходимо более полное выявление элементов ранней градостроительной структуры в раскопах на различных участках Кремлевского холма.

Наконец, наиболее сложная для археологического изучения и наиболее интригующая тема – исторические трансформации XIII–XIV веков. превратившие малый город в мощный центр экономической жизни и властных отношений и сформировавшие

на Кремлевском холме в XII-XIII вв. А – План-схема М. Г. Рабиновича, с древнейшим ядром города на Боровицком мысу, основанная на традиционных представлениях о ранней Москве как о городище «мысового типа». Б – План-схема Т. Д. Пановой, с древнейшим укрепленным поселением, приуроченным к Неглинке, и княжеским двором в районе Спасских ворот

Планы-схемы поселения

его новое культурное лицо. Предоставим еще раз слово И. Е. Забелину: «Почему же Кремлевский зародыш Москвы не только не исчез, но, несмотря на жестокие исторические напасти, разорения, опустошения огнем и мечом, остался на своем корню и развился не то что в большой город, а в могущественное государство?» Было бы слишком самонадеянно полагать, что археология способна дать простой ответ на один из ключевых вопросов отечественной истории, который в разных редакциях формулировали многие исследователи. Но без археологии обсуждение его сегодня невозможно. Трансформации материальной культуры, городской жизни, сельского расселения, христианских практик и церковной организации, направлений внешних культурных связей в землях Северо-Восточной Руси в XIII–XV веках находятся в центре внимания ученых уже несколько десятилетий. Эти изменения, характер которых постепенно проясняет археология, отражают появление новой системы социальных отношений и новой московской идентичности. Археологические древности Кремля могли бы быть ключевым источником для воссоздания культурного облика Московской Руси XIV–XV веков. Но уровень их исследованности и практической доступности до недавнего времени не соответствовал запросам археологов.

Крест-энколпион из культурных напластований XIV–XV вв. на Подоле Московского Кремля Раскопки 2007 г.

Остается добавить, что археология Кремля в значительной своей части – историческая археология, обращенная к памятникам Нового времени, исторической сцене XVI–XIX веков, залегающей под современными кремлевскими мостовыми. Историческая археология поздней Московской Руси и Российской империи сегодня прочно утвердила свои позиции в науке, продемонстрировав возможности не только представлять для обозрения ранее невидимые объекты материального мира XVI–XIX веков, но и открывать значимые культурные явления этой эпохи, не получившие отражения в письменных источниках и изобразительных материалах. Сегодня мы знаем, что она способна прояснять неизвестные моменты исторических событий, документировать неизвестные особенности повседневной жизни, в содружестве с антропологией – идентифицировать погребения исторических лиц и даже воссоздавать скрытые от нас подробности их биографий. Кремль – одна из центральных площадок русской истории XVI–XIX веков, место присутствия ее известнейших героев и принятия важнейших политических решений, точка разрешения многих властных конфликтов и место последнего упокоения многих представителей светской и церковной элиты. Изучение фрагментов построек, погребений, культурных напластований и бытовых остатков XVI–XIX веков на месте демонтированного 14-го корпуса приводит исследователя в историческую среду, наполненную действующими лицами, имена которых хорошо известны по документам, а во многих случаях и по учебникам. Раскопки на территории Чудова монастыря дают исследователю

максимальное приближение к драматическим событиям Смутного времени, церковным соборам XVII века, военным потрясением 1812 года и наполеоновскому присутствию в Кремле, жестокому началу революции 1905 года. Излишне говорить об ответственности археологии за полноценное документирование материальных остатков, имеющих хотя бы и косвенное отношение к этим событиям.

Раскопки на участке 14-го корпуса, таким образом, отражают давние чаяния археологии получить более надежные и представительные материалы для реконструкции истории и культуры Москвы и властных институтов Московской Руси. Они основательно подготовлены предшествующими исследованиями, но были проведены с пониманием необходимости обновления сложившихся подходов к сохранению и документированию наследия Кремля, совершенствования методик, полного сохранения всех археологических остатков. Масштабы этих раскопок и сохранность археологических древностей недостаточны для решения всех интересующих нас дискуссионных вопросов. Тем не менее раскопки многое добавили в копилку знаний о Кремле, средневековой Руси и России Нового времени.

Н. А. Макаров

Шурф 4 на Ивановской площади с фундаментами церкви Св. Алексия Митрополита и Благовещения (построена в1680–1685 гг.) в ходе раскопок. Вид с юга

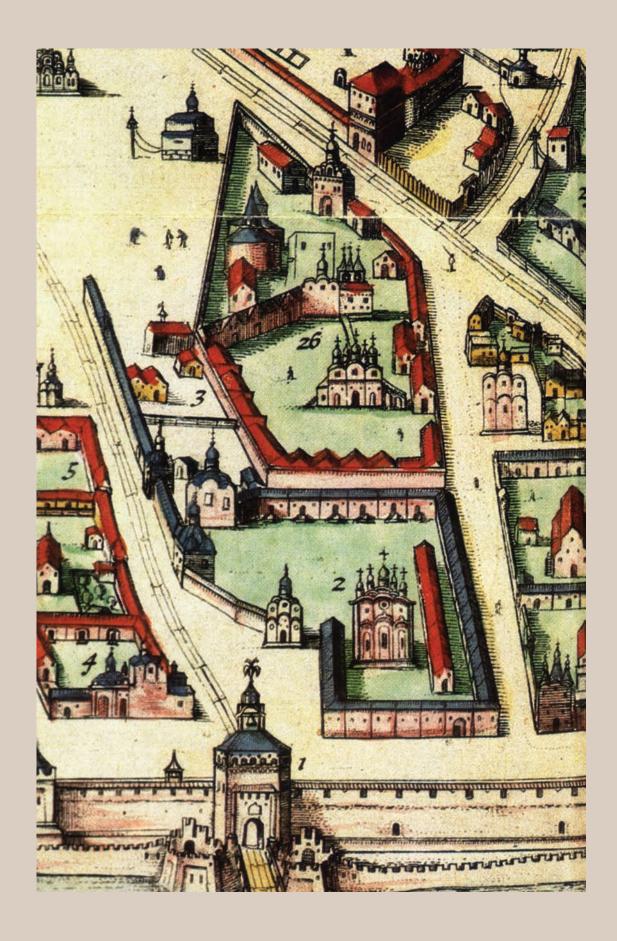
Восточная часть Кремля: история история топография

Фрагмент плана
«Кремленаград». 1600-е гг.
1 — Спасская башня;
2 — территория Вознесенского
монастыря;
26 — территория Чудова
монастыря

Одна из древнейших и почитаемых обителей Москвы – монастырь Чуда Архистратига Михаила в Хонех – располагалась до 1929 года в восточной части Кремля между Соборной площадью и Спасскими (Фроловскими) воротами.

Письменных свидетельств для изучения исторической топографии монастыря до XVII века не слишком много; все они, в основном, содержатся в летописных сводах и актовом материале. Наиболее ранним графическим источником является аксонометрический план «Кремленаград», выполненный в 1660-х годах на основе более раннего чертежа, фиксирующего градостроительную ситуацию Кремля в конце XVI – начале XVII века.

Начало устройства общежительной обители положено митрополитом Алексием, который возвел здесь в 1365 году каменные Михайловский собор с приделом Благовещения Богородицы и трапезную палату. По духовной митрополита 1377 года монастырь был дан на «бережение» великому князю Дмитрию Ивановичу. Митрополит скончался 12 февраля 1378 года и был погребен в соборном приделе Благовещения. С конца XIV века обитель управлялась архимандритами, первым из которых около 1380 года упоминается Елисей.

Во второй половине XV – начале XVI века перестраиваются трапезная палата, где помещается теплая церковь Алексия Митрополита (1483), а затем Михайловский собор (1501–1503).

Чудов монастырь неоднократно страдал от пожаров, особенно крупных в 1493, 1547, 1626, 1633, 1701 и 1737 годах, что побуждало к постепенной замене деревянных жилых и хозяйственных строений на каменные.

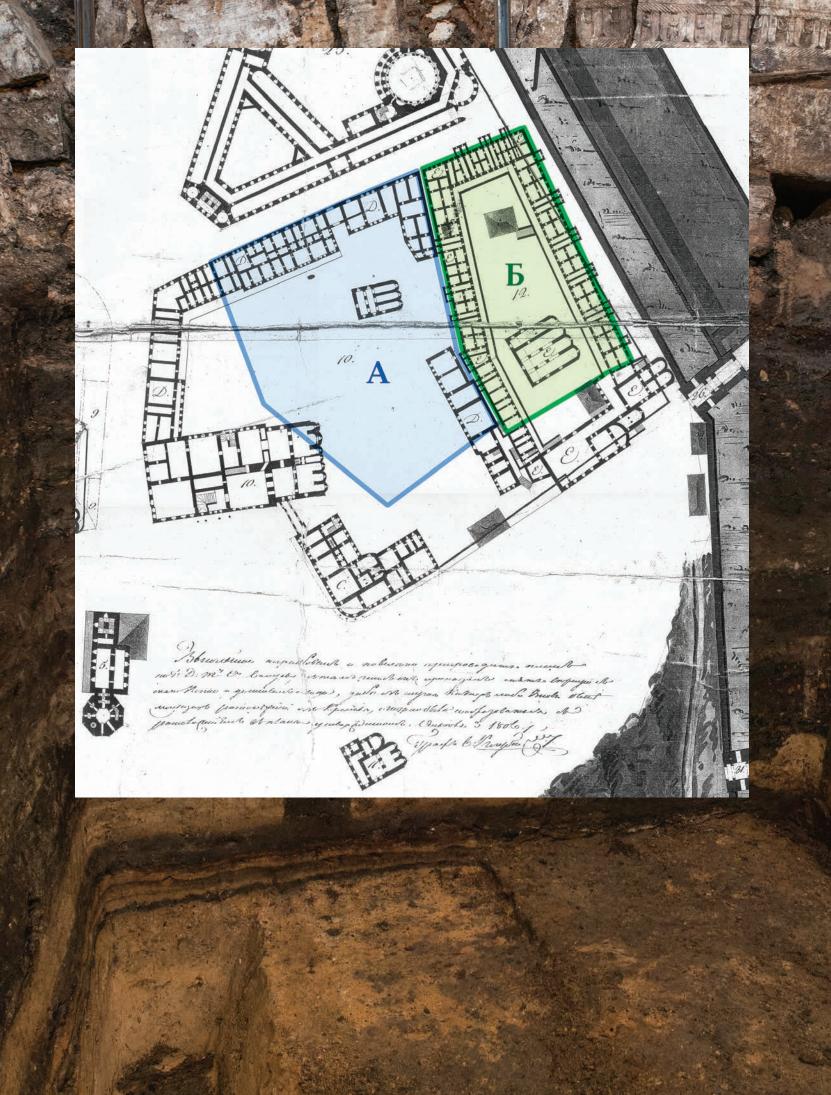
Территория Чудова и Вознесенского монастырей до второй половины XVI в. Реконструкция выполнена на основе «Плана города Кремля» 1806 г. (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 57. Д. 140) А – Чудов монастырь; Б – Вознесенский монастырь.

Иван IV ввел практику крещения в Чудовом монастыре царских детей, среди которых были царевичи Иван и Федор Ивановичи, царевна Евдокия, сын князя Юрия Васильевича (младшего брата государя) Василий. Эта традиция была продолжена в XVII веке представителями новой династии. Чудов монастырь с момента основания являлся престижным местом упокоения церковных иерархов, представителей крупных боярских и княжеских родов, среди них — Морозовы, Собакины, Трубецкие, Куракины, Хованские, Оболенские. Представителей этих семей хоронили в родовых усыпальницах монастыря до второй половины XVIII века.

Что располагалось на этом участке в домонастырский период — неизвестно. Поздние легенды, обобщенные в трудах И. М. Снегирева и И. Е. Забелина, сообщают, что это была земля ордынского посольства, где находился двор или конюшни послов. По легенде, вдова хана Узбека царица Тайдула подарила этот участок митрополиту Алексию в благодарность за исцеление. Но в летописях, агиографических источниках, работах историков конца XVIII — начала XIX века факт нахождения здесь ханских владений никак не прослеживается.

Как выясняется, наиболее ранняя информация о «дворе татарских посланников» на месте монастыря содержится в литературном произведении поэта и драматурга А. П. Сумарокова (1717—1777) «О перьвоначалии и созидании Москвы». Первым, кто обратил внимание на этот опус, был И. М. Снегирев, а И. Е. Забелин посвятил сомнительному свидетельству даже небольшое исследование на страницах «Истории города Москвы».

Вероятнее всего, для монастыря в 1365 году был куплен участок, граничивший с линией стен тогдашней деревянной крепости. После постройки каменных укреплений в 1367—1368 годах территория Кремля несколько расширилась к востоку, что дало возможность расположить на освободившемся месте, рядом с чудовской оградой, Вознесенский монастырь, который возник между 1367 и 1386 годами. Пожалуй, это все,

Вид Чудова монастыря с северо-востока. Снимок сделан с купола здания Сената. Конец XIX в.

что можно сейчас сказать о первоначальной топографии в границах собственно чудовской обители. Внутри «города», по духовной грамоте 1377 года, ей принадлежал лишь «садец» митрополита Алексия на Подоле.

До конца XV века мы не находим в письменных источниках информации о владениях, примыкавших к Чудову монастырю с запада, севера и юга. С запада и юго-запада он граничил с «кварталом», где между монастырем и Соборной площадью находились дворы удельных князей и ближних бояр. Необходимо учитывать, что границы площади до строительства в начале XVI века новых каменных зданий Архангельского собора и церкви Иоанна Лествичника находились западнее ныне существующих и определяются весьма условно.

Весной 1492 года великий князь, задумавший строительство нового каменного дворца, устроил себе временный двор в усадьбе князя Ивана Юрьевича Патрикеева, в том же году поблизости появился новый деревянный двор «за Архангелом на Ярославичском месте». Как и большинство находившихся за площадью строений, этот двор сгорел во время пожаров 1493 года, но затем был восстановлен.

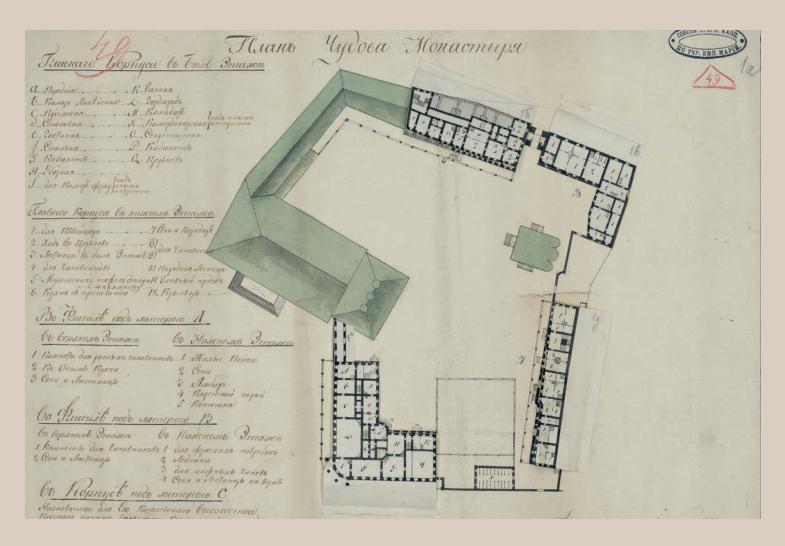
В ходе перестройки центральной части «города» площадь была значительно увеличена к востоку, а прокладка двух новых улиц до нее от Никольских и Фроловских ворот поглотила значительную часть бывших здесь частных владений. По духовной грамоте Ивана III, участок между новопостроенной церковью Ивана Лествичника и Чудовым монастырем был отдан под дворы младшим сыновьям великого князя с условием, что «те места меж собя поделят поровну».

В другом документе со ссылкой на духовную грамоту границы территории, отданной детям Ивана III, обозначены более конкретно. Здесь упоминаются Новая улица, идущая «от площади ко Фроловским воротам», и Чудовский переулок – северная граница монастыря (бывшая Чудовская улица, ныне проходящая у южного фасада Сената). Между монастырем и вновь проложенной Спасской улицей сохранялась узкая полоса, застроенная дворами знати. После смерти князей Дмитрия и Семена Ивановичей, отпуска младшего Андрея на удел в Старицу на участке вплоть до 1533 года располагался двор Юрия Дмитровского. В составе заметно сократившегося в размерах «квартала» сохранялись и старинные боярские владения, например Захарьиных-Юрьевых.

В 1560 году для строительства московской резиденции своего брата Юрия Васильевича Иван IV велел «место очистити на двор дяди своего княже Юрьевскои Ивановича Дмитровского, позади Ивана святого, что под колоколы. И Михаиловскои двор Юриевича Захарьина и иные дворы велел снести и место очистити по ограду по монастырскую Михаилова Чюда и по заулок, что к задним воротам того же монастыря, и церковь повеле ставити на княжом дворе на сенех Введение пречистые».

После смерти князя Юрия в 1563 году часть территории его дворца принадлежала Ф. И. Шереметеву, затем Б. И. Морозову, а в 1677 году по инициативе царя Федора Алексеевича передана во владение Чудова монастыря. Здесь в 1680–1686 годах построен комплекс сооружений из трех церквей, трапезных палат и служебных помещений.

План «Кремленаград» показывает участок Чудова монастыря вытянутым с востока на запад неправильным пятиугольником, застроенным по периметру служебными постройками. Кельи разделены сенями. В центре Михайловский собор; к западу от него изображена трапезная палата с церковью и звонницей, которые располагались на границе ограды. Они соединены с входом в собор то ли дорожкой, то ли переходом.

План Чудова монастыря Архитектор А. Н. Бакарев Начало XIX в. Монастырская территория с запада граничит с четырехугольным в плане участком, застроенным внушительными по объему сооружениями (видимо, каменными) и одноглавой церковью, поставленной на северной границе владения. Это и есть бывший двор младшего брата Ивана IV князя Юрия Васильевича, часть которого находилась затем во владении Шереметева и Морозова.

Сопоставляя участок Чудова монастыря на «Кремленаграде» с более поздними планами, можно сделать вывод, что после 1677 года он существенно расширился на западо-юго-запад, в то время как северная и восточная границы территории не изменились. С севера, как и в конце XV века, ею являлся Чудовский переулок, куда выходили «задние» ворота монастыря, напротив которых стоял принадлежавший ему конюшенный двор. Восточной границей была общая ограда с Вознесенским монастырем. В конце XVI века территория Вознесенского монастыря была расширена к югу и поглотила часть дворовой застройки до Спасской (Новой) улицы. Западный участок между Чудовым монастырем и Спасской улицей занимал двор Ф. И. Шереметева, который показан у юго-западного угла монастырской ограды.

О других постройках в Чудове монастыре, которые появились в течение XVI века, известно немного. Так, в 1556 году, после рождения царевны Евдокии, Иван IV построил над «задними» воротами обетную церковь Иоанна Лествичника с приделом мученицы Евдокии, освященную в ноябре того же года. На плане «Кремленаград» эта церковь по ошибке перемещена с «задних» ворот монастыря, выходивших в Чудовский переулок, на северный участок ограды бывшего двора князя Юрия Васильевича. На это недоразумение и указывал И. Е. Забелин, говоря о замеченной им путанице: «...на Годуновском чертеже строения этого двора спутаны со строениями Чудова монастыря, хотя и отделены от монастырского двора».

С образованием Московской епархии (1742) в Чудовом монастыре размещается архиерейская резиденция. При митрополите Платоне Левшине в архитектурный ансамбль XVI—XVII веков вносятся серьезные изменения: к юго-западу от монастыря строится двухэтажный архиерейский дом, реконструируется Михаило-Архангельский собор, над северными Святыми воротами возводится новая колокольня, появляются две новые домовые церкви. В таком виде, лишь с незначительными переделками, ансамбль Чудова монастыря сохранялся до разборки в 1929 году.

А. В. Яганов, А. В. Энговатова, Н. А. Макаров

Верхний ярус подклета собора Чуда Архангела Михаила в Хонех. Фото 1920-х гг.

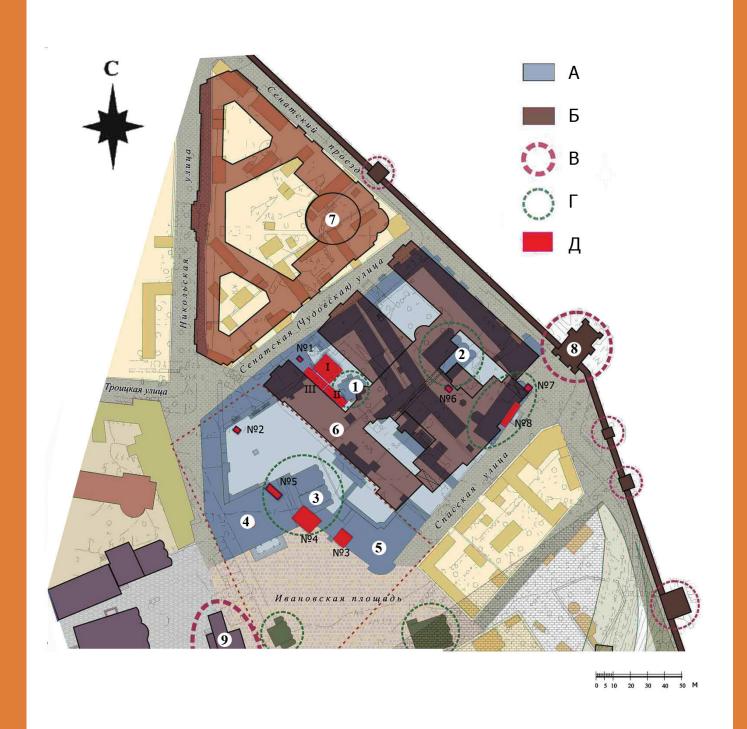
Задачи и ход раскопок

Археологические исследования в восточной части Кремлевского холма начинались при отсутствии достоверных сведений о состоянии остатков построек Чудова и Вознесенского монастырей и Малого Николаевского дворца и культурных напластований под фундаментами бывшей Военной школы имени ВЦИК и мостовыми Ивановской площади. Более того, неизвестно было и точное местоположение построек XVI–XIX веков, снесенных, очевидно, без составления топографической документации. Первые шурфы были заложены без всякой уверенности, что архитектурные остатки сохранились.

Более оптимистичными были прогнозы относительно состояния средневекового культурного слоя домонастырского времени. Небольшие раскопки, проведенные в 2014 году в южном дворике 14-го корпуса, выявили присутствие здесь культурных отложений домонгольского и удельного времени. Также были найдены средневековые хозяйственные ямы, в которых, среди прочих находок, были обнаружены обломки импортной керамики из Нижнего Поволжья, Китая и Испании. Эти разведочные работы позволяли полагать, что ранние культурные отложения могли избежать разрушения при строительстве 1930–1932 годов и на других участках.

Исследования 2016 года были начаты с закладки шурфов на территории, окружавшей 14-й корпус: они были нужны для поиска архитектурных остатков Чудова и Вознесенского монастырей и Малого Николаевского дворца, которые оказались вне основного пятна застройки советского времени. Были пройдены 8 шурфов общей площадью 250 кв. м. Два шурфа (шурфы 1, 6) пришлись на участки засыпок строите льным мусором 1930—1970-х годов, один (шурф 2) попал на мощные завалы кирпичных строений XVIII—XIX веков но в пяти других были выявлены разновременные архитектурные остатки.

В одном из шурфов (шурф 3) был вскрыт участок фундамента Малого Николаевского дворца — часть его юго-западного фасада и часть подвального помещения. В фундаментных рвах и переотложенных напластованиях собраны керамика и вещевые материалы XII—XIX веков, в том числе единичные фрагменты стеклянных браслетов. Раскопки были остановлены на глубине около 3,5 м для того, чтобы сохранить остатки постройки.

В двух шурфах (шурфы 7 и 8) были вскрыты сильно поврежденные перекопами советского времени остатки церкви Св. Екатерины Вознесенского монастыря (1817 год, постройка Карло Росси): часть фундамента восточной (апсидной) стены и южной стены, выходившей на Спасскую улицу. Установлено, что от этой церкви сохранился лишь фундамент южного фасада, а остальная часть здания уничтожена постройкой 14-го корпуса.

Шурф 3 на Ивановской площади с подвалами Малого Николаевского дворца (вид с запада)

На странице слева: Схема восточной части Кремля с размещением шурфов и раскопов 2016 г. 1 – собор Чуда Архистратига Михаила; 2 – собор Вознесения; 3 – церковь Св. Алексия Митрополита; 4 – трапезная Чудова монастыря; 5 – Малый Николаевский дворец; 6 – контур корпуса № 14; 7 – Сенат: 8 – Спасская башня: 9 – колокольня Ивана Великого. А – здания Чудова и Вознесенского монастырей, разрушенные в 1929–1932 гг.; Б – стены и башни Кремля; B – существующие архитектурные доминанты; Γ - утраченные церкви; \mathcal{A} – раскопы и шурфы 2016 г. (І–ІІІ – раскопы, № 1–8 – шурфы)

Фундаменты корпуса № 14, сложенные из белокаменных блоков от разборки Чудова и Вознесенского монастырей

Шурф 4 в ходе исследований деревянных конструкций XVI–XVII вв. (вид с севера)

Раскопки в подвале корпуса № 14. Исследования культурного слоя домонгольской эпохи.

В двух шурфах на Ивановской площади (шурфы 4 и 5) были выявлены остатки трапезной палаты Чудова монастыря и церквей Алексия и Благовещения, возведенных в 1680—1686 годах и представлявших собой единый комплекс строений — самую крупную постройку Чудова монастыря. И в этом случае раскопки в одном из шурфов пришлось остановить, чтобы сохранить кладки XVII—XVIII веков, но на части площади шурфа 4, к югу от угла церкви, раскопки удалось довести до материка. Выяснилось, что общая мощность культурных напластований в этой части Ивановской площади составляет пять метров, а их нижняя часть содержит находки и керамику домонгольского времени.

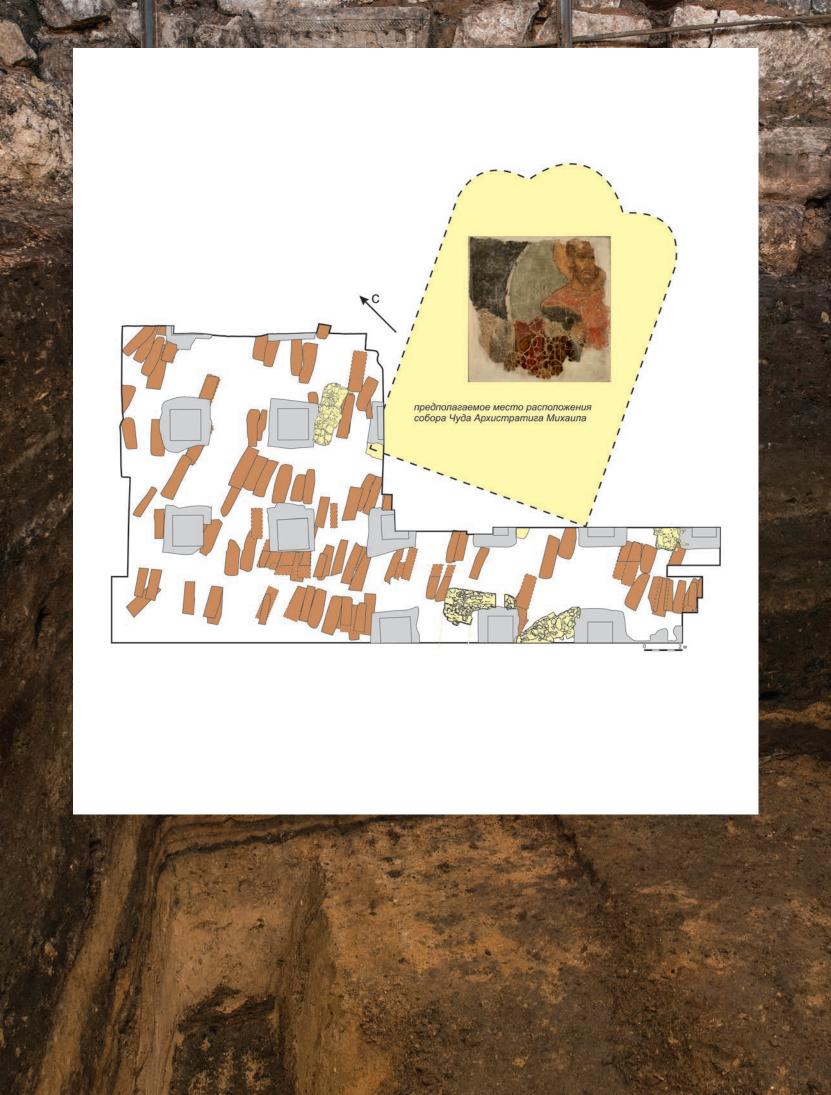
Осмотр стен и фундаментов 14-го корпуса перед началом демонтажа и во время разборки, а также закладка шурфов показали, что кладки 1930—1932 годов нигде не опирались на более ранние фундаменты и уничтожили большую их часть. Строители здания Военной школы имени ВЦИК разбирали все более ранние постройки, которые попали в пятно котлована новостройки, при этом весь добытый ими камень, включая известняковые блоки от стен соборов, плиты надгробий с кладбищ Чудова и Вознесенского монастырей и даже кирпичи, был использован вторично для возведения новых фундаментов. Целые секции подвалов были сложены из таких камней и надгробий, а в основаниях колонн, поддерживавших своды подвалов, были найдены надгробия с надписями.

Точная локализация исторических построек, проведенная по материалам шурфовки, показала, что центральная часть Чудова монастыря с собором Чуда Архангела Михаила, наиболее перспективная для изучения его ранней истории и предыстории, находится под подвалами 14-го корпуса. Шурфовка показала также, что изучение ранних напластований и сооружений вне контуров 14-го корпуса существенно осложнено из-за присутствия здесь архитектурных остатков XVII—XIX веков, которые, безусловно, должны быть сохранены. В этой ситуации было принято решение начать раскопки в подвальных помещениях. При первом вскрытии бетонного пола выяснилось, что под кафелем и бетонной заливкой залегают средневековые культурные напластования и погребения, оставшиеся непотревоженными при строительстве.

Подвалы 14-го корпуса под его западным двориком стали основным местом археологических исследований. Здесь глубина выемки грунта в 1930-х годах не превышала 3 м, и поэтому нижняя, самая древняя часть культурных отложений

осталась неповрежденной. При раскопках в подвалах была вскрыта площадь 384 кв. м со средневековыми напластованиями, фундаментами монастырских построек и погребениями монастырского некрополя. Подтвердилось предположение, что этот участок непосредственно примыкал к юго-западному углу собора Чуда Архангела Михаила в Хонех. Строительным котлованом были уничтожены все поздние погребения кладбища, примыкавшего к собору, но более 100 самых древних погребений этого кладбища остались непотревоженными. К сожалению, над могилами не сохранилось ни одного надгробия: все они были сняты строителями и использованы в кладке фундаментов корпуса. Однако описи монастыря и синодики позволяют примерно восстановить круг боярских родов, представители которых были похоронены на этом участке кладбища.

В ходе двухлетных раскопок, проводившихся в 2016 и 2017 годах, вся площадь подвала была полностью исследована с соблюдением всех требований современной археологии, с изъятием абсолютно всего материала, сохранившегося в земле (артефактов, костных останков людей и животных), с консервацией всех древних недвижимых объектов (фундаментов, заглубленных котлованов, грунтовых могил, каменных саркофагов, деревянных конструкций) и проведением широкого комплекса естественно-научных исследований (радиоуглеродное датирование, анализ антропологических материалов и археозоологических и археоботанических остатков, палинологическе и палеопочвенные исследования, изотопный анализ костных остатков и др.).

Открытие на компактном участке, некогда занимавшем центральную часть монастыря, выразительных и разнообразных древностей, остатков строительных и погребальных конструкций (фундаменты, белокаменные саркофаги, глубокие ямы от погребов), отражающих различные этапы исторической жизни на Кремлевском холме, обозначило перспективу создания здесь подземного музея, в котором можно было бы собрать и немногие подлинные детали собора Чуда Архангела Михаила в Хонех, которые с 1929 года хранились в Музеях Московского Кремля. Эта идея получила логическое завершение в Поручении Президента РФ о создании музейного комплекса на базе обнаруженных остатков фундамента храма Чуда Михаила Архангела в подвальных помещениях 14-го корпуса Московского Кремля.

Н. А. Макаров, А. В. Энговатова, В. Ю. Коваль

Сводный план раскопов I–III с размещением погребений некрополя Чудова монастыря XV–XVII вв.

Культурный слой на Ивановской площади

Под брусчаткой Ивановской площади залегает пятиметровый культурный слой, который на многих участках сохраняет последовательно сменяющие друг друга горизонты различных исторических периодов. Здесь, в отличие от участка, прорезанного фундаментами Военной школы имени ВЦИК, толща культурных отложений отражает картину исторической жизни в своем классическом археологическом виде. Залегающий на пятиметровой глубине материк – отложения, не содержащие никаких следов деятельности человека. – представляет собой здесь желтый мелкозернистый песок. Однако из трех археологических шурфов, заложенных на Ивановской площади, выйти на материк удалось лишь в одном, заложенном на месте южной части комплекса церквей Алексия Митрополита и Благовещения и у южной стены церквей, на участке площадью всего 8 кв. м. В двух других шурфах сделать это помешали фундаменты монументальных построек XVII–XVIII веков., которые, безусловно, требовалось сохранить.

На материковой поверхности отложился светло-серый супесчанистый слой, содержащий единичные мелкие обломки керамики. В материке зафиксированы следы лопат и углубления, напоминающие борозды от распашки:

это пахотный или огородный горизонт, отражающий первоначальное освоение этой части Кремлевского холма. Скорее всего, после недолгого возделывания участок был заброшен: в перекрывающих огородный горизонт тонких прослойках отложений, состоящих из супесей, не содержатся археологические вещи. Найденные обломки гончарной посуды позволяют датировать этот слой домонгольским временем, возможно, в интервале второй половины XII — начала XIII века.

Следующий стратиграфический горизонт, содержащий обломки стеклянных браслетов и керамику конца домонгольского времени, отражает начало активной строительной и хозяйственной деятельности на участке. Следы строительства — это прослойки древесного тлена (перегнившей щепы?) и более мощные прослойки материкового песка, близкие по своему характеру прослойкам, зафиксированным в нижней части культурного слоя в подвалах 14-го корпуса. Они были интерпретированы как выбросы из котлованов подполий, отложившиеся в период застройки конца XII — начала XIII века. После окончания строительства вокруг новых построек постепенно формировались отложения, насыщенные фрагментами бытовых вещей и украшений, керамикой и костями животных. Культурный горизонт, сформировавшийся в XIV веке, также состоит

Раскопки в шурфе 4 на Ивановской площади Археологическая фиксация находок в ходе работ

из супесей и не содержит сохранившихся деревянных сооружений. К отличительным особенностям этого горизонта можно отнести мощные прослойки угля, которые свидетельствуют о нескольких больших пожарах, которые случились в это время. Среди предметов, найденных в этом горизонте, встречаются вещи, привезенные из стран Востока, например фрагмент сирийского стеклянного сосуда с полихромной росписью, обломок золотоордынской поливной чаши с полихромной подглазурной росписью.

В XV веке ситуация резко изменилась. После последнего пожара, следы которого можно проследить по угольной прослойке, началось масштабное строительство, и в слое откладывается большое количество древесной щепы. Вода в горизонте XV века перестает просачиваться в нижние слои, и с этого времени начинает формироваться «мокрый» слой, в котором прекрасно сохраняются деревянные конструкции и предметы из органических материалов.

В первой половине XVI века на Ивановской площади началось новое строительство, которое зафиксировано по очередной прослойке щепы. В заполнении культурного слоя выявлено большое количество навоза и ореховой скорлупы. Вероятно, в первой половине XVI века на этом участке располагался хозяйственный двор усадьбы. В слое, который относится к середине XVI века, увеличивается количество щепы, в строительных отложениях впервые появляются обломки красноглиняного кирпича. К этому времени относится сооружение деревянного настила, представлявшего собой, возможно, мощение городской усадьбы.

В культурном горизонте конца XVI – первой половины XVII века еще сохраняются слои, насыщенные щепой, но начинают появляться прослойки, в которых в качестве включения в супеси присутствует только битый кирпич. Такие изменения говорят о росте строительства из кирпича в Кремле. В этом горизонте впервые были обнаружены обломки красных рамочных изразцов первой половины XVII века. С тем же временем связан сруб погреба, который был впущен в ранние слои и частокол одной из усадеб, существовавших здесь до возведения каменных монастырских построек.

Из слоев середины - второй половины XVII века полностью исчезает щепа, и они снова становятся сухими. Наличие битого кирпича, известки и белокаменной крошки в заполнении этого культурного горизонта говорит о том, что в тот период каменное строительство стало преобладающим. Именно

Край золотоордынской кашинной чаши с полихромной росписью XIV в.

На странице слева: Стратиграфия культурного слоя в шурфе 4 на Ивановской площади 1 – песчаная подсыпка 1930-х гг. под асфальтобетонное покрытие Ивановской площади. 2 - слои строительного мусора от строительства и разрушения Алексиевской церкви и Малого Николаевского дворца (конец XVII–XIX в.). 3 – насыщенный органическими остатками (щепа, навоз, деревянные сооружения) культурный слой XVI–XVII вв. 4 – слой XV в. с угольной прослойкой пожара и остатками деревянных конструкций. 5 – насыщенный органическими остатками слой середины XIII–XIV в. 6 – прослойки песка и культурные отложения конца XII – первой половины XIII в. 7 – материк ($neco\kappa$).

в это время в Чудовом монастыре был возведен комплекс церквей митрополита Алексия и Благовещения. Увеличение количества обломков красных рамочных и зеленополивных (муравленых) рельефных изразцов первой половины - середины XVII века в этих слоях указывает на развивающуюся тенденцию украшения печей в богатых домах.

Слои Нового времени XVIII—XIX веков содержат большое количество строительного мусора (кирпич, белый камень, известь, обломки керамической черепицы разновременных изразцов), так как в этот период было снесено немало старых построек и возведены новые здания, в том числе и Малый Николаевский дворец, который соединялся с церковью митрополита Алексия. Именно эти слои больше всего пострадали в советское время при сносе монастырских построек, прокладке коммуникаций и строительстве. Благоустройство территории после разрушения монастырей и строительства здания Военной школы имени ВЦИК завершилось устройством над остатками исторических построек мощной бетонно-песчаной подушки, на которую была положена брусчатка.

Напластования на Ивановской площади разнообразны по своему характеру: здесь залегает «сухой» культурный слой конца XII — начала XIII—XIV веков с выразительными средневековыми находками, влажный культурный слой XV—XVI веков с остатками деревянных построек, отражающий, вероятно, формирование в этой части Кремля усадеб ближайшего великокняжеского окружения, горизонты второй половины XVII—XVIII века, насыщенные кирпичом и строительным мусором, отложившимся здесь после расширения территории Чудова монастыря и начала каменного монастырского строительства. Стратиграфическая колонка документирует историю Кремля на протяжении не менее восьми столетий, однако различные периоды этой истории представлены здесь с разной степенью полноты.

Н. А. Макаров, К. И. Панченко

На странице слева: Обломки стеклянных браслетов из слоя домонгольской эпохи

Шурф 4 на Ивановской площади. Остатки деревянных сооружений XVI–XVII вв.

Под фундаментами Военной школы имени ВЦИК: культурный слой и некрополь в центральной части Чудова монастыря

Основой археологических знаний об изучаемых участках земли является стратиграфия, т. е. последовательность залегания прослоек культурного слоя – от самых нижних, сформировавшихся в момент первоначального заселения того или иного участка, и до самых верхних, формирующихся сегодня. На участке демонтажа 14-го корпуса стратиграфия была нарушена катастрофическим образом: в ходе стройки были срезаны все культурные слои, а фундаменты здания вошли глубоко в материк – коренную породу, подстилавшую культурный слой. На Кремлевском холме материк был сложен из плотно слежавшегося желтого песка. Лишь в одном из подвалов здания, как уже отмечалось выше, благодаря менее глубокому заложению подвалов, сохранились самые нижние, самые древние горизонты культурных отложений. Однако, несмотря на эти повреждения, удалось все же составить четкое представление о некогда существовавшей тут стратиграфии. Большую роль в этом сыграли как наблюдения за отложениями слоев на Ивановской площади, так и некоторые особенности участка в подвале.

Прежде всего, на поверхности материка сохранились остатки почвенных горизонтов, сформировавшихся до возникновения Москвы и заселения Кремлевского холма. Поверх почвы сформировался древнейший культурный слой конца XII —

начала XIII века, состоявший из чередовавшихся прослоек песка (выброшенного из котлованов погребов, которые выкапывались здесь первыми насельниками) и гумуса, откладывавшегося на дворах. И хотя все вышележавшие прослойки в подвале были срезаны в 1930-х годах, внутри котлованов погребов сохранились пачки прослоек, которые образовались в результате постепенного разложения /гниения древесных остатков, оказавшихся в этих котлованах, и медленного проседания поздних слоев в постоянно углублявшиеся ямы, в которые превращались древние котлованы.

Поверх руин построек конца XII века были обнаружены темноокрашенные слои, насыщенные органикой, древесным углем, навозом и содержащие характерные находки первой половины XIII века — стеклянные браслеты, обломки горшков и других бытовых вещей. Еще выше располагались слои пожаров конца XIII — первой половины XIV века. В свою очередь, их перекрывали прослойки белокаменного щебня, оставшегося от строек, разворачивавшихся для возведения собора Чуда Архангела Михаила в Хонех. Были найдены три такие прослойки, самая нижняя из них отмечала уровень строительства 1365 года. Верхние прослойки, как предполагается, могут относиться

Древнейшая стратиграфия на участке раскопок в подвале корпуса № 14 (разрез отложений на материке)

к последующим ремонтам XV века. Увы, не сохранилось никаких следов слоя, маркирующего строительство 1505—1506 годов, когда новое здание Михаило-Архангельского собора было возведено из кирпича.

На всей площади исследованного подвального помещения были обнаружены многочисленные погребения монастырского кладбища, примыкавшего к стенам собора. Судя по обнаруженным в некоторых погребениях керамических поливных чашечек-елейниц, которые обычно ставили в захоронения духовных лиц, кладбище возникло не позже первой половины XV века (а может быть, и ранее). Но хоронили на этом кладбище и позже, в XVII веке, о чем свидетельствуют белокаменные надгробия этого времени, зафиксированные в разных частях исследованной территории (правда, их уже использовали как вторичный строительный материал). В XV–XVII веках глубина могильных ям могла достигать 2 м. Значит, в это время поверхность земли могла находиться на два метра выше обнаруженных погребений. Вероятно, в последующие столетия, когда на монастырском некрополе перестали хоронить, эта поверхность оставалась стабильной, оставаясь такой вплоть до 1929 года, когда ее уничтожил котлован стройки. Из-за этой стройки было утрачено не менее двух метров культурного слоя, состоявшего в основном из погребений XVI–XVII веков, перекрытых белокаменными надгробиями.

Культурные напластования под подвалами 14-го корпуса — удивительный пример сохранения на локальном участке археологических древностей, объектов и отложений различных периодов в своем первоначальном состоянии после мощной техногенной «переработки» территории. При этом, хотя объекты различного времени — культурный слой XII—XIV веков, фундаменты построек XVI—XVII веков, погребения XV—XVII веков — часто залегают на одной глубине, стратиграфический контекст в большинстве случаев позволяет их разделить и датировать.

Н. А. Макаров, В. Ю. Коваль

На странице слева:
Борт раскопа
в подвале корпуса № 14
с отложениями культурного
слоя домонгольской эпохи

Разрез постройки домонгольской эпохи с просевшими в нее культурными слоями XIII–XIV вв.

Прослойки белокаменного щебня, оставшиеся от строительства Михаило-Архангельского собора 1365 г. и последующих его ремонтов

Древнейшие горизонты освоения: постройки и культурный слой

Следы первоначальной городской жизни в восточной части Кремлевского холма — это культурные отложения, сформировавшиеся при обустройстве участка, котлованы погребов, находившихся под жилыми постройками, канавки от частоколов, хозяйственные ямы. Сухой культурный слой на высокой террасе Москвы-реки не сохраняет дерево, поэтому при раскопках тут не всегда возможно установить конструкции жилищ и хозяйственных сооружений, а иногда даже и контуры построек. Однако сам горизонт поселенческого освоения этой части будущего города надежно читается в раскопе.

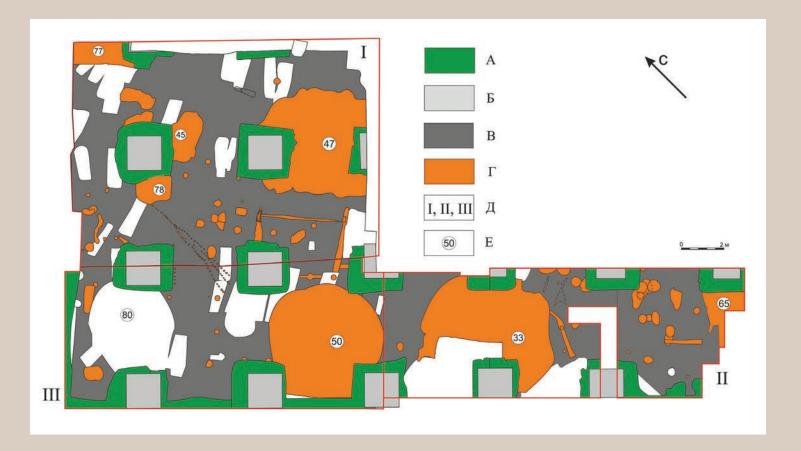
По наблюдениям почвоведов, территория в восточной части Кремлевского холма в течение длительного времени была занята смешанным широколиственно-хвойным лесом. Древние пахотные горизонты и борозды распашки, свидетельства возделывания полей на местах будущей городской застройки, здесь не выявлены. Погребенная почва, залегавшая непосредственно на материке, представляла собой серый гумусный слой толщиной всего 3-4 см, местами с неровной, зубчатой нижней границей, возникающей при обработке почвы лопатами, под ней сохранилась остаточная часть исходного подзола. Вероятно, заселению участка

предшествовал период освоения его под огороды, после которого верхняя часть почвы была с какой-то целью сильно подрезана.

С нижним горизонтом культурного слоя связаны 5 глубоких котлованов (со сторонами до 5,5 м, глубиной до 2 м), врезанных в нетронутый материковый грунт и заполненных в нижней части материковым песком с небольшой примесью гумуса, но при этом включавших немалое количество керамики и вещевых находок. Эти малопонятные на первый взгляд сооружения - основа для воссоздания средневековой застройки на участке. Котлованы подквадратной или прямоугольной формы – подполья наземных срубных построек, хорошо знакомые археологам по раскопкам в городах и на сельских поселениях Северо-Восточной и Южной Руси. Прояснить их конструкцию легче там, где культурные отложения сохраняют остатки дерева: стенки котлованов могли зашиваться деревянными планками, крепившимися горизонтально на столбовой основе, в других случаях в котлованы впускались срубы. Хорошо сохранившиеся подполья XIV–XVI веков со срубами, деревянным крепежом, лестницами и деревянными дренажными бочками были исследованы в 2007 году

Нижняя часть культурных отложений в раскопах А – древнейший культурный слой на поверхности материка; Б – остатки серого почвенного горизонта в составе материка

Сводный план раскопов в подвале 14-го корпуса. Котлован крупного погреба (подземной части постройки) конца XII в., в засыпку которого был впоследствии впущен белокаменный фундамент XVI–XVII вв. А – Перекопы XX в. Б – Белокаменные базы колонн 1930-х гг. В – Культурный слой конца XII – первой половины XIII в. Г – Ямы и котлованы построек домонгольской эпохи Д – Номера раскопов. Е – Номера объектов (ям)

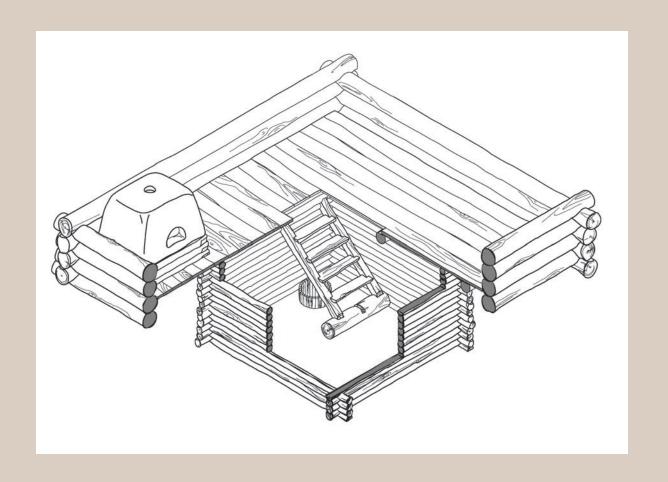
Подполье жилой постройки XVI в. из раскопок на Подоле Московского Кремля. Реконструкция Рисунок Е. Н. Пророковой

Срубная конструкция XVI в. в подполье жилой постройки на Подоле Кремля (сооружение 23, раскоп 2007 г.). Подполья со срубами известны и в домонгольское время, стенки подполий, исследованных на участке Чудова монастыря, имели обшивку из досок, крепившихся на столбах

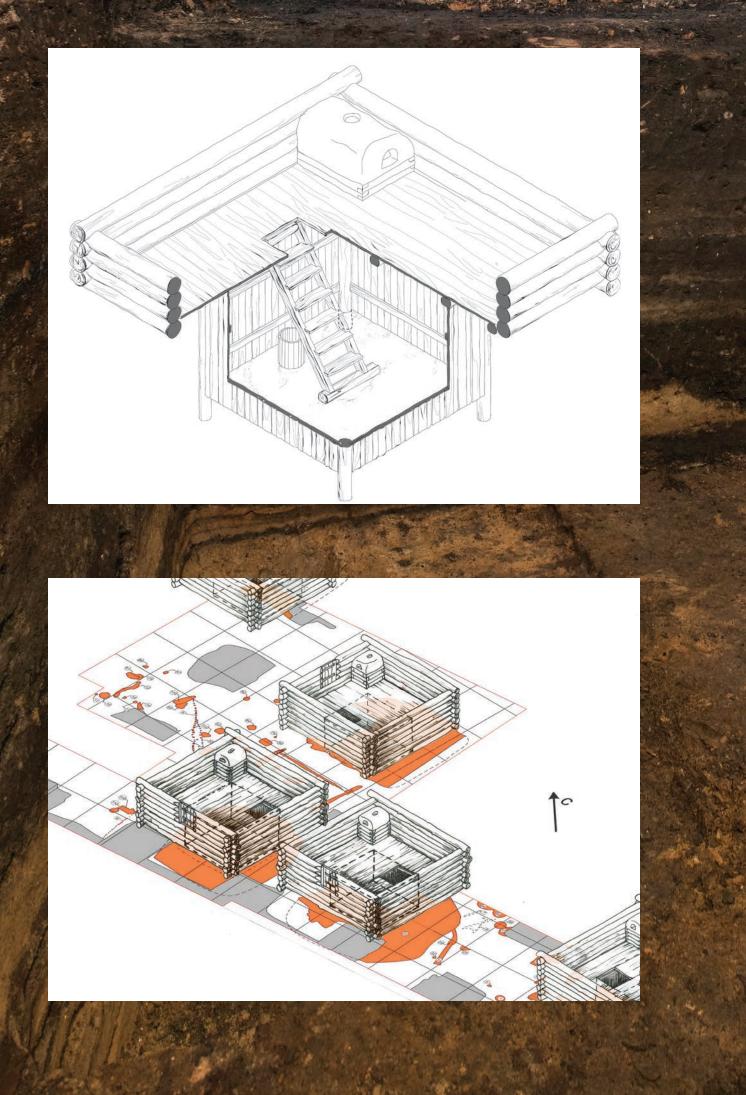
на Подоле Кремля в Тайницком саду. Еще раньше, в 1963—1965 годах, подобные конструкции второй половины XII—XIII века были зафиксированы под Патриаршей палатой и церковью Двенадцати апостолов.

Котлованы-подполья в раскопе на месте 14-го корпуса образуют три ряда, и очевидно, что это лишь небольшая часть городской застройки в восточной части Кремлевского холма. Следы грандиозного по своим масштабам первоначального строительства – прослойки материкового песка толщиной до 60 см, перекрывающие погребенную почву на значительном пространстве, – встречаются от собора Чуда Архангела Михаила до Ивановской площади, т.е. на протяжении более 100 м. Это – выбросы из котлованов подполий: во время строительства на поверхность земли были выброшены многие кубометры песка, из которого на этом месте была сложена коренная порода (археологический «материк»). Судя по тому, что слои песчаных выбросов из котлованов были разделены только тонкими, в 2–10 см, прослойками гумуса, образовавшимися в промежутки между разными стройками, эти работы продолжались не один год.

Наземные части деревянных, рубленых домов не имели шансов сохраниться в песчаном грунте на вершине холма. Котлованы подполий дают некоторые ориентиры для

определения размеров построек. Так как наземные части этих домов были явно больше погребов, их размеры должны были составлять не менее чем 7×7 м. Известно, что городские дома домонгольского времени, как правило, были «пятистенками» – двухкамерными срубами с прилегавшими к избе сенями и крыльцом, а общая площадь такого дома могла достигать 100 кв. м. Можно полагать, что постройки располагались на отдельных усадьбах, выявленных в большинстве древнерусских городов, однако остатки разделявших их частокольных оград, ранее зафиксированных на Подоле Кремля в раскопе в Тайницком саду, на участке 14-го корпуса не выявлены. Короткие частокольные канавки и трасса ограды в виде плетня, оставившая ряд мелких ямок от забитых в материк жердей, открытые в раскопе, – следы обустройства территории, которые не могут рассматриваться как остатки оград на границах городских дворовладений.

Одинаковая ориентировка погребов (а значит, и домов, под которыми они находились) указывает на уличную застройку этой части средневекового города. Постройки были сориентированы по линии, которая шла с северозапада на юго-восток, т. е. строго параллельно современной стене Кремля между Спасской и Никольской башнями. Если предположить, что стена древо-земляной крепости, предшественницы кирпичного Кремля Ивана III и белокаменного Кремля Дмитрия Донского, проходила тамже, где и существующие укрепления, или по параллельной трассе, ориентировка улицы находит логичное объяснение: она могла быть задана расположением укреплений домонгольского времени.

Когда же были возведены постройки с погребами-подпольями на месте будущего Чудова монастыря и как долго они просуществовали?

Для датировки ранних культурных отложений Московского Кремля традиционно использовались классические археологические методы, когда время формирования тех или иных напластований или сооружений определяется по находкам артефактов, время бытования которых надежно установлено. Существуют целые категории вещей и специфические формы керамических сосудов, которые производились и использовались людьми на протяжении относительно непродолжительных периодов времени. Такие изделия в археологии принято называть «хроноиндикаторами». Присутствие или отсутствие хроноиндикаторов в культурном слое позволяет делать уверенные выводы о времени его накопления.

Подполье жилой постройки конца XII в. на участке Чудова монастыря (Яма 50) Реконструкция Рисунок Е.Н. Пророковой

Застройка конца XII в. на участке Чудова монастыря Реконструкция Рисунок Е.Н. Пророковой

Артефакты – маркеры культурного слоя домонгольской эпохи: прялице из овручского сланца, стеклянные браслеты, обломки византийских амфор

Радиоуглеродное датирование органических остатков из культурного слоя, основанное на измерении содержания в них изотопа C14 по отношению к стабильным изотопам углерода, повсеместно используемое в современной археологии, для определения возраста кремлевских древностей ранее почти не применялось. Важность проверки археологической хронологии естественно-научными методами часто недооценивалась, а отбор образцов для радиоуглеродного датирования из надежных контекстов при археологических наблюдениях в строительных траншеях был затруднен.

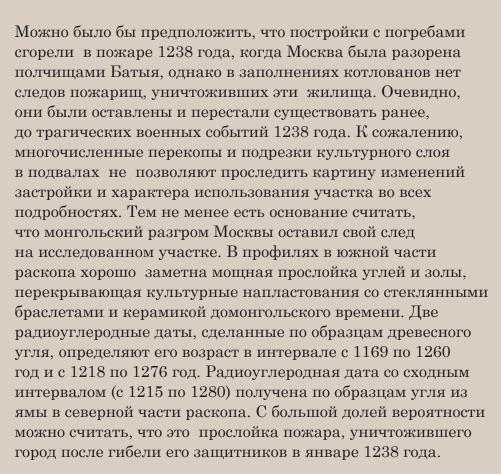
Радиоуглеродным методом в лабораториях Геологического института РАН и Оксфордского университета датированы три образца органических материалов из заполнения двух котлованов-погребов и песчанистых отложений выбросов грунта из котлованов. Они датируются в интервале 1022—1260 годов, возраст двух образцов с 70 % -ной вероятностью определен в интервале 1163—1220 и 1183—1245 годов. По данным радиоуглеродного анализа, первоначальная застройка в восточной части Кремлевского холма появилась между последней третью XII века и первыми десятилетиями XIII века. Эти даты хорошо согласуются с археологической датировкой вещевых находок и керамики и значительно повышают общую надежность хронологических определений.

Среди находок из древнейших напластований на месте 14-го корпуса более полутора десятка категорий вещей являются хроноиндикаторами домонгольского периода: они полностью вышли из обихода в середине XIII века или оставались недолгое время в пережиточном бытовании. В их числе, например, пряслица (грузики для веретен) из красного пирофиллитового сланца, производство которых полностью прекратилось после 1240 года, когда армия Батыя разорила город Овруч (к северо-западу от Киева), где добывали этот сланец и изготавливали пряслица. Не менее важны находки обломков византийских амфор, импорт которых на Русь после нашествия почти полностью прекратился. Одна из важнейших категорий хроноиндикаторов разноцветные стеклянные браслеты, они были излюбленными украшениями древнерусских горожанок. В Москве и других городах Северо-Восточной Руси такие браслеты стали массово использоваться (и, соответственно, попадать в культурный слой) в первой трети XIII века, в более раннее время они встречаются здесь очень редко, а в более позднее – постепенно исчезают. В древнейших напластованиях под 14-м корпусом было найдено 300 обломков стеклянных браслетов. При этом нигде не удалось найти слоев или построек,

в которых стеклянные браслеты отсутствовали бы полностью, т. е. которые можно было бы датировать ранее конца XII века. Это означает, что сама городская застройка в восточной части Кремля появилась не ранее этого времени.

Из общей серии находок второй половины XII — первой трети XIII века несколько выпадает в хронологическом плане массивная подковообразная фибула — застежка для скрепления пол верхней одежды. Подобные украшения имели широкое распространение в Балтийском регионе и на Северо-Западе Руси, в том числе в Новгороде, во второй половине X — первой четверти XII века, можно предположить их пережиточное бытование в середине XII века. Однако эта изолированная находка при отсутствии других хроноиндикаторов раннего периода не может быть аргументом в пользу удревнения общей даты нижнего культурного слоя в восточной части Кремлевского холма.

Масштабы раскопок 2016—2017 годов недостаточны для того, чтобы прояснить историческую топографию поселения на Кремлевском холме во второй половине XII — первой трети XIII века. Очевидно, вскрытые раскопками постройки находились на восточной периферии первоначального поселения, за пределами его древнейшего ядра, но, скорее всего, в границах городских укреплений первой трети XIII века.

Фибула из белого металла

Весьма вероятно, что освоение этого участка началось при восстановлении и новом обустройстве Москвы после военных действий 1177 года, когда город был сожжен рязанским князем Глебом Ростиславичем. Неясным остается и социальный облик владельцев усадеб. Постройки с крупными глубокими подпольями нельзя считать специфическим элементом домостроительства социальной элиты или усадеб горожан. В то же время это, безусловно, один из значимых элементов древнерусской культуры, характеризующий стиль жизни более состоятельной и активной части общества, выступавшей проводником общедревнерусских традиций.

Клад драгоценных украшений, найденный в 1988 году в 40 метрах от раскопа 2016—2017 годов, часто рассматривается как свидетельство размещения здесь дворов социальной элиты. Однако в богатой вещевой коллекции, собранной в ходе раскопок на месте 14-го корпуса, нет предметов, которые однозначно связаны с аристократическим обиходом и особым статусом владельцев усадеб XII—XIII веков. Для более основательной характеристики образа жизни, занятий и социального положения обитателей этой части Москвы нужно более подробно познакомиться с коллекцией артефактов из культурного слоя домонгольского времени.

Н. А. Макаров, А. В. Энговатова, В. Ю. Коваль

Угольно-зольная прослойка пожара в культурном слое XII– XIII вв.

Древнейшие горизонты: материальная культура

Древнейшие культурные слои Кремля конца XII — первой трети XIII века, исследованные под 14-м корпусом, сохранили множество находок, относящихся к домонгольскому времени. Большую часть из них составляют обломки посуды и кости животных, употреблявшихся в пишу, которые археологи относят к массовому материалу. Остальные артефакты считаются индивидуальными находками. Из них для специалистов наиболее важны те, которые использовались непродолжительное время, потому что именно они позволяют точно датировать древние слои. Но ролью хроноиндикаторов такие находки не ограничиваются — они интересны как материальные свидетельства быта горожан в давние эпохи и помогают лучше понять многие особенности жизни древнерусского человека.

В раскопах было собрано около 500 индивидуальных находок второй половины XII — первой трети XIII века. Удивительно, но самыми многочисленными в этих слоях являются предметы из стекла. При раскопках найдено более 300 обломков стеклянных браслетов, которые сохранились очень хорошо благодаря «удачной» природной консервации в культурном слое.

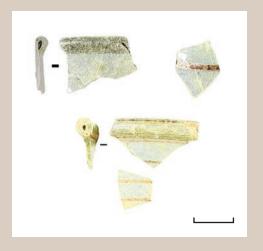
Стеклянные браслеты темной гаммы из коричневого, оливкового, бежевого, желто-зеленого и фиолетового стекла были излюбленным украшением жительниц Московского Кремля. Еще недавно считалось, что такие браслеты характерны только для городов. Однако раскопки последних десятилетий показали, что иногда они проникали и в сельскую местность. Москвички следовали общедревнерусской городской моде — стеклянные браслеты были популярны в конце XII — первой половине XIII века во всех городах Руси, а массовое распространение браслетов является признаком городской жизни того времени (Столярова, 2016).

Из стекла изготавливалась и столовая посуда — в раскопе было найдено около 30 фрагментов. Судя по находкам, в обиходе кремлевских жителей были стеклянные стаканы из бледножелтого стекла, украшенные горизонтальными краснокоричневыми или желтыми стеклянными нитями. Такие предметы производились в столичных киевских мастерских и были популярны в городах Древней Руси.

На втором месте по численности оказались различные находки из железа – всего было найдено около сотни предметов. Среди них много бытовых: ножей, крепежных

Обломки стеклянных браслетов первой половины XIII в.

> Обломки стеклянных сосудов найденные в слое домонгольской эпохи

скоб, игл, навесных замков и ключей от них. Но больше всего было найдено неопределимых обломков, по которым не всегда можно понять, частью какого предмета они были. Встречаются и целые изделия, назначение которых не удается сразу определить.

Намного меньше было находок из цветных металлов — всего 30 предметов. Это преимущественно украшения костюма: бронзовые браслеты, перстни и височные кольца. Находки на Кремлевском холме показывают, какие изделия были популярны не только в городах, но и среди сельского населения округи древней Москвы. Всего собрано около 20 обломков браслетов. Большинство из них — обрывки жгутов от витых петлеконечных браслетов — одного из самых распространенных украшений вятичских женщин. Также были обнаружены украшения другого типа — пластинчатые широкосрединные браслеты с концами, завернутыми в колечко, причем найден один целый экземпляр, и перстень с выпуклым растительным узором, аналогии которому есть в материалах курганов вятичей.

Находки вещей домонгольской эпохи (бусы из горного хрусталя и металла, бронзовые височные кольца и браслет

Бытовые предметы домонгольской эпохи, найденные в раскопах (железные ключи и замок, костяной гребень, обломок витого бронзового браслета)

Во время раскопок найдены шесть височных колец – одного из самых характерных украшений древнерусских женщин. Пять из них – проволочные круглые перстнеобразные колечки с завернутыми или просто обрубленными краями: эти простые украшения, служившие также для крепления причесок, были в ходу по всей территории Руси и в других

Ожерелье из обгоревших бус (сердоликовых и из горного хрусталя) и бронзовых привесок, найденное в слое домонгольской эпохи

славянских землях. От шестого височного кольца сохранился лишь небольшой обломок: это одна лопасть семилопастного височного кольца. Височные кольца этого типа имели массовое распространение в Москворецком бассейне и на Верхней Оке, но редко встречаются за пределами этих территорий. Эти украшения — скорее сельские, чем городские. Находки семилопастных височных колец на территории Московского Кремля редки и составляют всего 3 % всех находок: экземпляр, найденный в раскопе 2016 года, всего лишь десятый по счету. Но эта находка, вместе с витыми браслетами, подтверждает, что среди первых москвичей были переселившиеся в город сельские жители округи, сохранившие свои привычные элементы костюма. Об этом же говорит другая находка — обгорелое целое ожерелье из сердоликовых бипирамидальных и хрустальных

шарообразных бус. Такие ожерелья часто встречаются в курганах Подмосковья. Традиционно они определяются археологами как «вятические», однако в последнее время правомерность определения жителей Москворечья второй половины XII — начала XIII века как летописных вятичей аргументированно поставлена под сомнение (Арциховский, 1930; Равдина, 1975; Кренке, 2014).

Материалы, полученные при раскопках, согласуются с уже имеющимися сведениями: украшения местных типов — семилопастные височные кольца, витые и пластинчатые браслеты, решетчатые и пластинчатые перстни с выпуклым орнаментом — были обнаружены и на других участках Боровицкого холма, как в культурном слое, так и в погребениях раннего некрополя под Успенским собором.

Кроме разнообразных украшений, в ходе раскопок были собраны и другие предметы, характеризующие жизнь ранней Москвы — обломки гребней из лосиного рога, железные ножи, шилья и иглы. Единственным обломком представлен бронзовый наперсный крест-энколпион. Все эти вещи свидетельствуют об интенсивной городской жизни в этой части города в период до монгольского нашествия, благодаря которой в культурный слой и выпали многочисленные и разнообразные предметы повседневного быта.

Процесс разборки культурного слоя домонгольской эпохи на раскопках в подвале корпуса № 14

Чрезвычайно интересной оказалась небольшая белокаменная формочка, предназначавшаяся для отливки небольших конусовидных грузиков. На поверхности формочки были прочерчены различные знаки, имевшие, возможно, магический смысл, и сделана надпись кириллическими буквами. Надежно прочитываются только буквы «РИЯН». Это буквы, как считает крупнейший специалист в области древнерусской эпиграфики А. А. Гиппиус, могут быть окончанием имени, которое целиком могло звучать как «Юриян» или «Кириян». Однако первых букв нет, и, скорее всего, мы так никогда и не узнаем, зашифрованы ли они в полустертых знаках или намеренно скрыты в магических целях.

Чем так важна эта находка? Прежде всего тем, что она содержит самую древнюю на сегодняшний день на территории Москвы кириллическую надпись. Благодаря ей мы теперь точно знаем, что здесь, на вершине Кремлевского холма, жили грамотные люди, вероятно, православные христиане (имена Юриан или Кириян не языческие, а православные, данные во крещении), которые, однако, совершали какие-то магические действия.

О том, что речь идет именно о магии или каком-то ином ритуале, весьма далеком от христианства, свидетельствует еще одна находка — маленький каменный кубик с отверстием для палочки. На четырех гранях кубика были прорезаны разные символические знаки — свастика (знак огня), свернутая в спираль змея (знак воды) и сетки. Нет сомнений в том, что кубик предназначался для гаданий, поскольку такими же кубиками пользовались люди во многих странах, а наиболее древние из них известны по античным памятникам Средиземноморья. Во время гадания кубик раскручивали на продетой в нем палочке, и выпавшая вверх грань должна была символизировать ответ на вопрос, заданный гаданием.

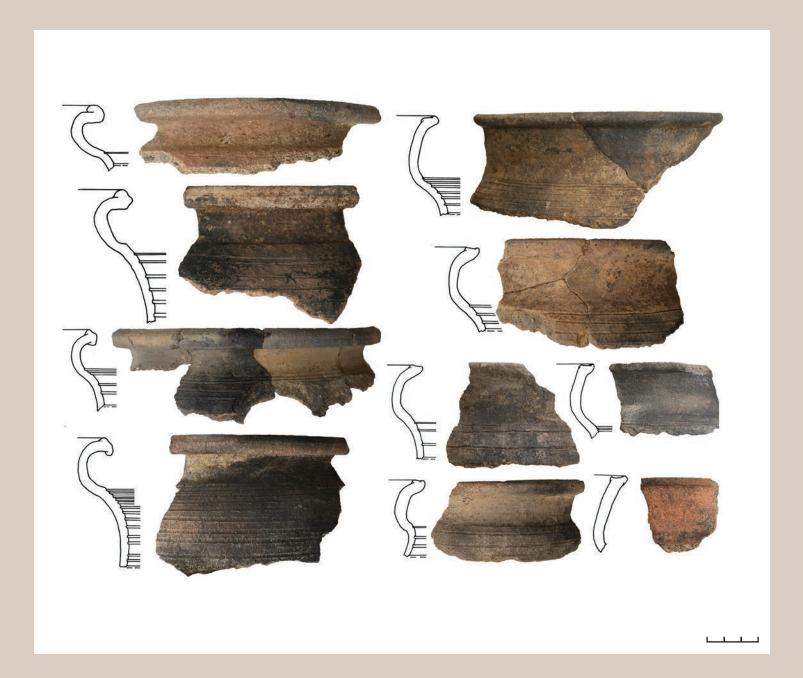
К предметам «городского круга» также можно отнести обгорелый обломок креста-энколпиона с изображениями части фигуры святого князя Бориса или Глеба. «Борисоглебские энколпионы» — известный тип крестов-реликвариев, получивший распространение преимущественно на юге Руси. На сегодняшний день всего найдено около 70 крестов этого типа. Находка такого креста в Московском Кремле вместе с обнаруженной в 1965 году вислой свинцовой печатью киевского митрополита свидетельствует о связях Москвы с южнорусскими землями. Ранее в районе Успенского собора археологи нашли обломки еще двух энколпионов с изображениями распятого Христа и Богоматери Одигитрии (Шеляпина, 1971).

Белокаменный кубик для гаданий

На странице справа: Белокаменная литейная формочка с надписью

Части горшков второй половины XII – первой трети XIII в. из раскопов в подвале 14-го корпуса Когда говорят об археологических находках, то обычно подразумевают различные бытовые вещи из металла, кости, дерева, а также украшения, предметы вооружения и другие подобные вещи. Но самым распространенным предметом, которым пользовались абсолютно все горожане, от самого бедного сапожника до боярина и даже князя, был обычный глиняный горшок. Поэтому именно обломки горшков составляют 95 % всех археологических находок на раскопках, и Кремль в этом смысле не исключение. Однако не следует думать, что «черепки» не являются информативным источником знаний о прошлом. Наоборот, благодаря своей массовости они становятся самым мощным аргументом в дискуссиях о прошлом. Керамика, собранная при раскопках под 14-м корпусом, показала, что московские горшки изготавливали и использовали люди, ничем не отличавшиеся

от населения долины реки Москвы. Точно такие же горшки (по использованной глине, технологии производства, форме, декору) обнаруживаются на всех окрестных поселениях и в курганных могильниках (Московская керамика, 1991). Эти горшки принадлежали к огромному ареалу, в котором господствовала фактически единая традиция, характерная для бассейна Верхней Волги, рек Москва и Клязьма, но разительно отличавшаяся, например, от южнорусской традиции, распространенной в долине реки Оки. Изучение кремлевской керамики как важнейшего исторического источника, несомненно, позволит в дальнейшем получить еще больше информации о населении ранней Москвы.

Коллекция находок из древнейших слоев восточной части Кремля имеет две яркие черты. Во-первых, она полностью соответствует набору вещей, характерному для древнерусской культуры накануне монгольского нашествия. Во-вторых, этот набор имеет ярко выраженный городской характер, заключающийся в изобилии разнообразных предметов, которыми пользовались горожане и которые впоследствии массово выпадали в культурный слой.

Яркий городской характер комплекса находок с вершины Кремлевского холма еще раз подчеркивает тот факт, что заселение этой территории происходило сразу же в рамках городской жизни. Это была не пригородная деревня, включенная в границы разраставшегося города, — здесь изначально формировалась городская среда, что видно как по планировочной структуре, так и по комплексу использовавшихся вещей.

В. Ю. Коваль, И. Е. Зайцева, Р. Н. Модин

Удельный период: материальная культура, восточные влияния

Эпоху, наступившую после Батыева нашествия, в историографии обычно называют удельным периодом. Для Руси это был период дробления на уделы, размеры которых становились все меньше и меньше. Это было время подчинения Северо-Восточной Руси Джучидскому государству, которое в летописях именуется Ордой (позже ее стали называть Золотой Ордой).

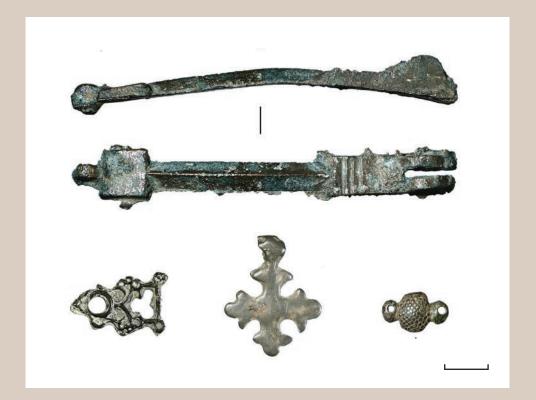
В материалах раскопок 2016—2017 годов к этой эпохе относится значительная часть культурных отложений, сформировавшихся с середины XIII по середину XIV века. После строительства в 1365 году Михаило-Архангельского собора культурный слой на площадке Чудова монастыря стал расти с гораздо меньшей интенсивностью: здесь уже почти не велась хозяйственная жизнь, не собирался мусор и пищевые отходы, потому что площадка у стен собора не подходила для этих целей. Очень скоро здесь начал формироваться монастырский некрополь, но при рытье могил прибавления культурного слоя не происходит — земля просто перекапывается и засыпается обратно в могилы.

Наибольшая насыщенность культурными остатками обнаружена в отложениях раннего этапа удельного периода (вторая половина XIII – первая половина XIV века).

Любопытно, что никакого археологически читаемого разрыва между ним и предшествующим домонгольским периодом не прослеживается. Это означает, что жизнь на данном участке Кремля не прервалась в 1238 году, а продолжалась с не меньшей интенсивностью. Также не было замечено существенного «обеднения» материальной культуры: в культурном слое не уменьшилось ни количество керамики (обломков кухонных горшков), ни других предметов быта (железных ножей, шильев, гвоздей и т. п.). Но непрерывность накопления культурного слоя в этом месте не позволяет уверенно отделять вещи, утерянные или выброшенные

Бытовые вещи удельного периода: железный нож с костяной обоймой от рукояти, игральная шашка из рога, железный стержень (вилка для еды?), железный топор, железный ременной наконечник, часть керамического горшка

Находки из слоев удельного периода: книжные застежки, крест-тельник и накладка из цветных металлов, На странице справа—железное писало, обломок керамического тигля для плавки цветных металлов, обломок каменной литейной формы

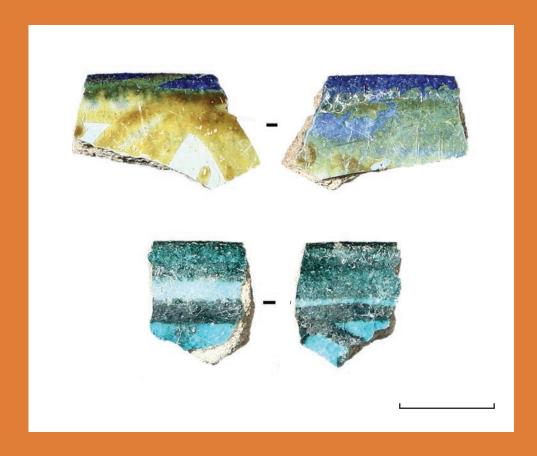
до 1238 года и после этой трагической даты. Например, в удельном слое было найдено железное писало, которое вполне могло относиться и к домонгольской эпохе.

Одним из архитектурных отличий удельного периода стал отказ от погребов: если в домонгольский период на исследованном участке Кремля стояли дома с обширными погребами, то после 1238 года тут строились дома без подполий. При этом нет сомнений, что застройка в этом месте оставалась достаточно плотной: в этом убеждают многочисленные ямы небольших размеров, изученные в ходе раскопок. Такие ямы могли служить как небольшими погребками для хранения продуктов питания, так и местами сбора мусора (дабы, согласно известной поговорке, «не выносить сор из избы») — их размещали обычно под печкой, в углу дома. К сожалению, от самих домов не осталось и следа, поскольку слои этого времени уничтожены котлованом здания. Сохранились только подземные части древних домов — те самые подпечные ямы да подполья.

В это время на участке, вероятно, было налажено ремесло по обработке цветных металлов. К сожалению, производственные сооружения не сохранились: до нас дошли только отдельные находки, связанные с ювелирным делом и разбросанные на достаточно широкой площади. Тем не менее их концентрация на определенном участке позволяет говорить о существовавшем здесь производстве. Что же изготовляли жившие здесь мастера? В ходе раскопок были найдены обломки трех глиняных тиглей для плавки металла, медная матрица в виде

Обломки сосудов, привезенных из Персии и золотоордынского Поволжья

полушара для тиснения половинок шаровидных пуговиц, обломок известняковой литейной формы для изготовления пластинчатых браслетов и лунниц (украшение в форме полумесяца) и бронзовая пластинка, на которой мастер пробовал инструмент-колесико, применяемый для украшения браслетов геометрическим орнаментом. В качестве сырья ремесленники использовали металл, который поступал в виде бронзовых слитков, проволоки. Источником меди служили прохудившиеся и разрезанные на части медные котелки. Здесь же были обнаружены кусочки собран-ных после плавок остатков металла, выплески и капли бронзы. Также в раскопе нашли четыре бронзовые книжные застежки, применяемые для скрепления ремешками книжных обложек. Две из них были не доделаны: на них не обрезаны литейные заусенцы. Благодаря этим находкам были получены неоспоримые доказательства изготовления в Москве книжных переплетов (а значит, и книг) уже в начале XIV века.

Данные раскопок подтвердили, что массовая материальная культура Москвы в период после Батыева нашествия изменилась. Вышли из употребления такие женские украшения, как стеклянные браслеты и височные кольца (хотя, конечно, не в один год, а на протяжении довольно долгого времени). Горожане заметно меньше стали использовать стеклянные бусы, сменились их типы и формы, поскольку изменились поставщики этих украшений: бусы перестали производить

в разрушенном Киеве, но зато в золотоордынских городах Поволжья стали возникать новые мастерские по изготовлению бус из полуфабрикатов, привезенных из стран Востока.

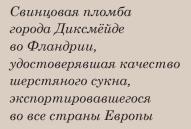
Влияние восточной материальной культуры становится в Москве более ощутимо именно в удельный период. Яркими проявлениями этого влияния стали поливные и стеклянные сосуды с красочной многоцветной росписью, которые привозились на Русь в это время золотоордынскими чиновниками и купцами. Обломки таких сосудов – стеклянного кубка из Сирии с золотой росписью и кашинных (т. е. изготовленных из силикатной массы, «кашина») пиршествен-ных чаш из Ирана, из столичных центров Золотой Орды на Нижней Волге (Старого и Нового Сараев), а также из Крыма - найдены на всей территории будущего Чудова монастыря. Эти находки не так многочисленны, чтобы можно было предположить, что на этом месте была усадьба ордынского чиновника или иного владельца, выделявшегося особым статусом и благо- состоянием. Но они говорят о том, что дорогая восточная посуда в Москве того времени распространилась повсеместно.

Дно глазурованной чаши, изготовленной в Крыму в XIV в. Богатые усадьбы, в том числе принадлежавшие выходцам из Орды, размещались в разных концах Кремля. Например, при раскопках 2007 года в Тайницком саду была обнаружена именно такая усадьба, принадлежавшая перешедшему на службу к московскому князю ордынцу Турабию. Это стало ясно после находки берестяной грамоты с перечнем имущества этого степного аристократа, ставшего вдруг москвичом и жителем Кремля (Гиппиус и др., 2011).

Скорее всего, какому-то другому ордынцу принадлежала хорезмская фляга с рельефным тисненым орнаментом, обломок которой был найден при раскопках в 14-м корпусе. Но эта единичная находка не может рассматриваться как подтверждение историчности известного рассказа о строительстве Чудова монастыря на месте «татарского двора», подаренного митрополиту Алексию ханшей Тайдулой после чудесного исцеления. Если бы на этом месте действительно проживали ордынцы, то количество находок привезенных из степей вещей было больше и разнообразнее: тут бы обнаружились украшения женщин-степнячек, их металлические зеркала, а также предметы вооружения ордынцев и тому подобное.

При раскопках были обнаружены не только предметы восточного происхождения, но и яркие свидетельства торговых связей с Западной Европой. Среди них выделяется свинцовая пломба, которой некогда был опечатан рулон дорогого шерстяного сукна. Пломба принадлежит городу Диксмёйде

во Фландрии (современная Бельгия) и датируется концом XIV — началом XV века. Обычно такие пломбы находят в торговых рядах, где их снимали перед тем, как продавец разворачивал рулон и приступал к продаже ткани. Однако на участке Кремля под 14-м корпусом не было торговой площади. Следовательно, целый рулон импортной ткани был принесен сюда в опечатанном виде с рынка и только здесь был вскрыт, а ткань разрезана для пошива одежды. Такую покупку мог позволить себе только очень состоятельный человек. Это говорит о том, что и после Батыева нашествия в этой части Кремля продолжали стоять дворы богатых горожан.

Второе свидетельство связей с Европой дает крошечный обломок керамической чаши с люстровой (т.е. блестящей, отсвечивавшей золотом) росписью, изготовленной в Испании, в пригороде Валенсии — одном из крупнейших городов на побережье Средиземного моря. Такие чаши ценились очень дорого даже в Испании, а после перевозки за тысячи километров их стоимость возрастала многократно. В Москве до недавних пор было найдены обломки только четырех испанских чаш (Коваль, 1996), так что пятая находка представляет исключительное значение. В XV веке (которым датируется новая находка) Чудов монастырь уже существовал, но вокруг него размещались усадьбы московской аристократии, которая, вероятно, и пользовалась дорогой импортной посудой из Европы.

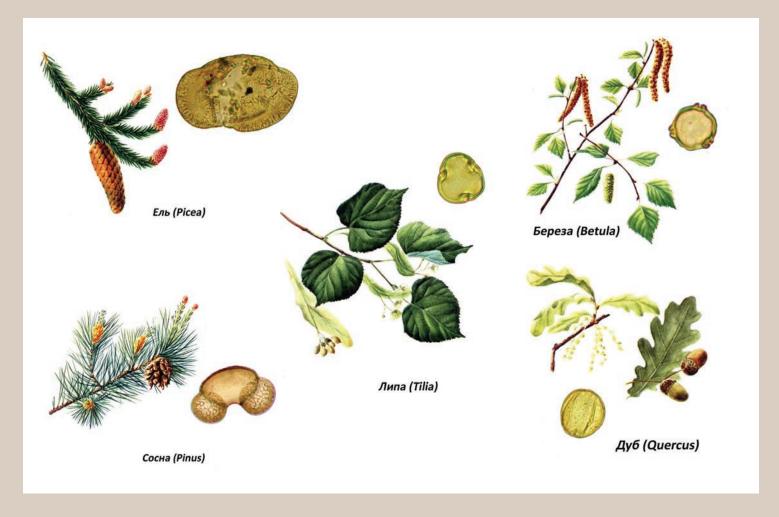
В. Ю. Коваль

Обломок хорезмской керамической фляги с рельефным тисненым орнаментом

Природная среда окрестностей Кремлевского холма в средневековье

Каким был ландшафт в восточной части Кремлевского холма в те времена, когда здесь впервые возникло поселение? Узнать, какой была природная среда на этой территории до ее застройки и как изменилась природа с приходом людей, можно с помощью научных методов, которые позволяют изучить состав почв, флоры и фауны этого периода (палеопочвенные, археоботанические, археозоологические и другие методы). Одним из наиболее информативных методов признан спорово-пыльцевой (палинологический) анализ, с помощью которого ученые получают возможность восстановить характер естественной растительности и проследить изменения в ее составе, связанные как с климатом, так и с деятельностью человека: вырубкой лесов, распашкой земель, выпасом скота, пожарами (Алешинская, Спиридонова, Кочанова, 2016).

Высшие растения производят огромное количество пыльцевых зерен или спор, которые попадают на поверхность суши или водоема, затем становятся компонентом отложений и постепенно переходят в ископаемое состояние. Если эту ископаемую пыльцу отделить от вмещающей ее породы, рассмотреть и определить под микроскопом, то можно получить спорово-пыльцевой спектр — набор пыльцы

и спор растений, произрастающих в пределах того региона, где произошло их захоронение. Проанализировав споровопыльцевой спектр, ученые могут определить, какие растения росли на изучаемой территории в тот момент, когда формировались эти отложения.

В ходе палинологических исследований удалось определить, какие растения росли на Кремлевском холме и в его окрестностях начиная с X–XI веков и кончая XIV веком.

Самые ранние из изученных слоев относятся к X–XI векам. Этот период определяется как «средневековый климатический оптимум», или средневековая климатическая аномалия — время, когда климатические условия были теплее современных (Helama et al., 2012. P. 275–286; Christiansen, Ljungqvist, 2012. P. 765–786).

В то время эти территории еще не были затронуты хозяйственной деятельностью. На холмах росли широколиственные липовые леса с небольшой долей ели и сосны. Позднее они перешли в смешанные широколиственно-хвойные, где по-прежнему преобладала липа, но увеличилась доля ели, сосны и березы. Травяной покров был очень бедный, а в нижнем ярусе разрастались мхи и папоротники.

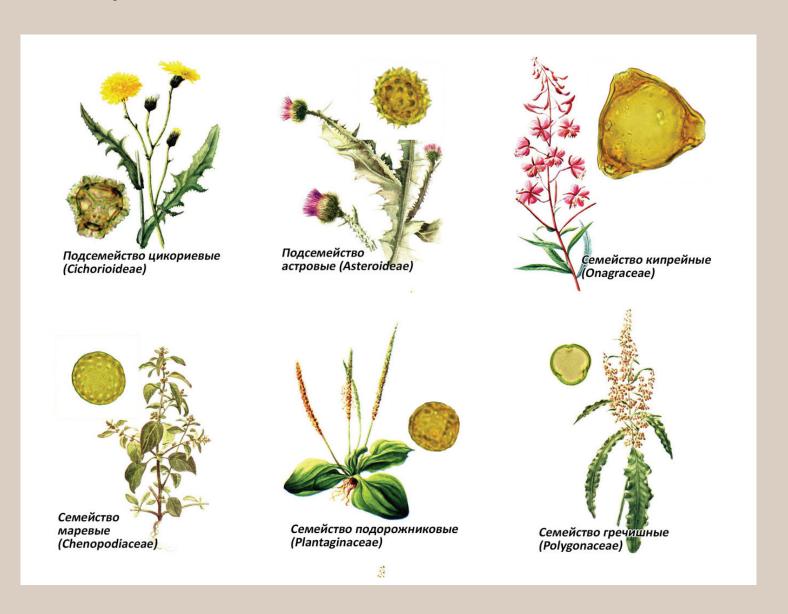
Пыльца основных древесных пород, встреченная в образцах из культурного слоя Кремля

Позже, на следующем этапе, площади лесов сократилась, но его состав остался прежним. Это были смешанные хвойношироколиственные леса, по большей части из липы, ели и сосны. Сосна могла образовывать и самостоятельные насаждения, например, на песчаных террассах. Также было много различной сорной растительности. Как полагают исследователи, уменьшение лесных площадей было связано с началом освоения территории. Вероятно, заселению участка предшествовал период его использования под огороды.

Активная деятельность человека привела к значительному сокращению лесных массивов во второй половине XII — первой половине XIII века. Изменился и состав леса: в эти времена в окрестностях поселения росли хвойно-широколиственные леса с преобладанием ели и сосны. Липы в их составе стало меньше — это изменение было связано с начавшимся похолоданием климата.

Природные условия следующего этапа были близки к современным. Они сохранялись на протяжении достаточно длительного периода, но были нарушены пожаром 1238 года после

Пыльца основных сорных растений, встреченная в образцах из культурного слоя Московского Кремля

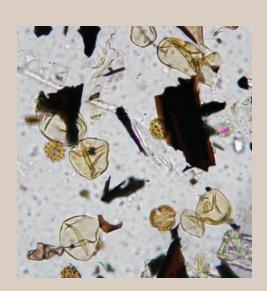

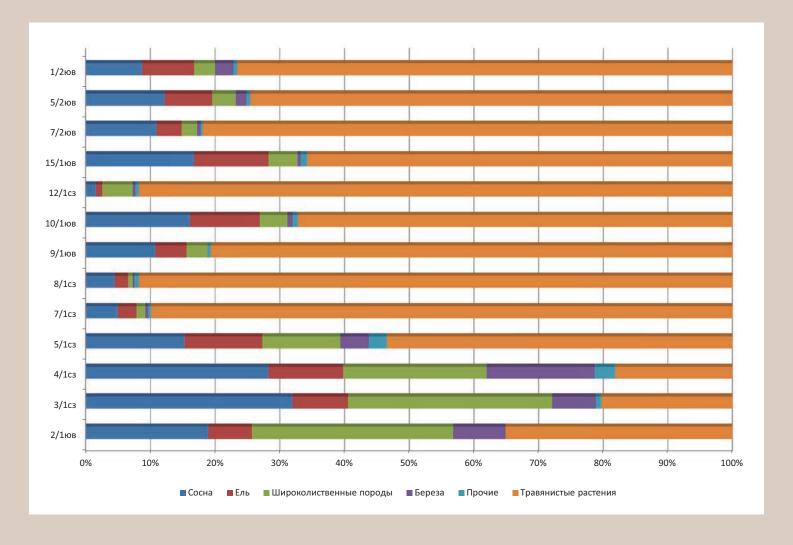
взятия Москвы отрядами монголо-татар. По данным палинологического анализа, в эти времена в Москворечье существовали открытые безлесные ландшафты. Конечно, говорить о естественной растительности на заселенной людьми территории можно с определенной долей условности. Но уже установлено, что, кроме различной сорной растительности, которая всегда встречается на поселениях, на территории возле Кремлевского холма располагались разнотравные луга с достаточно богатым составом, которые могли использоваться как пастбища. На влажных участках росла валериана, в пойме Москвы-реки, возможно, встречалась смородина.

Схема изменений растительности Кремлевского холма и его окрестностей

В слое этого периода было зафиксировано большое количество пыльцы культурных злаков. Это, по мнению исследователей, говорит о том, что рядом находились пахотные угодья. Также большое количество пыльцы может быть связано с обработкой или хранением зерна: есть исследования (Robinson, Habbard, 1977. Р. 197–199), доказывающие, что только часть пыльцы из колоса попадает в атмосферу, а большая ее часть остается на чешуйках и может переноситься с зерном и соломой. Другим источником попадания пыльцы злаков в слой может быть солома, используемая в качестве подстилки и корма для скота, а также навоз. Слой, сложенный из пшеничной соломы, может содержать около 60 % ее пыльцы (Lambrick, Robinson, 1979. Р. 157). Все эти данные говорят о том, что начальный период городской жизни в восточной части Кремлевского холма был временем, когда окружающие территории активно использовались для сельского хозяйства. Вокруг холма сформировались аграрные ландшафты, радикально изменившие природную среду Москворечья.

Пыльца культурных злаков под микроскопом Увеличение в 400 раз

Гистограмма распределения пыльцы и спор в культурном слое из раскопа 2

О том, какими в этот период были естественные природные ландшафты, можно узнать по пыльцевым спектрам древесных пород. Судя по количеству пыльцы, лес начинался неподалеку от Кремля. Это были смешанные широко-лиственно-хвойные леса, почти такие же, как и сейчас. В их составе преобладали ель, сосна с незначительной долей липы, местами, возможно, были и полностью сосновые боры и ельники. В подлеске росла лешина.

В разрезе юго-восточного профиля на участке 1 был обнаружен самый мощный слой золы, связанный, очевидно, с пожаром 1238 года. Но в этом слое не было пыльцы. В двух других разрезах этот слой представлен небольшими угольно-зольными прослойками.

По палинологическим данным, после пожара площади лесов сильно сократились, а в их составе преобладала липа. Возможно, пожар сказался на природном окружении поселения, уничтожив лесные массивы. Но скорее всего, леса не сгорели, а активно вырубались уже после пожара при восстановлении поселения, причем использовали главным образом ель и сосну, а липу

оставляли. На пожарищах в качестве растения-пионера активно селился иван-чай (кипрей).

В последующее время площадь лесов снова увеличилась, даже по сравнению с «допожарным» этапом. Как полагают исследователи, это могло быть связано как с похолоданием климата, так и с запустением после пожара. Леса, произраставшие в это время, были ближе к хвойным, чем к смешанным. В их составе преобладали ель и сосна, а широколиственные породы присутствовали в качестве примеси. В зависимости от местных условий произрастания это могли быть чистые ельники и сосновые боры.

Постепенно природная среда возвратилась к состоянию, которое было до пожара. Площади лесов вновь сократились, а открытые пространства, как и прежде, были заняты пашнями, пастбищами, сорной и злаково-разнотравной растительностью.

Следующий этап, время которого ориентировочно определяется как конец XIII—первая половина XIV века, оказался самым холодным. Пыльцевые спектры Кремлевского холма свидетельствуют о Малом ледниковом периоде—самом холодном периоде на Земле за последние две тысячи лет, следы которого прослеживаются в различных областях Европы (Bradley, Jones, 1993. Р. 367–376). Похолодание климата сказалось на изменении состава леса в окрестностях Кремлевского холма: в это время в составе хвойных еловососновых лесов увеличилось количества ели. Характер открытых пространств практически не изменился, а на поселении широко распространились различные сорные растения, в основном из подсемейства цикориевых.

А. С. Алешинская

Археозоологические остатки из культурного слоя

При раскопках 2016—2017 годов в восточной части Кремлевского холма собрана представительная остеологическая коллекция (около 9000 костей). Задачи ее исследования разнообразны — от обсуждения особенностей мясной диеты обитателей этой территории, меняющейся на протяжении почти шести столетий, до установления локальных событий, связанных с животными.

Базовую часть коллекции составляют кухонные отбросы, среди которых больше всего костей крупного рогатого скота. По сравнению с ними костей свиньи найдено в два раза меньше, а кости овец и коз составляют лишь десятую часть. Также в коллекции кости диких животных: лося, кабана, бобра и зайца. Кроме остатков млекопитающих обнаружены кости домашних кур и, вероятно, диких уток и гусей, а также осетровых рыб и сома. К отдельной немногочисленной группе относятся целые элементы скелетов лошадей, собак, кошек и дневных хищных птиц.

Изучение кухонных остатков по остеологической коллекции Кремлевского холма позволило сделать однозначный вывод: на протяжении шести столетий, с XII по конец XVII века основой мясного стола у жителей Московского Кремля,

несомненно, была говядина, к ней в заметно меньших объемах прибавлялась свинина, изредка — баранина и козлятина. И хотя именно говядина была самым традиционным мясом для всего населения Древней Руси, остеологические материалы из раскопок других древнерусских городских и сельских поселений показывают, что горожане съедали ее почти в 10 раз больше, чем свинины, а в мясном рационе сельчан она составляла только третью часть. Кроме этой информации о наличии начиная с XII века типично городской структуры мясной диеты у жителей Московского Кремля, по коллекции кухонных остатков удалось установить, что первым москвичам не были чужды кулинарные изыски, отвечавшие запросам разных социальных групп. Например,

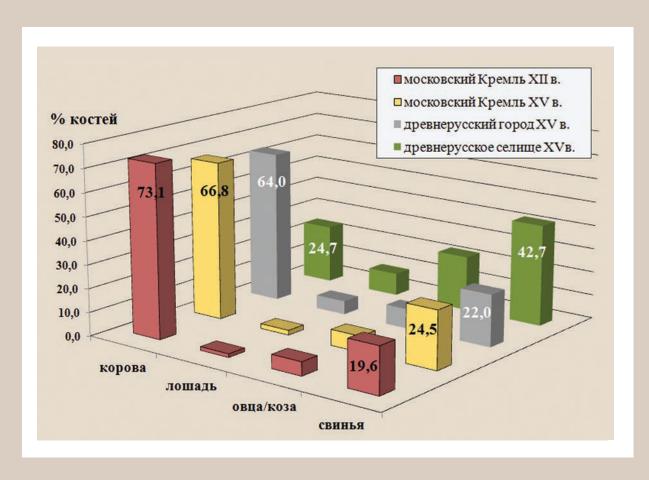
Почти полный скелет самца ястреба-перепелятника (Accipiter nisus)

мясо лося и кабана можно считать престижным и статусным для владельцев богатой усадьбы, а пирожки с зайчатиной разнообразили питание, как правило, простого народа. Есть еще одно любопытное, но пока не находящее объяснения наблюдение — увеличение в монастырских слоях второй половины XIV—XV века доли костей свиньи.

Однако наиболее яркими остеологическими находками в домонгольских и домонастырских напластованиях XII—XIV веков стали разрозненные элементы скелетов четырех самок ястреба-тетеревятника и почти полный скелет самца ястреба-перепелятника.

По письменным источникам хорошо известно, что эти виды наравне с соколами издревле использовались населением Восточной Европы в качестве ловчих птиц для высшего сословия. Ястребы являются дендрофильной группой птиц и, в отличие от соколов, могут на огромной скорости с легкостью маневрировать среди кустарников и ветвей деревьев. Поэтому в центральных и северных регионах Древней Руси для охоты нередко предпочитали именно ястребов: крупных самок тетеревятника, которые в угон могли даже взять зайца, и ярко окрашенных самцов перепелятника, азартных и неутомимых охотников на мелких птиц.

Обсуждаемые останки пяти ястребов обнаружены в напластованиях на одном и том же участке Кремлевского холма. Эти кости, несомненно, прирученных хищных птиц говорят о существовании здесь «соколиных дворов» богатых и знатных горожан: дикие ястребы избегают селиться в городских поселениях и в таком количестве не могли случайно погибнуть или быть убитыми в одном и том же месте. О том, что жители Кремлевского холма содержали ловчих птиц, свидетельствует и соколиный клобучок (кожаный наглазник), найденный в заполнении постройки конца XIV века при раскопках 2007 года на Подоле Московского Кремля в Тайницком саду.

Любопытно, что и в наше время ястребы пользуются большой популярностью у любителей соколиной охоты, а в Московский Кремль вернулся «соколиный двор» — орнитологическая служба, главными героями которой являются как раз ястребытетеревятники, защищающие исторические памятники Кремля от ворон.

Расшифровка фактов, полученных при изучении археологических костей животных из Московского Кремля, продолжается, но уже сегодня представляется бесспорным, что остеологическая коллекция отражает городской облик этой территории, которую заселяли и обустраивали жители с разным материальным достатком и социальным статусом.

Е. Е. Антипина, Л. В. Яворская

На странице слева: Разрозненные элементы скелетов четырех самок ястреба-тетеревятника (Accipiter gentilis)

Остеологические спектры домашних копытных по кухонным остаткам из Московского Кремля, древнерусских городов и селищ

Монастырские постройки: остатки церкви Чуда Архангела Михаила, галерей и трапезной

Интерьер Михайловского собора Чудова монастыря Фото рубежа XIX–XX вв. Время основания Чудова монастыря примерно совпадает с появлением здесь каменного собора во имя Чуда Архистратига Михаила с приделом Благовещения, который построен на средства митрополита Алексия в 1365 году. Ограниченность в средствах повлияла на то, что размеры первого храма были невелики.

При великом князе Василии II верх церкви внезапно обрушился (упали своды центральной части). По мнению В. А. Кучкина, это произошло между 1425 и 1431 годами. Могила святителя, находившаяся в южном предалтарии, не пострадала, а вскоре стала главной святыней монастыря. Возведение заново второй Михайловской церкви В. А. Кучкин относит к периоду между 1431 и 1437 годами.

Но более вероятно, что вскоре после катастрофы поврежденные части здания были восстановлены и в таком виде Михайловский собор просуществовал до начала XVI века. По крайней мере, в глазах москвичей второй половины XV — начала XVI века существовавший тогда собор ассоциировался с тем, что «заложил и съвершил святый митрополит Алексий чюдотворец».

На странице справа Вид Михайловского собора с юго-запада. Литография (Мартынов, Снегирев, 1852)

Западный фасад, разрез, план и порталы Михайловского собора Чудова монастыря Обмер Ф. Ф. Рихтера 1840–1850-е гг. Это обстоятельство подтверждается и археологически. Кроме строительной прослойки, несомненно относящейся к 1365 году и содержащей отески белого камня, не обнаружено вышележащих строительных горизонтов, которые можно бы связать с разборкой и полной перестройкой здания в первой половине XV века.

В 1501—1503 годах Иваном III возводится новое здание, состоящее из белокаменных подвала, подклетного яруса и кирпичной холодной церкви Чуда Архистратига Михаила с приделом Благовещения в южной алтарной апсиде. В 1518 году интерьер был расписан.

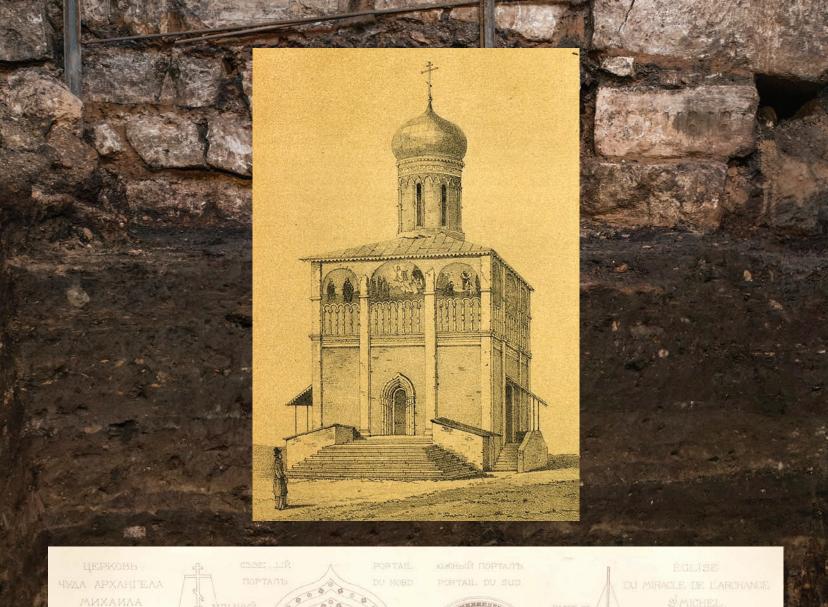
Постройка Ивана III заняла площадку, на которой находился собор 1365 года, чему есть свидетельство письменного источника. Скончавшийся в 1505 году, уже после возведения нового здания, бывший архиепископ Геннадий погребен «в самом том месте, идеже бе лежало в земьли священное тело великого святителя и чюдотворца Алексия преже обретения его у самыя стены великия церкви».

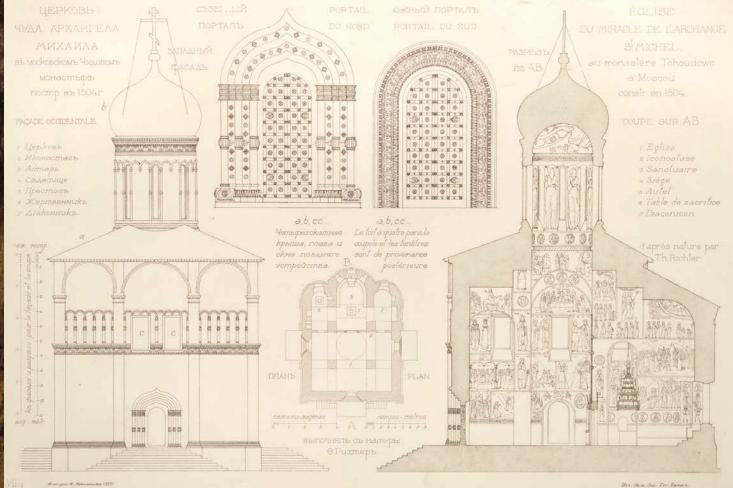
Наиболее ранним, но довольно схематичным графическим материалом по Михайловскому собору является план «Кремленаград», где он показан пятиглавым с южной папертью, «всходом» в нее и северным крыльцом, ведущим к одному из зданий, расположенному у северной ограды.

При археологическом изучении в 2016—2017 годах площадок, примыкавших к собору с запада и севера, были выявлены только нижние ряды фундаментов обстройки здания 1501—1503 годов (вероятно, окружавших его папертей). Остатки конструкции интересны тем, что в качестве строительного материала здесь вторично использованы фрагменты блоков с характерными для раннего периода следами ложчатой тески, относящиеся к предшествующему белокаменному собору.

Кроме того, в заполнении северного участка фундамента был обнаружен белокаменный блок с фрагментом килевидного архивольта наличника окна, представляющий собой валик, утопленный в плоскость стены. Тыльная часть блока, которая заделывалась в кладку, утрачена.

Оконный проем, которому принадлежал этот наличник, подвергался переделкам при его расширении. Его первоначальные сужающиеся откосы были сильно растесаны под прямым углом, выбрана четверть для установки нового заполнения. В правой части блока сохранился вытесанный прямоугольный паз для заведения в него ремонтных лесов, что указывает на длительную строительную историю здания, которому принадлежал наличник.

Фрагмент белокаменной детали, по-видимому относящейся к фасадному декору собора XIV в.

Из верхнего горизонта происходят два фрагмента белокаменных деталей, которые можно отнести к постройке XIV века. Первый является частью элемента архитектурного декора с профилем, состоящим из двух полок и помещенного между ними полувала. Деталь могла быть использована в вертикальной тяге фасада, например, на углах пилястры, разделяющей прясла — как на пилястрах Успенского собора в Звенигороде (начало XV века). Меньшие, по сравнению с этим памятником, размеры членений профиля могут свидетельствовать о том, что деталь принадлежала сравнительно небольшому зданию.

Другой фрагмент угловой части белокаменной детали с профилем полувала или вала с полкой мог принадлежать профилированному карнизу, цоколю или капители.

Вероятно, что эти детали были использованы в кладке Михаило-Архангельского собора 1365 года. Архитектурные находки подтверждают гипотезу о том, что храм XIV века не был разобран после обрушения 1430-х годов, а просуществовал до начала XVI века.

Строительный горизонт собора 1501—1503 годов и следы разборки здания 1365 года не сохранились — они полностью утрачены при срезках грунта в 1929 году. Поэтому мы не

На странице справа: Общий вид фрагмента оконного наличника собора XIV в.

Фрагмент оконного наличника собора XIV в. в кладке северного участка фундамента начала XVI в.

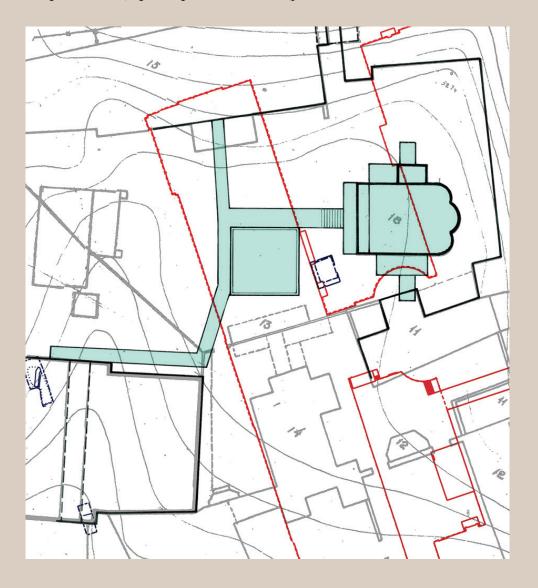
Фрагмент кладки фундамента, выполненный из белокаменных блоков вторичного использования.

знаем ни формата кирпича, ни характеристик раствора, на котором были сложены стены и конструкции Михайловского храма времени Ивана III. На возможное расположение его северо-западного угла может указывать выявленный при раскопках небольшой фрагмент фундамента, уходящий за пределы границ исследований.

При реконструкции Чудова монастыря, начатой после 1677 года, перед западным фасадом Михайловского храма возведена пятиярусная колокольня, а западная паперть собора соединена каменными переходами с другими постройками.

Паперти, расположенные с трех сторон собора, сохранялись до второй половины XVIII века и сломаны в 1775—1778 годах по инициативе архиепископа Платона Левшина. Вместо них были устроены открытые крыльца, а перед западным входом возведено крыльцо в готическом вкусе. Также собор лишился четырех боковых глав. В таком виде Михайловский храм сохранялся до разборки в 1929 году.

Графическая реконструкция центральной части комплекса Чудова монастыря по описи 1737 г.

Новая трапезная палата с церковью Алексия Митрополита сменила каменное здание, возведенное еще самим митрополитом во второй половине XIV века. Она заложена в 1483 году архимандритом Геннадием Гонозовым и находилась, вероятнее всего, на месте предшествующего сооружения, о чем может свидетельствовать летописное сообщение «заложи чюдовскои архимандрит трапезу камену, а старую разруши». Время окончания строительных работ и освящения церкви в источниках не указано.

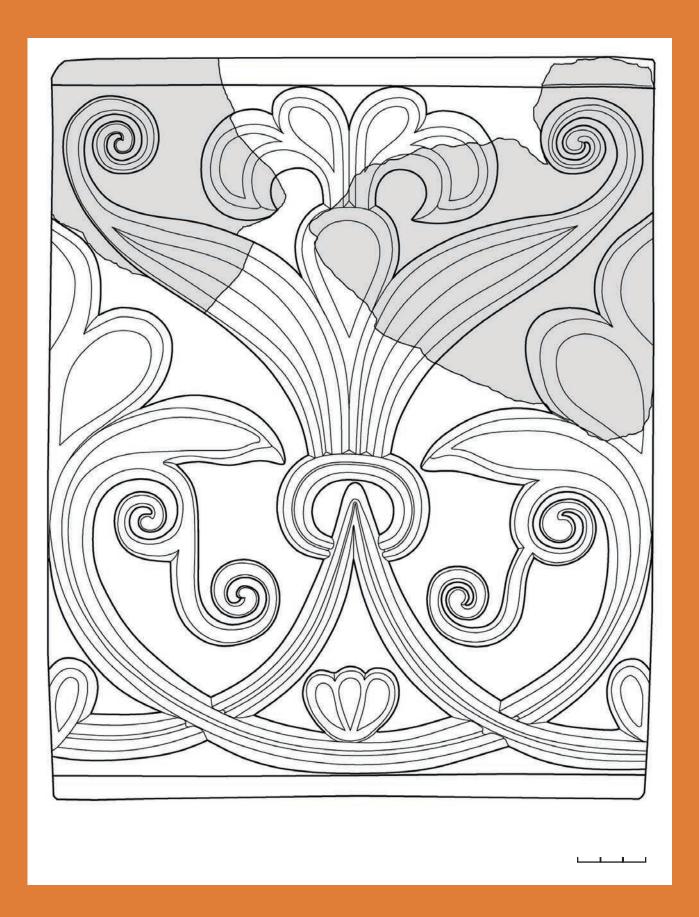
Вскоре после постройки в Алексиевскую церковь при трапезной была перенесена рака с мощами из сильно обветшавшего Михайловского собора и установлена «на десной стране у стены». Впоследствии мощи находились именно здесь, и даже после строительства собора 1501–1503 годов не были возвращены обратно, хотя в Благовещенском приделе для них была устроена ниша.

На плане «Кремленаград» трапезная палата представлена в виде собственно двухэтажной палаты с главой церкви над ней и примыкавшей с севера двухъярусной паперти, на которой поставлена трехшатровая звонница.

Трапезная палата 1483 года была разобрана при строительстве в 1680-1686 годах комплекса теплых церквей и служебных помещений. Возможно, она не попала на площадку строительства, но для монастыря в этот период она тогда определенно стала не нужна.

Раскопки 2016–2017 годов не охватывали участок трапезной

Кладка белокаменного фундамента XVI в. над заглубленной постройкой (погребом) домонгольского времени

98

1483 года, но некоторый материал, который можно к ней отнести, все же обнаружен. Например, в верхнем горизонте, представленном перекопом XX века, найдены фрагменты тонкого «плинфообразного» кирпича, характерного для московского строительства второй половины XV века.

В яме, возможно связанной со строительством собора 1501—1503 годов, были найдены несколько фрагментов рельефных и отсутствию следов румп на тыльной стороне, они относятся к декоративной керамике, использовавшейся в московском зодчестве со второй половины XV до середины XVI века. Почти все они не имеют следов бытования, поэтому, если судить по месту находки, эти обломки терракоты — брак, отложившийся на строительной площадке, а затем случайно перемещенный в фундаментные рвы соборной обстройки.

По этим фрагментам удалось реконструировать орнаментацию плит. Она представляет собой распространенный в древнерусской архитектуре мотив крина, который использовался в декорации еще с античных времен. Хорошо прорисованный объемный рельеф с тонкой проработкой деталей можно считать классической трактовкой сюжета, имеющего прямые аналогии на фасадах московских зданий 1470—1480-х годов — Духовской (Троицкой) церкви Троице-Сергиева монастыря, Ризоположения в Кремле, трапезной палаты Симонова монастыря. Единственной постройкой Чудова монастыря, которая близка по времени вышеперечисленным памятникам, является трапезная палата, заложенная в 1483 году; вероятнее всего, керамические детали относятся к этому сооружению.

А. В. Яганов

На странице слева: Графическая реконструкция плитки фриза второй половины XV в., предположительно относящейся к фасадам чудовской трапезной 1483 г.

Монастырские постройки: церкви Благовещения и Митрополита Алексия 1680-1686 гг.

После расширения монастырской территории в 1677 году в юго-западной части присоединенного участка начинается строительство значительного по масштабу комплекса, состоящего из трех церквей: Благовещения (престол был перенесен из Михайловского собора), Андрея Первозванного и Алексия Чудотворца «с трапезами».

Он был заложен в августе 1680 года и окончен в 1686 году. Двухэтажное сооружение возводилось по инициативе и на средства царя Федора Алексеевича и, как сказано в храмозданной надписи, «по его государскому чертежу и указной мере». Церкви располагались в пределах второго этажа, а в нижнем находились монастырские службы и ворота, ведущие во внутренний двор. Благовещенская церковь была соединена крытыми каменными переходами с колокольней, Михайловской церковью и архимандритскими кельями.

В бытность московского архиерея Платона Левшина к южному фасаду Алексиевской церкви пристроен четырехколонный портик в стиле псевдоготики.

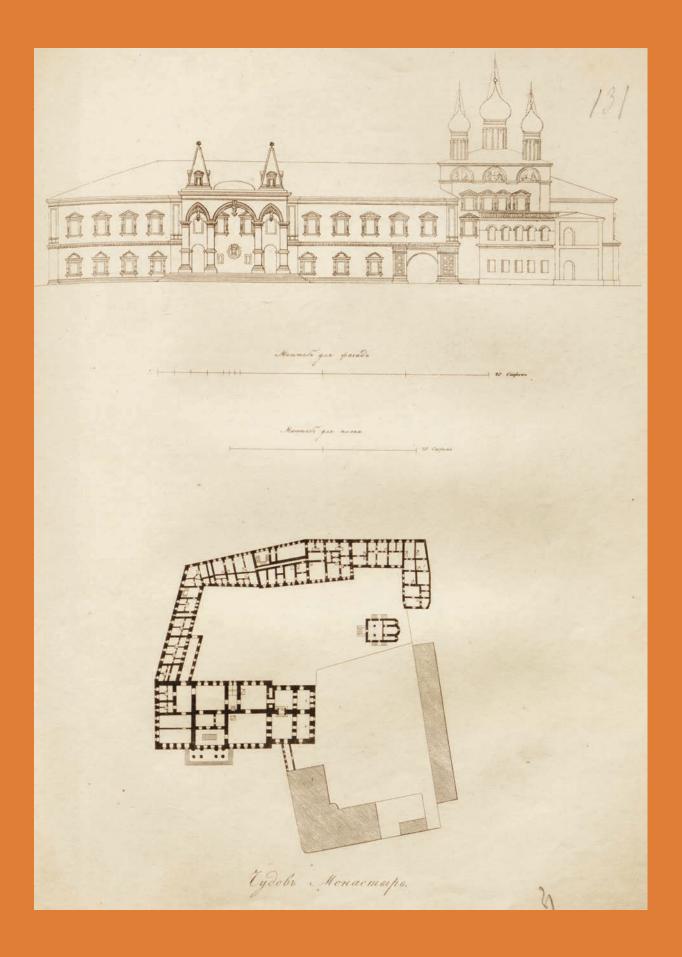

В 1905—1906 годах под Алексиевским храмом была устроена церковь Сергия Радонежского и усыпальница великого князя Сергея Александровича, погибшего в феврале 1905 года.

Вид Чудова монастыря и архиерейского дома с юга Ф. Я. Алексеев. 1800-е гг.

Как и другие постройки Чудова монастыря, комплекс церквей был уничтожен в 1929 году.

С помощью двух археологических шурфов, заложенных на Ивановской площади, были выявлены участки сооружения 1680—1686 годов. Были обнаружены участки четырех каптальных стен, сохранившихся на отметке верха цокольной части здания. Две из них составляют юго-восточный угол четверика под Алексиевской церковью, третья — под алтарной частью этого храма. Еще одна стена, примыкавшая без перевязки к южной плоскости, принадлежит парадному подъезду Малого Николаевского дворца, построенного архитектором К. А. Тоном в 1851 году. К юго-восточному углу четверика примыкал фрагмент белокаменной кладки с полуаркой, опирающейся на выступ, который, по-видимому, являлся контрфорсом, устроенным еще в ходе строительства комплекса.

При раскопках был вскрыт плохо сохранившийся правый (восточный) пилон ворот, которые вели во внутренний двор монастыря: это подтверждается конфигурацией стен на этом участке и присутствием в проезде двух этапов его мощения — раннего булыжного и более позднего, из белокаменной лещади. В помещении под алтарем Алексиевской церкви обнаружен фрагмент выстилки из кирпича «в елку», которая относится к первой трети XIX века.

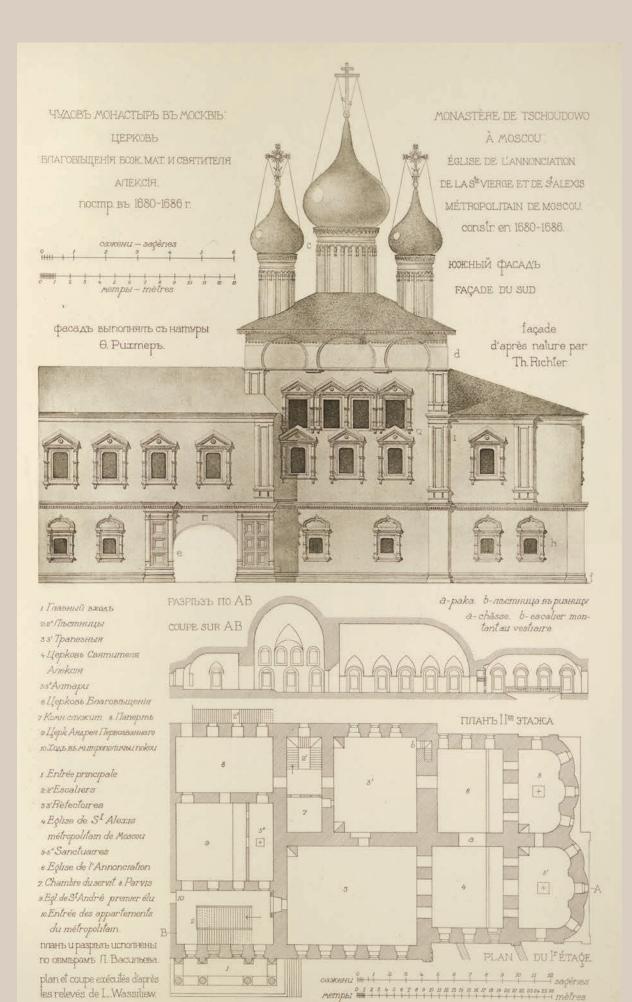
Кладка цоколя второй половины XVII века состоит из белокаменных блоков с забутовкой из кусков колотого белого камня и валунов на глине. Среди элементов кладки выявлено несколько фрагментов надгробных плит, по орнаментации боковых граней датируемых первой половиной XVII века.

С помощью другого шурфа была обнаружена часть северной стены палаты, располагавшейся под Благовещенской церковью 1680—1686 годов, к западу от ворот, ведущих в монастырь со стороны Ивановской площади.

От нее сохранились наружная и внутренняя плоскости и нижние ряды стеновой кладки, выложенные из белокаменных блоков, а в забутовке использован большемерный кирпич, среди

Белокаменные надгробия XVII в. в кладке южного угла Алексиевской церкви

На странице слева: Южный фасад церкви Алексия Митрополита 1680–1686 гг. и план Чудова монастыря (Снегирев, 1842–1845)

которого было больше целых форм, чем обломков. Перпендикулярно к внутренней плоскости примыкает стена шириной 120 см. Она приложена к капитальной стене без перевязки и выполнена из большемерного кирпича вторичного использования. Здесь же выявлен канал калориферного отопления второй половины XIX — начала XX века. К западной плоскости, также без перевязки, примыкает перегородка, сложенная из нецелого кирпича на основании из кусков белого камня.

Исследуемый участок этой стены зафиксирован на фотографии, сделанной незадолго до разборки памятника. Снимок сделан с севера-северо-запада; на нем представлены три оконных проема первого этажа в редакции второй половины XVIII века, средний из которых переделан в дверь, ведущую в помещение, которое было занято под котельную.

А. В. Яганов

Белокаменная кладка фундамента трапезной Алексиевской церкви Чудова монастыря, кирпичная кладка фундамента внутренней стены и печной калориферный канал

На странице слева: Церковь Алексия Митрополита 1680–1686 гг. Фрагмент южного фасада и плана (Суслов, 1899)

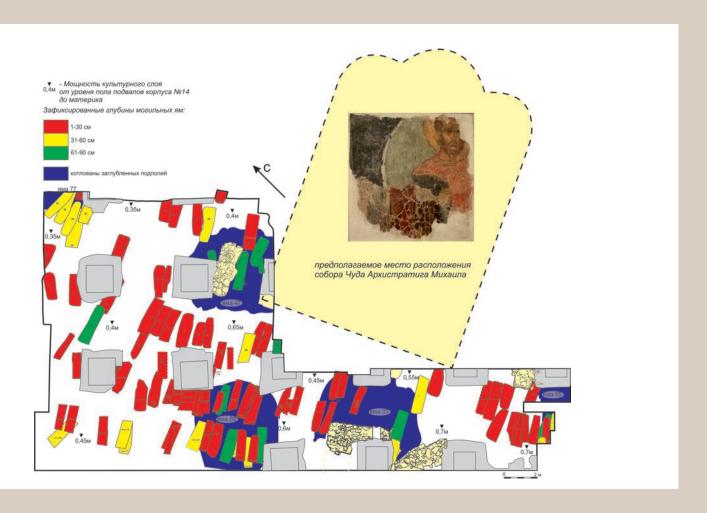
Монастырский некрополь: погребальный обряд

Некрополь Чудова монастыря начинает формироваться с момента его основания во второй половине XIV века и до 1771 года. Кроме митрополита Алексия, погребенного здесь в 1378 году, источники дают нам имена двух лиц, похороненных в XIV веке: это сведенный с кафедры тверской архиепископ Евфимий Вислень (1392) и племянник митрополита Данило Федорович (1393). В дальнейшем монастырь стал местом жительства, а затем погребения крупных церковных иерархов, как опальных, так и ушедших сюда на покой.

Чудовский некрополь был востребован также ближними боярами великих князей, а затем царей, дворы которых в XV–XVI веках располагались вблизи монастыря.

После образования в 1742 году Московской епархии под папертями Михайловского собора были похоронены три первых иерарха: архиепископы Иосиф Волчанский (1745), Платон Малиновский (1754) и Тимофей Щербацкий (1767).

Последнее захоронение, совершенное в устроен-ном под Алексеевской церковью храме-усыпальнице во имя Сергия Радонежского, принадлежит великому князю Сергею Александровичу (убитому в феврале 1905 года) (Панова, 2003. C. 109).

Раскопками 2016—2017 годов была исследована часть некрополя Чудова монастыря, расположенная к северу и западу от предполагаемого местонахождения собора Чуда Архистратига Михаила начала XVI века, где выявлено 120 погребений (рисунок на с.40).

Участок содержит 5—6 рядов захоронений, ориентированных по оси «запад—восток», с незначительным смещением на юг. Ориентация могильных ям приблизительно совпадает с реконструируемой по графическим материалам продольной осью собора начала XVI века. Некоторые погребения перекрывают друг друга, кроме того, хорошо видны скопления могильных ям на участках рядов некрополя: это может указывать на существование здесь мест семейных захоронений.

Белокаменных надгробий *in situ* над могилами не обнаружено, все найденные их фрагменты либо происходят из перекопов строительства 1930-х годов, либо находятся в фундаментах колонн этого времени. Одна из двух наиболее ранних надмогильных плит (последняя треть XIV — начало XV века) была использована вторично как крышка позднего белокаменного саркофага.

План раскопов в подвале корпуса № 14 с погребениями некрополя у Михаило-Архангельского собора Цветом обозначены могилы, различающиеся по глубине

Просадка погребения № 49 в котлован ямы № 47

Пятно могильной ямы погребения № 44. Вид с юговостока. Белокаменная крошка в заполнении отсутствует.

Пятно могильной ямы погребения № 21. Вид с юговостока. Белокаменная крошка в заполнении присутствует в значительном количестве

Верхний ярус погребений был зафиксирован сразу после снятия бетонного пола подвалов Военной школы имени ВЦИК, которые были заглублены на 5-6 метров от уровня современной дневной поверхности. Могильные ямы были частично уничтожены при строительстве здания 1930-х годов или оказались значительно поврежденными его фундаментами и коммуникациями.

Около половины общего количества могильных ям сохранилось на глубину до 30 см (рисунок на с.107), лишь единичные фиксируются на больших отметках (до 60–90 см), что, возможно, связано с их просадкой в засыпанные погреба построек домонгольского периода. Размеры могильных ям $-1,9-2,4\times0,6-$ 0,65 метр. В отдельных случаях ширина достигает 75–90 см. Ямы заполнены серой супесью, в отдельных случаях – песком, иногда присутствует белокаменная крошка, попавшая туда из горизонта, связанного со строительством второй половины XIV века

Большинство погребений совершены в деревянных гробах (84); относительно хорошая сохранность дерева дает возможность определить их типы и виды. В шести случаях были использованы белокаменные саркофаги.

В 19 могилах, преимущественно в верхнем ярусе, следы древесного тлена фрагментарны, что не дает возможности реконструировать ни форму, ни размеры конструкции гробов, а в 47 могилах они сохранились в виде пятен древесного тлена торцов, фрагментов стенок или дна.

Иногда не представляется возможным определить вид погребальной конструкции и ее существенные ее детали, хотя при фиксации направлений древесных волокон в местах расположения торцов гроб-колоду, к примеру, можно отличить от составного гроба ящичного типа.

Анализ использованных пород дерева в 18 конструкциях показывает его разнообразие: ель, сосна (по 4 образца), дуб (8 образцов) и липа (2 образца). Широкое использование для устройства погребальных сооружений древесины дуба – более редкого и дорогого материала – может рассматриваться как один из признаков элитного характера некрополя.

Выявленная высота стенок гробов не превышает в среднем 15–20 см. и лишь в отдельных случаях достигает 30 см. Крышки сохранились в единичных случаях и крайне фрагментарно, реконструировать их форму мы не можем. Из-за относительно плохой сохранности не удалось зафиксировать следы окраса, обивки, внешних украшений.

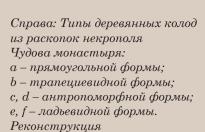

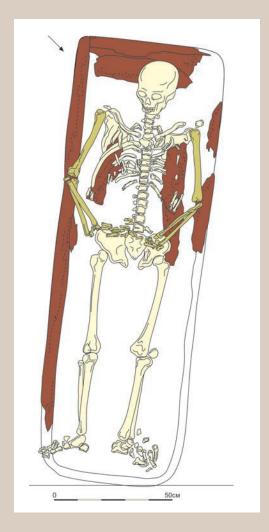
Положение рук индивида, захороненного в погребении № 5.

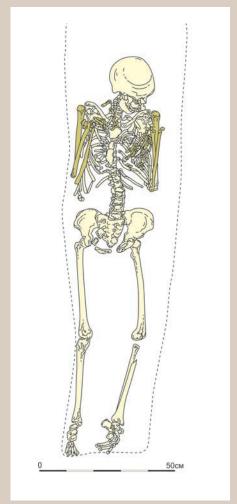
Положение рук индивида, захороненного в погребении № 97

Справа внизу: Положение рук индивида, захороненного в погребении № 38

Места находок железных гвоздей в погребении № 24 Вид с северо-запада.

Иногда в пятнах древесного тлена от деревянных гробов встречаются железные гвозди. Однако сохранность органики и расположение гвоздей не позволяет точно выяснить, скрепляли ли они доски ящиков или ими прибивались крышки. В изножье только одного погребения обнаружены гвозди, которыми, вероятно, была прибита крышка, поскольку гроб явно представлял собой долбленую колоду антропоморфной формы.

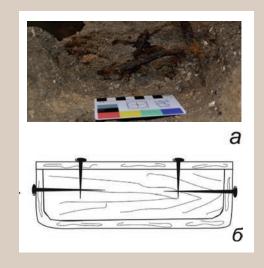
В 38 случаях гробы – это долбленые колоды прямоугольной, трапециевидной, антропоморфной или ладьевидной форм. В погребениях некрополя не отмечено преобладания какого-либо

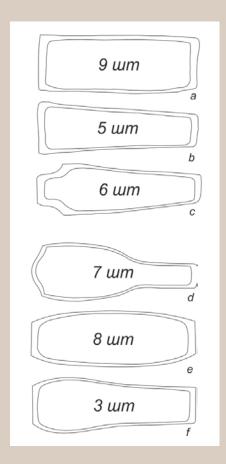
из этих видов конструкций. В одном ряду можно встретить разные виды колод, что говорит либо об одновременном бытовании колод разных форм, либо о том, что ряд захоронений продолжался в течение нескольких веков. Материалы, полученные при исследовании некрополя Чудова монастыря, дополняют данные Т. Д. Пановой об использовании трапециевидных колод на кладбищах Москвы в период XV—XVII веков, а антропоморфных — в XV веке (Панова, 2004. С. 70—76).

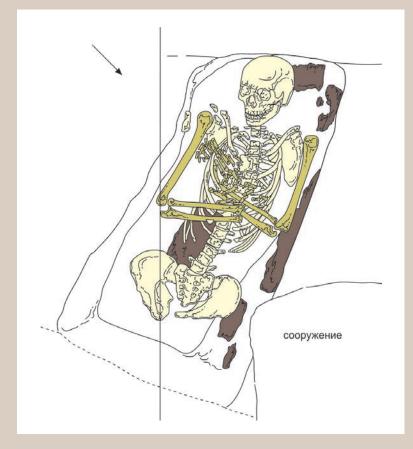
Лишь в одном случае удалось зафиксировать конструкцию составного гроба с креплением на гвоздях. Захоронение было сильно повреждено в 1930-х годах; сохранилась только головная часть погребения, что не дает возможности полностью реконструировать его форму и размеры. Однако расположение гвоздей позволяет предполагать, что дно со стенками представляли собой единый короб, торцы которого прибиты железными гвоздями к стенкам.

По православному обряду покойных погребали в вытянутом положении на спине, головой на запад с незначительным смещением на юг. Преобладающие положения рук — сложенные на груди или на животе, однако встречаются и другие варианты — например, когда руки полностью согнуты в локтях, кисть правой руки лежит на правом плече, кисть левой — на левом.

Разрез составного гроба погребения № 104: а – фото торца в изголовье (вид с внешней стороны); б – реконструкция

Стеклянная елейница из погребения № 50 и керамические сосудики для елея (справа), обнаруженные в погребениях Чудова монастыря

Кирпич под головой индивида, захороненного в погребении № 4 Череп уничтожен при строительстве в 1930-х гг.

Погребальный инвентарь в захоронениях практически отсутствует. Лишь в 13 погребениях обнаружены ритуальные сосуды – так называемые елейницы: 12 керамических (датируются в широких рамках от середины XIV до XVI века) и одна стеклянная. Стеклянные сосуды подобной формы хорошо известны и относятся к германскому производству XV–XVI веков (по определнию Е. К. Столяровой). В Европе они использовались как одна из составных частей песочных часов. Важно отметить, что аналогичный сосуд был обнаружен в 1929 году в одном из погребений XVII века в некрополе Вознесенского монастыря. Сосуды находились как в головах, так и в ногах погребенных, иногда определить изначальное местоположение сосуда затруднительно из-за значительного разрушения погребального комплекса.

Интересно, что в одном погребении найден фрагмент кирпича, находившийся под головой погребенного. По формату и характерной выделке его можно отнести к концу XV – началу XVI века. Практика помещения камня или кирпича в изголовье погребенных появилась на Руси в домонгольское время и известна в монастырских некрополях XVI–XVIII веков (в частности, некрополях Троице-Сергиева монастыря). Каменная подушка, образ которой присутствует в христианской книжности, в том числе в «Лествице», одном из самых читаемых произведений Средневековья, символизировала не только монашескую аскезу, но и праведность, путь к Царствию Небесному (Макаров, 1981. С. 111–116; Беляев, 2005. С. 171–174).

Датировка погребений Чудовского некрополя определяется на основании нескольких категорий источников, с учетом данных о стратиграфии и планиграфии погребений, артефактов, находившихся в могилах, и результатов радиоуглеродного датирования.

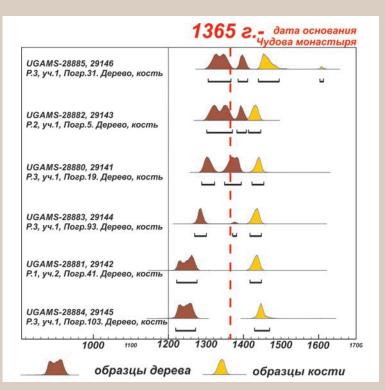

Весь комплекс археологических данных, полученных в ходе раскопок, включая наблюдения над стратиграфией, погребальные конструкции, погребальный инвентарь и остатки обнаруженных в погребениях деталей костюма (волосники и фрагменты тканей от воротников), позволяет датировать выявленный участок некрополя периодом XIV-XVII веков.

Для уточнения датировок погребений, расположенных в разных участках исследованного некрополя, были взяты образцы дерева гробов-колод и костей из этих же шести погребений для проведения АМS-датирования. Образцы дерева отбирались преимущественно из стенок или торцевых частей гробов, то есть в месте расположения крайних колец дерева

Образцы костей погребенных, датированные радиоуглеродным методом, относятся к XV веку, тогда как образцы дерева гробов-колод из этих же погребений показали более

Соловьева Л.Н. Определения породы древесины из раскопок в Кремле в 2016 г.							
№ погребен ия	№ образ ца	Раск оп	Место отбора	Характ ер образц а	Пород а	Поро да	Форма колоды
19	79	P3	Дно гроба или колоды	тлен	Quercu s	(дуб)	
19	99-1	P3	Дно гроба или колоды	тлен	Quercu s	(дуб)	
31	78	P3	Дно колоды	тлен	Quercu s	(дуб)	трапециевид ная
31	88	P3	Крышка колоды	тлен	Quercu s	(дуб)	трапециевид ная

ранние даты (XIII–XIV). Возможно, причина такой разницы датировок в том, что колоды были изготовлены из крупных старых (150–200 лет) деревьев, преимущественно дубов (ширина отдельных экземпляров долбленых колод достигает 85 см). Это дало так называемый эффект «старого дерева», при котором данные радиоуглеродного анализа относятся к глубинным слоям дерева и показывают время, когда дерево росло, а не когда было срублено.

Таким образом, вся совокупность археологических методов датирования позволяет отнести выявленный участок некрополя к концу XIV–XVII веку. AMS–датирование образцов кости и дерева из погребений на различных участках некрополя дает надежное основание считать, что уже в XV веке вся его территория использовалась для захоронений.

А. В. Энговатова, Е. Е. Васильева

На странице слева: Ширина колод в погребениях *№* 105, 106, 107

Графическая реконструкция и схема изготовления долбленых гробов-колод

Результаты AMSдатирования образцов древесины от колод и костей из шести погребений некрополя Чудова монастыря

Монастырский некрополь: саркофаги И ПЛИТЫ

В Московской Руси широко бытовали саркофаги и могильные плиты из белого камня-известняка, который добывали в районе Мячкова в ближнем Подмосковье. В ходе работ в восточной части Московского Кремля в 2016–2017 годах было обнаружено не менее 40 подобных целых и фрагментированных плит, которые можно связать с некрополем богатейшей обители России – Чудова монастыря. Уже в средневековье камень со старых кладбищ часто использовали в качестве строительного материала. Особенно широкое распространение эта практика получила в петровское время, о чем издавались специальные указы. Таким же образом в 30-е годы XX века строители 14-го корпуса Кремля использовали белый камень как из разрушенных монастырских построек, так и с некрополей кремлевских монастырей. Поэтому на своем первоначальном месте были обнаружены лишь саркофаги нижних ярусов погребений участка кладбища Чудова монастыря, примыкающего с севера и запада к собору Архангела Михаила, который не был затронут фундаментами 14-го корпуса. Практически все остальные надгробия и фрагменты саркофагов были найдены в фундаментах церкви Святителя Алексия конца XVII века либо в основаниях колонн 30-х годов XX века в подвальном помещении 14-го корпуса.

Каменные саркофаги использовались для погребения наиболее знатных лиц, в частности князей, уже в Киевской Руси. В Московском государстве XV—XVII веков белокаменные саркофаги также указывали на высокий социальный статус погребенных, что вполне соответствовало аристократическому характеру прилежащего к собору участка кладбища Чудова монастыря. Однако и здесь из более чем 120 погребений тела лишь шести человек были уложены в саркофаги.

Саркофаги высекались из цельного куска белого камня и имели антропоморфные очертания — с сужением в ножной части и выделенным оголовьем прямоугольных или округлых очертаний. Большинство саркофагов может быть датировано XVI веком. Лишь один принадлежит к более раннему времени — предположительно, второй половине XV века. Данный саркофаг отличается скругленными очертаниями изголовья и изножия и напоминает по форме деревянную лодку или гроб-колоду. Исполнение этого саркофага в целом выдает непрофессионализм мастера, его непривычность к данному виду работ.

Сверху саркофаги накрывались крышками, которые могли быть цельными либо составными из двух половин. Всего

Некрополь Чудова монастыря (подвал 14-го корпуса). Погребение в саркофаге XV в.

Некрополь Чудова монастыря (подвал 14-го корпуса). Фрагмент белокаменного саркофага с килевидным завершением крышки XV—XVI вв.

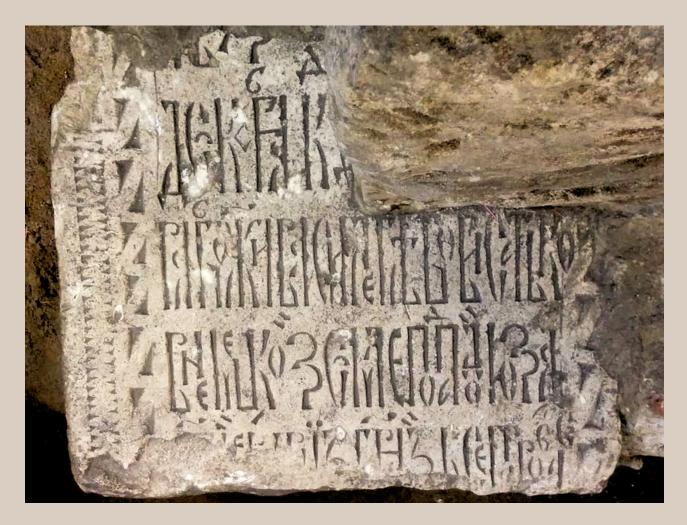
Некрополь Чудова монастыря (подвал 14-го корпуса). Белокаменная надгробная плита XIV—XV вв. (использована вторично в качестве крышки саркофага XV в.). Фрагмент

крышки были зафиксированы на четырех саркофагах. Среди прочих выделяется ножная половина составной крышки с килевидным выступом. У наиболее древнего саркофага нетипичной формы (напоминающей ладьевидную из-за расширения в середине) в качестве крышки была использована более ранняя (второй половины XIV – начала XV века) надгробная плита с характерным орнаментом из крупных равносторон-них треугольников.

Типичной формой намогильного сооружения в Московской Руси являлась белокаменная надгробная плита, форма которой существенно менялась от эпохи к эпохе. Наиболее ранние обнаруженные плиты относятся к древнейшему периоду истории Чудова монастыря – последней трети XIV – началу XV века. Это две плиты, оказавшиеся во вторичном употреблении. Они отличаются небольшой толщиной (около 9 см) и характерным орнаментом из равносторонних треугольников. Одна из них, как уже отмечалось, была использована в качестве крышки саркофага погребения второй половины XV века. Вторая ранняя плита была расколота на два фрагмента, обнаруженные в слое монастырского строительства XV–XVI века. Еще одна плита, обнаруженная в основании колонны 1930-х годов, по характерной форме орнамента в виде рамки из мелких равносторонних треугольников, разделенных рельефной

Некрополь Чудова монастыря (подвал 14-го корпуса) Белокаменная надгробная плита XVI в. с орнаментом «волчий зуб».

зигзагообразной полосой, может быть датирована концом XV — началом XVI века. Прочие обнаруженные плиты относятся к XVI—XVII векам. Плиты XVI века — также плоские с орнаментом из вытянутых равнобедренных треугольников (так называемый волчий зуб).

Наиболее ранние московские надгробные плиты с надписями относятся к XV веку, однако в материалах раскопок в Кремле 2016—2017 годов древнейшая датируемая плита с надписью относится к последней трети XVI века. Плита была обнаружена в основании колонны 1930-х годов в подвале 14-го корпуса. На плите сохранились пять строк надписи, выполненной уверенным искусным почерком: «Ле[та] 7... // декобря 29 д(ень)... // раб Божи[й] Василе[й] Глебови[ч] Салтыко[в] // в Немецкой земле под Пайдою за // [святую] [ц]ер[ко]в[ь] и з[а] г(осудар)я и з[а] всех правосл[авных хрестьян]».

От последней строки сохранились лишь верхние части букв, поэтому она реконструирована в определенной степени предположительно. Василий Глебов сын Салтыков упомянут в числе дворян, погибших при взятии крепости Пайды в Ливонии (на территории современной Эстонии) в конце 1572 — начале 1573 года, в летописных и поминальных записях.

Некрополь Чудова монастыря (подвал 14-го корпуса). Фрагмент надгробной плиты Василия Глебовича Салтыкова, погибшего «в Немецкой земле под Пайдою». 1573 г. Использована в кладке основания колонны 1930-х гг.

Осада и взятие русскими войсками Пайды (Вейсенштейна), находившейся на тот момент в руках шведов, стали заметным событием Ливонской войны (1558–1583). Среди погибших при взятии Пайды был и небезызвестный глава опричников Малюта Скуратов. Фамилия Салтыковых являлась ответвлением фамилии Морозовых, принадлежавшей к потомкам Миши Прушанина – одному из древнейших родов московской аристократии. Имеются данные о целом ряде представителей Салтыковых и Морозовых, похороненных в Чудовом монастыре, включая воспитателя царя Алексея Михайловича – боярина Бориса (Ильи) Ивановича Морозова (1590–1661). С фамилией Морозовых, вероятно, может быть связан разбитый на две части фрагмент надгробной плиты или крышки саркофага с надписью: «...илина жена // ...зова», также обнаруженный в основании колонны 1930-х годов.

Некрополь Чудова монастыря (Ивановская площадь). Надгробная плита Семена (Ратмана) Андреевича Вельяминова. 1625 г. Происходит из некрополя Чудова монастыря. Использована вторично при строительстве фундамента церкви Св. Алексия 1680-х гг.

С конца XVI века, а особенно – в первой половине XVII века распространяются надгробные плиты иного облика – более массивные, толщиной часто более 30 сантиметров, с орнаментом в виде жгутов на лицевой стороне и орнаментом в виде арок и каннелюров на боковых сторонах. Оформление подобных плит, предположительно, восходит к отделке раннехристианских саркофагов. Такие плиты и их фрагменты в материале работ 2016-2017 годов представлены наиболее широко. На большинстве этих плит имеются надписи, сохранившиеся в основном фрагментарно.

Одна из таких плит также принадлежит известному историческому лицу. Плита была собрана из нескольких фрагментов, обнаруженных частично в перекопах XX–XXI веков, а частично – в кладке фундамента Алексиевской церкви 80-х голов XVII века.

Надпись на плите читается следующим образом: «Лета 7 ... [ce]//нтебр[я] 20 день и на ca...] // Еустаіфя і (...) аяньі // преставися раб Божий Семион// прозвище Ратман Андрееви[ч] // Вельяминов во иноцех Серапи //он схимник». Семен (мирское имя Ратман) Андреевич Вельяминов – представитель происходящего из Костромы аристократического рода Вельяминовых-Зерновых, дальний родственник царя Бориса Федоровича Годунова, военачальник эпохи Смуты, бывший в этот период воеводой в ряде городов, включая такой значительный центр, как Новгород. За «московское осадное сидение» при царе Василии Шуйском он был пожалован вотчиной в Ржевском уезде. По данным разрядов 7123 (1614/1615) года, 3 ноября 1614 года Ратман Вельяминов был послан царем Михаилом Федоровичем с хлебными запасами в Смоленск к воеводам -

стольникам князьям Дмитрию Мамстрюковичу Черкасскому и Ивану Федорову сыну Троекурову, при этом первоначально ехать отказался по причине своего более высокого местнического статуса в сравнении с князем И. Ф. Троекуровым. Ратман, в частности, ссылался на то, что его дядя Яков при царе Борисе был признан «больше» князя Данилы Мезецкого, который в свою очередь был «больше» князя Романа Троекурова, однако был вынужден выполнить распоряжение под угрозой «послать, сковав». Около 1615 года он упоминается как воевода в Туле. Скончался Ратман Вельяминов около 1625 года, что соответствует датировке плиты.

Еще одно хорошо сохранившееся надгробие аналогичной формы, также встреченное во вторичном употреблении в фундаменте церкви Святителя Алексия, принадлежит монастырскому слуге – представителю администрации монастырской вотчины.

Надпись гласит: «Ле[та] 7138 (1629/1630 г.) // апреля в 22 день на память // преподобного отца нашего Фе//дора Сикиота прест//ви раб Божий Чюдова // монастыря слуга Павел // Радионов прозвище // Богдан...».

Монастырские слуги (или служки) представляли собой категорию монастырских людей, выполнявших различные поручения и занимавших «командные» должности (над «служебниками», крестьянами и «монастырскими детенышами») в структуре монастырского хозяйства. Положение монастырских слуг могло быть наследственным, они могли также выслужиться из «монастырских детенышей», могли также происходить из мелких вотчинников. Обязанности слуг по отношению к монастырю определялись условиями заключенного «ряда». В некоторых случаях положение слуг по отношению к монастырю оказывалось близким к положению холопов. Слуги за свою деятельность получали вознаграждение в виде денежного и продуктового жалованья. При этом положение слуг отчасти сближалось с положением низшего слоя служилого населения.

Примерно с середины XVII века облик надгробий вновь меняется – они становятся еще более высокими, орнамент и надписи перемещаются с верхней части плиты на ее торец, почерк надписей становится более вычурным. В ходе работ 2016–2017 годов был обнаружен единственный фрагмент подобного надгробия, датируемый временем около середины XVII века, вмонтированный в основание колонны 14-го корпуса. Доступная торцевая сторона плиты обрамлена выпуклой рамкой со жгутовым орнаментом, надпись

Некрополь Чудова монастыря (Ивановская площадь). Надгробная плита слуги Чудова монастыря Павла (Богдана) Родионова. 1630 г. Использована вторично в кладке фундамента церкви Св. Алексия 1680-х гг.

Некрополь Чудова монастыря (подвал 14-го корпуса) Фрагмент надгробной плиты с надписью:
«...к Чюдову м[онастырю] / /... раба божия боя...», в технике оброна Около середины XVII в. Использована в кладке основания колонны 1930-х гг.

выполнена в технике оброна (выступающие буквы на углубленном поле). Читаются фрагменты двух строк: « ...к Чюдову м[онастырю] // ...раба божия боя...». Таким образом, несомненна принадлежность надгробия некрополю Чудова монастыря, а также статус погребенного лица (боярин или боярыня). К сожалению, фрагменты надписи с именем погребенного оказались утрачены.

Таким образом, новейшие раскопки дали достаточно яркую серию белокаменных погребальных сооружений XIV—XVII веков, позволяющую охарактеризовать некрополь одной из влиятельнейших духовных корпораций Московской Руси—Чудова монастыря, расширить имеющиеся данные о социальном облике и личном составе погребенных, выявить надмогильные сооружения, принадлежавшие историческим личностям, известным по письменным источникам.

Л. А. Беляев, В. С. Курмановский

Волосники из некрополя Чудова монастыря

При исследовании 10 женских погребений некрополя Чудова монастыря в двух из них были обнаружены остатки головных уборов – волосников, очелья которых расшиты золотными нитями.

Волосник был обязательным элементом многослойного средневекового русского головного убора замужней женщины. Основное предназначение волосника – полностью закрывать волосы. Неизвестно, когда появился на Руси этот вид женского головного убора. Наиболее ранний волосник, обнаруженный в точно датированном погребении, принадлежал Софье Палеолог, умершей в 1503 году.

Волосник представлял собой небольшую шапочку, которая плотно облегала голову и затягивалась сзади с помощью шнуров. Большинство известных нам волосников представляют собой головной убор в виде шапочки с сетчатым верхом и шелковым плетеным или вышитым очельем. Исследования текстиля из некрополей Вознесенского монастыря показали, что цвет шелка, из которого были сшиты очелья большинства волосников, был красным. Очелье обычно украшалось богатой золотной вышивкой. Но не всегда: на волосниках Софьи Палеолог и Елены Глинской были шелковые очелья без золотного декора.

Волосник с единорогами после реставрации.

Обычно такие головные уборы хорошо сохраняются благодаря вышивке металлическими нитями. Но в настоящее время число волосников XV—XVII веков, найденных на территории центральной части России, составляет всего несколько десятков. Известные на сегодня находки в подавляющем числе случаев происходят из погребений женщин царского рода или знатных боярских и княжеских родов, из раскопок некрополей Вознесенского, Новоспасского, Троице-Сергиевого и других монастырей. Лишь один из известных волосников обнаружен в женском захоронении из городского некрополя при Верхнепосадской Никольской церкви в Нижнем Новгороде.

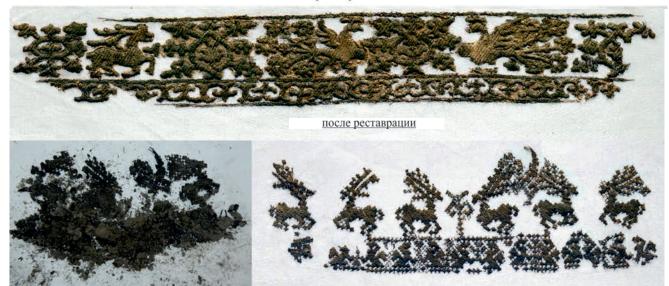
Наличие волосника в захоронении указывает на определенный статус погребенной женщины. Материалы, из которых изготовлены эти головные уборы, достаточно дорогие и, как показал анализ нитей, импортные. Орнаментация и цветовое решение дает возможность понять определенный стандарт красоты для женского головного убора XVI—XVII веков.

Один из двух головных уборов, обнаруженных при раскопках в Кремле – волосник с павлином, – найден в женском погребении № 104. Погребение было уничтожено практически

до реставрации

Очелье волосника с павлином до и после реставрации

Фрагмент вышивки по сетке до и после реставрации

Прорисовка узора очелья волосника

Волосники из некрополя Чудова монастыря были отреставрированы Н. П. Синицыной (ВХНРЦ им. академика И. Э. Грабаря) и Н. С. Газизовой (ООО «Феномен»). Анализ химического состава нитей проведен И. А. Сапрыкиной (ИА PAH)

полностью во время строительных работ 1930-х годов: во время раскопок обнаружен только череп с остатками ткани на нем и изголовье деревянного гроба. Отметим, что это единственное погребение, в котором удалось достоверно проследить конструкцию составного гроба. От волосника сохранилось только очелье, которое представляло собой сильно загрязненную полосу текстиля с еле заметной вышивкой. Очелье волосника выполнено из нескольких слоев шелковой ткани - итальянской камки (определение Н. П. Синицыной).

После того как очелье было очищено от глины и продуктов органического распада, на нем стали видны все элементы орнамента, что позволило собрать все мелкие, разрозненные фрагменты в единое целое.

На очелье изображены пять древ жизни (одно оказалось утраченным), между которыми вышиты два бегущих оленя и два павлина с фантастическими хвостами из пяти цветков каждый. Павлины обращены к центральному древу. По нижнему краю очелья вышита узкая полоска из растительных побегов. После проведенной реставрации стало понятно, что использованные материалы, техника изготовления, классическая орнаментальная композиция позволяют датировать этот головной убор концом XVI –началом XVII века. Нити изготовлены из серебра с высоким содержанием меди с позолотой и произведены в одном из европейских центров (Южная Германия или Италия).

В этом же погребении сохранились фрагменты тонкой вышивки по сетке. После очистки стало ясно, что орнамент представляет собой композицию из маленьких вышитых оленей. Реставраторам удалось расчистить довольно большой фрагмент, не нарушив участков соединения отдельных деталей, благодаря чему стало возможно собрать часть волосника.

Ранее при исследовании некрополя московского Симонова монастыря в погребении XVII века был обнаружен волосник с аналогичным орнаментом, на очелье которого изображены древа жизни, чередующиеся с птицами и бегущими оленями. Такой же орнамент из древ жизни и бегущих оленей сохранился на волоснике А. Р. Юрьевой-Сицкой, умершей в 1561 году и погребенной в усыпальнице Новоспасского монастыря (Елкина, 2016. С. 65).

Второй волосник, с единорогом, был найден в женском погребении № 36. Погребение совершено в долбленой колоде, но точную форму погребальной конструкции определить не удалось из-за плохой сохранности.

После тщательной очистки стало видно, что элементами золотной вышивки этого очелья были древо жизни и единорог. Три единорога обращены к центру композиции – центральному древу. Три древа меньших размеров чередуются с единорогами. Нижний край очелья украшен вышитым бегунком, таким же, как и край первого очелья.

Сравнение техники вышивки и способа изображения единорогов этого волосника с ранее найденным в Вознесенском монастыре головным убором Марии Долгорукой, которая умерла в 1625 году, показало, что убор можно датировать началом XVII века. Единорог вошел в искусство Руси еще в домонгольское время. В XVI веке, особенно при Иване Грозном, он стал одним

Очелье волосника с единорогом до реставрации.

Реконструкция внешнего облика женщины из погребения №36. Автор реконструкции И. К. Решетова

Прорисовка узора очелья волосника (графическая реконструкция).

из геральдических символов Московского государства. Изображения этого мифического животного появились на монетах и на государственных печатях, на царском троне и знаменах и получили широкое распространение в архитектурном декоре, отделке интерьеров. Они часто встречаются на предметах декоративно-прикладного искусства, и в том числе в золотной вышивке очелий волосников. Так, волосник, на очелье которого были изображены древа жизни, чередующиеся со скачущими единорогами, обнаружен при исследовании некрополя Знаменской церкви в Москве – это погребение принадлежит Марии Мутьянской, которая умерла в 1603 году.

Исследования шитья волосников с помощью различных лабораторных методов показали, что головные уборы, скорее всего, были созданы в царских мастерских из привозных нитей. Так, анализ химического состава нитей, которые были использованы при вышивке волосника с единорогом, позволил установить, что они изготовлены из сплава серебра с медью. Следы золота на нитях дают основания предполагать, что они были золочеными. Такие же нити были обнаружены

на тесьме и ткани из погребения середины XVII века в Знаменской церкви Новоспасского монастыря. Как показало оптическое исследование, ткань волосника была изготовлена плетением отдельных металлических нитей, которые, в свою очередь, состояли из множества отдельных волоченых нитей. Такие нити, по мнению исследователя, характерны для европейского импорта.

Высокий уровень исполнения вышивки и плетения позволяет предположить, что волосники могли быть изготовлены в одной из золотошвейных царских мастерских. По письменным источникам известны мастерские цариц Софьи Палеолог, Ирины Годуновой, Марии Нагой: в этих мастерских был выработан свой стиль лицевого и орнаментального шитья и был разработан свой собственный набор орнаментов. Орнамент на очельях волосников, с одной стороны, показывает, насколько высоким был художественный уровень декоративно-прикладного искусства этого времени, а с другой – позволяет судить, насколько широко распространены определенные стандарты в орнаментальных мотивах – похожие композиции встречаются на очельях волосников из погребений Вознесенского, Новоспасского и Троице-Сергиева монастыря. Техника шитья для волосников, являющихся предметом светского убранства, повторяет технику вышивки на церковных облачениях, покровах, саванах и других предметах церковного обихода.

Во время раскопок некрополя были обнаружены еще несколько образцов текстиля в двух мужских погребениях. В погребении № 96 найдены фрагменты металлизированных нитей очень плохой сохранности, которые находились под головой и ногами. В погребении № 58 (рис. 8) под подбородком погребенного обнаружены фрагменты вышивки воротника. Благодаря проведенному РФА-анализу удалось установить, что воротник изготовлен из нитей, выполненных из сплава серебра с медью и высоким содержанием золота – 27,36 %. Данные микроскопии и оптического обследования показали, что отдельные нити, из которых был сделан воротник, изготовлены из множества мелких металлических нитей, плотно скрученных между собой. Каждая из этих нитей имеет округлое сечение и, вероятно, была получена с помощью стандартной операции волочения. Этот тип металлических нитей характерен для Восточного Средиземноморья и был популярен с XI по XVI век, причем пик популярности приходится на XIV–XVI века. Такие металлические нити часто использовались в качестве сердцевины – например, их можно встретить в текстиле из погребений XV века в Скандинавии.

А. В. Энговатова

Графическая реконструкция внешнего облика мужчины из погребения № 58

Московская знать по антропологическим материалам некрополя Чудова монастыря

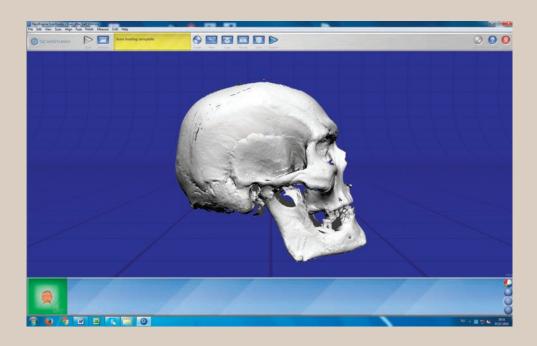
Снос Чудова монастыря и построек в восточной части Московского Кремля в 1929 году привел также к разрушению монастырского некрополя. Однако останки погребенных при постройке 14-го корпуса пострадали лишь отчасти, так, например, при заливке полов подвального этажа были повреждены или перемещены черепа лишь в нескольких погребениях, наиболее близких к поверхности земли.

Большинство захоронений не пострадали, поэтому появилась возможность сбора и разностороннего исследования скелетных материалов с этого некрополя. Приступая к работе, мы понимали, что перед нами уникальная возможность: изучить останки людей, которые играли важную роль в Российском государстве и церковной жизни на протяжении примерно четырех веков (XIV–XVII).

Современные методы палеоантропологических материалов позволили нам осветить различные стороны жизни этих людей. В результате раскопок были изучены более 100 скелетов различной степени сохранности.

Обращает на себя внимание тот факт, что почти 90 % погребенных – мужчины. Эта картина типична для

монастырского кладбища. Женщины, которые были погребены здесь, могли относиться к семьям-донаторам, а также имевшим фамильные усыпальницы. Возраст большинства мужчин превышает 40, а то и 50 лет. Для XIV—XVII веков такие показатели, скорее всего, указывают на высокое качество жизни. В отличие от мужчин, женщины, погребенные в некрополе, были преимущественно молодыми,

Результат лазерного сканирования черепа мужчины из погребения 27

в возрасте 30–39 лет, поэтому можно предполагать, что причиной их смерти были болезни или какие-то иные экстраординарные обстоятельства.

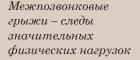
Классические краниометрические измерения, проведенные на сохранившихся черепах (серия из 26 краниумов), позволили сравнить морфологические особенности этой группы и жителей средневековой Москвы, других городов и областей.

Прежде всего, надо отметить, что по своим размерам мужские черепа из некрополя Чудова монастыря занимают особое место в общей картине краниологического разнообразия. Большие значения поперечного, продольного, высотного диаметров черепа, значительная ширина лица, значительная вертикальная профилировка лица — все эти признаки типичны для средневекового городского населения. Об этом писали классики отечественной антропологии (Трофимова, 1941; Алексеева, 1973. С. 131), это представление было подтверждено и развито последними исследованиями отечественных антропологов (Конопелькин, Гончарова, 2016). Таким образом, особенности людей из некрополя Чудова монастыря наиболее ярко показывают влияние позднесредневековой урбанизации. Это свидетельствует,

во-первых, об обособленности городской среды Москвы, сколько бы ее ни называли «большой деревней», и, вовторых, о существовании значительного числа людей, образ жизни которых сильно отличался от сельского. Также нам удалось сформулировать гипотезу о региональных корнях этого урбанизированного населения. Это, прежде всего, сама Москва, а также центральные и северо-западные районы страны. Все это подтверждает важнейшую роль Москвы как столичного города, в котором концентрировались социальные группы, формировавшие позднесредневековую элиту.

Другой признак, который важен для ответа на вопрос об уровне жизни людей, – длина тела. Люди, которые в детстве и отрочестве достаточно и полноценно питались, не испытывали избыточных физических нагрузок, отличаются более высоким ростом, поэтому в средневековых группах часто прослеживается прямая связь между длиной тела и социальным положением.

Средняя длина тела, реконструированная для 46 взрослых мужчин, составила 176,3 сантиметра, что превышает соответствующие величины для других городов. Конечно, полученная серия неоднородна: длина тела мужчин

Травма нижней челюсти

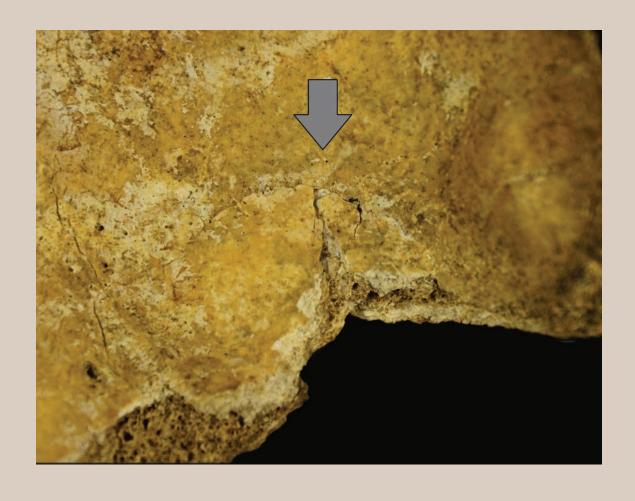
находится в границах от 160 до 185 сантиметров. Показатели длины тела женщин, напротив, однозначно указывают на малый, в среднем, рост – чуть больше полутора метров. Таким образом, разница в усредненных величинах длины тела мужчин и женщин составляет около 20 сантиметров.

Выборка женских скелетов невелика (11 человек), поэтому сложно судить о закономерностях, но все же есть некоторые указания на то, что женщины из социально привилегированных кругов в целом отличались скорее невысоким ростом. Этот вывод подтверждается при сравнении с данными о других представительницах привилегированных боярских семей XVI–XVII века (Медникова и др., 2016).

Реконструкция внешности, выполненная по одному из хорошо сохранившихся черепов, позволяет составить представление о правильности черт и красоте лица женщины, погребенной в традиционном женском головном уборе тонкой искусной работы.

На многих мужских скелетах есть следы значительной физической активности: межпозвонковые грыжи, костные разрастания на местах прикрепления мышцы к поверхности

кости, деформации суставных поверхностей. Все это указывает на то, что многие мужчины с детства приучались к определенным занятиям, например верховой езде. Высокая частота признаков всадничества, в сочетании со следами нагрузок на крупную мускулатуру груди, живота и рук, позволяет предполагать раннее приобщение этих людей к боевому ремеслу.

На скелетах погребенных встречаются не только следы переломов, которые могут быть получены в обычных бытовых условиях, но и зажившие боевые ранения. Остановимся на двух ярких примерах случаев заживших боевых травм.

Погребение 74: мужчина в возрасте старше 50 лет. Хорошо видны последствия травмы, полученной в области правой половины нижней челюсти.

Погребение 106 мужчина в возрасте 35—44 лет. На лобной кости выражен след зажившей стреляной раны в латеральной части правой надглазничной области. Кроме того, обнаружена травма без следов заживления. Она была нанесена тупым предметом в центральную часть лобной кости. Возможно — причина смерти индивида. Это позволяет сделать вывод, что значительная часть погребенных были представителями аристократии, в обязанность которой входило участие в боевых действиях.

В связи с эти напомним, что среди блоков, поддерживающих колонны подвальной части здания, построенного в 1930 году, была обнаружена каменная надгробная плита погибшего на Ливонской войне Василия Глебовича Салтыкова — это непосредственное письменное свидетельство захоронения представителя аристократии, имевшего заслуги перед отечеством.

Особая тема исследований — состояние здоровья людей. Следы инфекционных заболеваний — важное историческое свидетельство, так как подчас массовые инфекции становились причинами важных исторических событий. Для группы из кремлевских захоронений были отмечены несколько случаев палеопатологических проявлений, которые принято связывать с туберкулезом или бруцеллезом (погребения 69 и 26). На хронические воспалительные процессы указывают проявления периостита на костях голени (погребения 3, 4, 24, 69). В целом уровень хронических бактериальных заболеваний в изученной группе относительно невысок. Отмечен случай ревматоидного артрита у мужчины старше 50 лет из погребения 40. Это хроническое системное заболевание соединительной ткани, при котором воспаление

Зажившая стреляная травма лобной кости мужчины из погребения 106

> Травма без следов заживления. Череп мужчины из погребения 106

Следы ревматоидного артрита на рентгенограмме стопы мужчины 50 лет Погребение 40

медленно прогрессировало несколько лет и постепенно разрушало суставы. На фоне болезни развился сильный остеопороз.

Также были отмечены многочисленные артрозы плечевого, локтевого, коленного и голеностопного суставов. Эти возрастные изменения сопряжены, в первую очередь, с определенными физическими нагрузками. Распространенной патологией в группе людей из некрополя следует считать остеофитоз – краевые разрастания по периферии позвонка, а также окостенения межпозвонковых связок.

При изучении скелетных останков ряда людей были обнаружены следы нарушений обмена веществ, которое могло быть вызвано избытком мясной пищи в рационе. Так, мужчине в возрасте старше 40 лет с пяточными шпорами, окостенением связок позвоночника и другими симптомами можно поставить диагноз «диффузный идиопатический гиперостозный синдром» (DISH) или так называемая болезнь Форестье. В литературе отмечена связь таких костных проявлений с метаболическими и эндокринными нарушениями у мужчин старше 40 лет, высокого социального статуса, которые употребляли много мясной и жирной пищи. Обсуждалась предрасположенность таких людей к диабету второго типа. Были обнаружены следы еще одного

заболевания, связанного с нарушением обмена веществ, – это подагра, которая была, например, у мужчины 40–49 лет из погребения 17.

Итак, в наших исследованиях неоднократно появляется тема качества питания. В связи с этим было проведено независимое физико-химическое исследование изотопного состава коллагена костной ткани (см. соответствующий раздел). Результаты изотопного анализа подтверждают наше предположение о высокой доле белковой пищи в обыденном рационе исследованных индивидов, а также хорошо согласуются с представлениями об особенностях диеты высших социальных слоев тогдашнего общества. То, что эти данные были получены с помощью физико-химических независимых методов, делает наше предположение еще более уверенным.

Важная особенность изученной группы – высокий процент эпигенетических признаков, которые могут служить маркерами ограниченного круга брачных связей. Высокая частота этих эпигенетических признаков (особенно среди женщин) позволяет нам предполагать, что многие из погребенных были представителями семей, которые в течение жизни нескольких поколений могли вступать в браки с достаточно ограниченным кругом людей.

Таким образом, исследование антропологических материалов позволило получить новые независимые данные о образе жизни и происхождении верхних социальных слоев Русского государства в XIV-XVII веках.

М. В. Добровольская

Некрополь Чудова монастыря: пища московской знати по данным изотопного анализа

Миниатюра из Лицевого летописного свода с изображением княжеской охоты. «И ездил на охоту с ястребами, соколами и кречетами. Имел много псов, медведей и этим тешил себя» // Лицевой летописный свод XVI века. 2014. Кн. 12. С. 330.

Собранный в ходе археологических исследований обширный антропологический материал дал возможность получить данные об изотопном составе костей погребенных на некрополе Чудова монастыря.

В настоящее время – измерение концентрации стабильных изотопов углерода и азота и их соотношения в коллагене костной ткани – наиболее надежный способ определения главных компонентов рациона людей и животных.

Материалы археологических исследований сейчас являются фактически единственным достоверным источником данных о специфике питания людей в прошлом. Традиционно рацион населения изучают по письменным источникам, а также путем анализа полученных при археологических исследованиях костей домашних и промысловых животных, рыб, зерен культурных злаков и диких растений, косточек фруктов и ягод и других подобных материалов.

Однако эти данные не позволяют судить о реальном соотношении потребляемых продуктов в рационе, как отдельных людей, так и населения в целом. Анализ же содержания углерода и азота в костях показывает соотношение растительной пищи, мяса и рыбы в диете человека на протяжении последних лет его жизни, хотя и не говорит о количестве пищи.

$$\delta^{13}{
m C} = \left[rac{(^{13}{
m C}/^{12}{
m C})_{
m sample}}{(^{13}{
m C}/^{12}{
m C})_{
m standard}} - 1
ight] imes 1000\,{}^o/_{\!oo}$$

Индивидуальные значения содержания в костях изотопов азота и углерода для мужчин, женщин и детей из некрополя Чудова монастыря XIV–XVII вв.

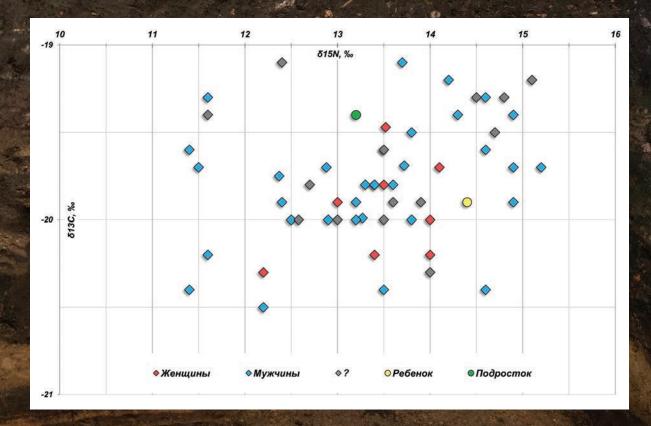
Средние значения содержания изотопов азота и углерода в костях погребенных на некрополе Чудова монастыря в периоды XIV-XV u XVI-XVII вв.

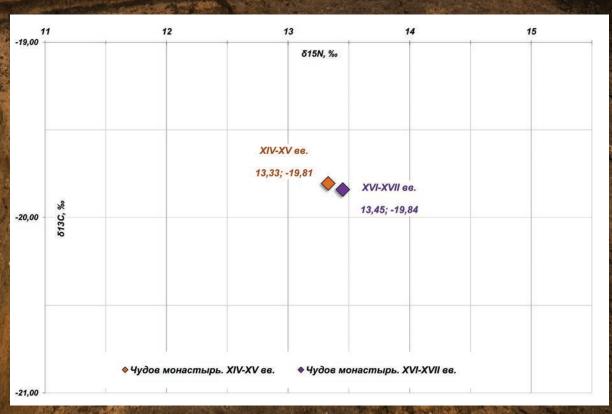
В ходе исследований были изучены образцы костной ткани 57 человек, погребенных в некрополе Чудова монастыря в период с XIV по XVII века. В связи с тем, что это монастырское кладбище, в основном это останки мужчин. Были проанализированы восемь образов из женских захоронений, по одному – грудного ребенка (3–4,5 года) и подростка (15 лет), остальные 33 принадлежат мужчинам. Среди людей, останки которых исследовались, представлена как светская знать, так и духовные лица, в том числе монахи Чудова монастыря (многие из которых происходили из аристократических фамилий), однако археологические материалы не дают однозначных оснований для разделения тех и других. Изотопный анализ образцов показал среднее содержание азота δ 15N -13,43 ‰, а углерода δ 13С – -19,8 ‰. Сравнение с эталонными сериями показало, что дельта азота у индивидов из некрополя при Чудовом монастыре довольно высока, что говорит о преобладании белковой пищи в рационе погребенных в этом некрополе.

При этом, несмотря на количественное преобладание анализов из мужских погребений, различий в структуре питания мужчин (δ 15N - 13,23 ‰; δ 13C - -19,79 ‰) и женщин (δ 15N – 13,47 ‰; δ 13C – -19,83 ‰) не выявлено. Высок показатель δ 15N у единственного ребенка (3–4,5 лет) -14,4 ‰, что, вероятно, связано с употреблением большого количества молочного белка (возможно, при грудном вскармливании).

При анализе индивидуальных показателей видно, что дельта изотопов остается стабильной для захоронений разных периодов. Для XIV-XV веков средний показатель накопления азота δ 15N -13,33 ‰, а углерода δ 13C - -19,81 ‰. В погребениях XVI–XVII века эти значения составляют 13,45 % и -19,84 % соответственно. Таким образом, можно говорить о стабильности рациона людей, захороненных в некрополе Чудова монастыря в течение XIV–XVII веков. Для относительного анализа были сопоставлены данные, полученные по захоронениям с территории Московского Кремля, с результатами анализа содержания изотопов δ 13С и δ 15N в костях из нескольких некрополей средневековых русских городов и монастырей, расположенных в той же климатической зоне, что и Москва.

Схожие результаты получены для людей, захороненных во второй половине XV – конце XVI века на некрополях Троице-Сергиевой лавры. Дельта азота δ 15N здесь в среднем также высока и составляет 13 %, углерода δ 13C стабильна – -19,77 %. Здесь, как и в некрополе Чудова монастыря, погребали

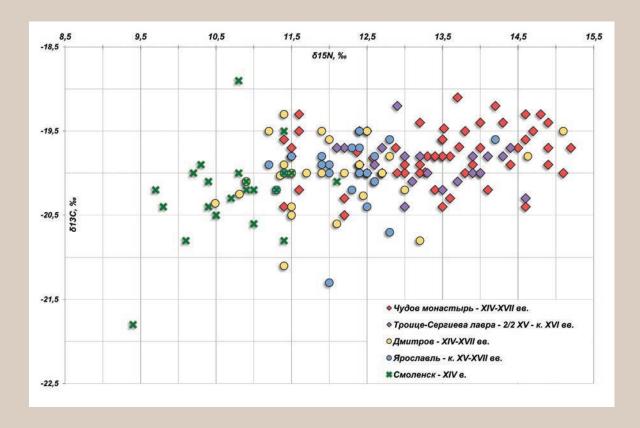

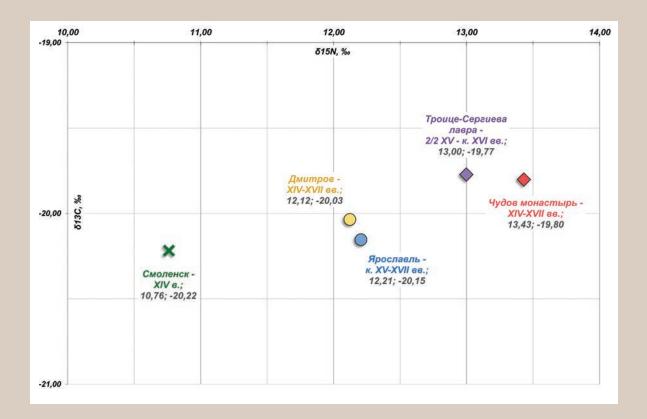
представителей наиболее знатных родов того времени. Престижными для городской знати и зажиточного населения считались также некрополи, расположенные в центральных частях средневековых городов - кремлях.

Данные, полученные авторами ранее для захоронений конца XV–XVII века из некрополя при церкви Иоанна Златоуста в историческом центре Ярославля и погребений XIV-XVII века из некрополей Дмитровского кремля, также подтверждают высокое качество жизни захороненных здесь людей. Среднее содержание азота δ 15N в костях ярославцев -12,21 ‰, углерода δ 13C – -20,15 ‰, у дмитровчан оно составляет 12,12 ‰ и -20,03 ‰, соответственно. Это говорит о достаточно высокой доле белка – в обыденном рационе питания средневековых жителей этих городов.

Индивидуальные значения дельта содержания изотопов азота и углерода в костях погребенных на некрополе Чудова монастыря в сопоставлении с данными, определенными для индивидов из некрополей Троице-Сергиевой лавры, городов Дмитрова, Ярославля и Смоленска

Сравнение результатов изотопного анализа останков людей, захороненных на территории престижных некрополей Москвы, Дмитрова, и Ярославля, позволяет говорить об относительно высоких показателях по дельте азота во всех трех выборках. Значения дельты углерода варьируются в пределах 1 промилле, что указывает на сходство пищевых моделей жителей центральных частей этих городов в XIV–XVII века. Диета везде была сбалансированной, основу ее составляла белковая пища. Погребенные в некрополе Чудова монастыря, вероятно, употребляли больше белковой пищи, чем их современники в Дмитрове и Ярославле.

Отличаются показатели содержания азота для захороненных на одном из городских кладбищ XIV века в Смоленске. Его средние значения тяготеют к более низким величинам (б 15N-10,76 %), что традиционно интерпретируется как результат меньшей доли животной и большей – растительной пищи в структуре ежедневного питания (Энговатова и др., 2013, С. 110).

Сопоставление средних значений содержания азота и углерода в костях погребенных в некрополях Чудова монастыря, Троице-Сергиевой лавры и городов Дмитрова, Ярославля и Смоленска

Данные о высоком качестве питания и «белковой диете», похороненных в Чудовом монастыре, в полной мере соотносятся с историческими представлениями об особом статусе этой обители, тесно связанной с московским великокняжеским домом и известнейшими родами московской аристократии.

А. В. Энговатова

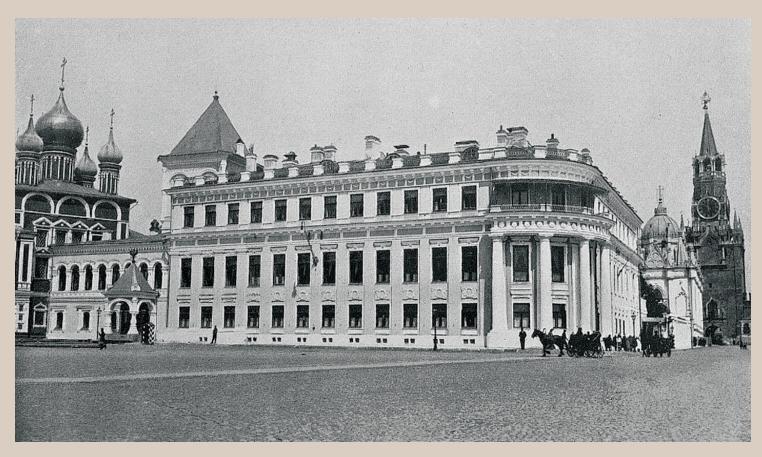
Малый Николаевский дворец

После разорения архиерейского дома во время чумного бунта 1771 года новоназначенный архиепископ Платон Левшин, не имея средств на его восстановление, вынужден был жить на подворье Троице-Сергиевой лавры, которое находилось за пределами Земляного города на Неглинной.

В 1775 году императрица Екатерина II пожаловала для постройки нового епархиального здания в Кремле 40 тысяч рублей, на которые в течение второй половины 1770-х годов на участке, примыкавшем с юга к Чудову монастырю, был возведен двухэтажный дом для архиепископских покоев с находившимися за ним службами и хозяйственным двором. Автором проекта был известный московский архитектор М. Ф. Казаков.

Наугольная постройка выходила западным фасадом на Ивановскую площадь, а южным – на красную линию Спасской улицы и плац. С севера был устроен деревянный переход, соединявший здание с Алексеевской церковью Чудова монастыря и воротами во внутренний двор.

Фасады выполнены в стиле классицизма, угловая часть выделена четырехколонным портиком с аттиком, на котором был помещен вензель архиепископа Платона. В боковых частях фасадов находились незначительно выступающие

из плоскости стен ризалиты. Стены, обработанные лопатками (на ризалитах — каннелированными пилястрами), завершались высоким антаблементом. Над оконными проемами были помещены сандрики, между окнами первого и второго этажей — филенки с барельефами. Перед зданием имелась ограда на каменном цоколе с решетками между столбами.

Малый Николаевский дворец. Вид с юго-запада. Фото рубежа XIX – XX вв.

Покои архиепископа занимали второй этаж, в нижнем же, перекрытом сводами, размешались епархиальные и другие службы. В восточном крыле здания была устроена домовая церковь Петра и Павла с иконостасом, выполненным по рисунку М. Ф. Казакова. Как отмечал И. Е. Забелин, церковь в архиерейском доме могла появиться после 1787 года, когда Платон был возведен в сан митрополита.

В 1811 году Платон оставил кафедру, а в 1812-м и некоторое время после здание никак не использовалось. В 1817 году оно перешло в Дворцовое управление для устройства в нем царского дворца и было наскоро отремонтировано под надзором архитектора И. Л. Мироновского. Над зданием появился третий деревянный этаж, облицованный снаружи кирпичом, полностью переделаны интерьеры. Работы закончились в начале 1818 года, а в апреле этого же года в новом дворце у великокняжеской четы Николая Павловича и Александры Федоровны родился наследник — будущий император Александр II.

К середине XIX века техническое состояние Малого Николаевского дворца вызывало опасения и требовался серьезный ремонт. В 1851 году архитектором К. А. Тоном разработан проект реконструкции, который предусматривал переделку фасадов в «русском стиле», но из него осуществлена была только перестройка парадного подъезда (со стороны Ивановской площади), находившегося между дворцом и Алексеевской церковью Чудова монастыря, и надстройка его четырехгранной шатровой башенкой.

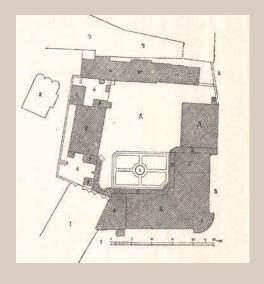
С 1857 по 1868 год рассматривалось несколько проектов, но ни один из них не получил одобрения двора. В 1870 году реконструкция Малого Николаевского дворца поручена архитектору Московской Дворцовой конторы Н. А. Шохину.

При обследовании фундаментов аварийного здания дворца выяснилось, что причиной деформаций являлось неглубокое заложение фундаментов из белокаменного и кирпичного щебня; на отдельных участках использовались надмогильные плиты. Непрочные песчаные грунты вызвали многочисленные просадки некоторых частей здания. По результатам обследования было произведено временное укрепление конструкций.

Реконструкция дворца началась в 1874 году с подводки новых фундаментов под стены дворца. Но так как под всем зданием было решено сделать подвалы для размещения отопительных устройств и кладовых, то подземная часть значительно увеличивалась в глубину. Это была трудоемкая работа, которая заняла довольно много времени. Подвальные помещения перекрывались «кирпичными сводами на рельсах» (сводами Монье), которые тогда впервые были применены в Москве. Вместо кирпичных сводов первого этажа сделаны деревянные ложные, оштукатуренные по войлоку.

При земляных работах вокруг дворца были обнаружены два подвальных помещения, относящиеся к древним каменным постройкам, остатки фундаментов строений, участок кладбища с надмогильными плитами, а также прослежен склон засыпанного древнего оврага, ориентированного с северо-запада на юго-восток, в сторону плац-парадной площади. В ходе работ были собраны различные артефакты, рисунки некоторых из них опубликовал Н. А. Шохин.

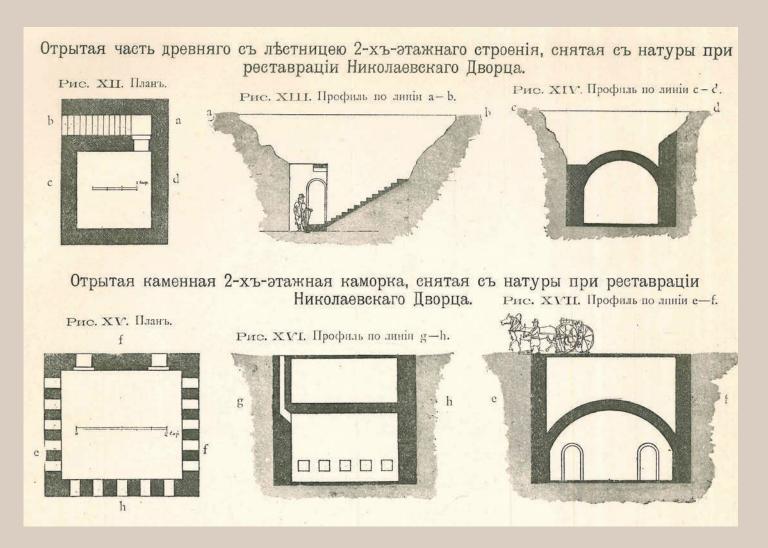
Реконструкция Малого Николаевского дворца была закончена в 1878 году, после чего он служил местом пребывания императора Александра II (до 1881), затем великих князей,

Генплан Малого Николаевского дворца до реконструкции 1874–1878 гг. (по: Шохин, 1894)

Фасады Малого Николаевского дворца до и после реконструкции 1874–1878 гг. (по: Шохин, 1894)

приезжавших в Москву из столицы.

В октябре 1917 года южный фасад здания пострадал от артиллерийского обстрела, но затем был отремонтирован. Как и строения Чудова монастыря, Малый Николаевский дворец разобран в 1929 году.

При археологических исследованиях на Ивановской площади, непосредственно под существующим мощением, был вскрыт фрагмент западной наружной стены Малого Николаевского дворца на ее северном участке, между третьим и четвертым с севера оконными проемами. Точное местонахождение данного участка подтверждается при сопоставлении с планом первого этажа здания – на фасаде имелся выступ, отождествляемый с северным ризалитом.

Выявленная кладка относится ко времени перестройки здания и замены фундаментов и цокольных участков стен. Это комбинация белокаменных и кирпичных участков: первые обозначают постаменты для пилястр ризалита, вторые – подоконных простенков. Кирпичная кладка стены выполнена с подрезкой швов, иррегулярно; но на внутренних плоскостях стен просматриваются попытки выдерживать верстовую перевязку.

Прослежены внутренние стены, которые принадлежали подвальному помещению, сооруженному при реконструкции 1874—1878 годов. Оно было вскрыто в ходе раскопок. При разборке в 1930-х годах подвал засыпали счищенным с кирпичей известково-песчаным раствором; отметка его пола не установлена. Внутренние поверхности стен сохранили следы грубой штукатурной отделки (толстой обмазки по кирпичу) и побелки. На южной плоскости поперечной стены выявлена пята разрушенной арки.

Все обнаруженные кладки не являются первоначальными, а относятся ко времени реконструкции дворца в 1874–1878 годах, когда для устройства подвалов под зданием были полностью заменены фундаменты XVIII века и переложена большая часть цокольной зоны.

Следы перекрытий подвала (сводов Монье) не фиксируются; они были значительно выше сохранившихся отметок исследуемых стен. Об этом говорит отсутствие следов парных продухов подвала в цоколе, которые отчетливо видны на фотографических изображениях фасада. Следовательно, верхняя отметка сохранившейся кладки находится ниже дневной поверхности второй половины XIX – начала XX века.

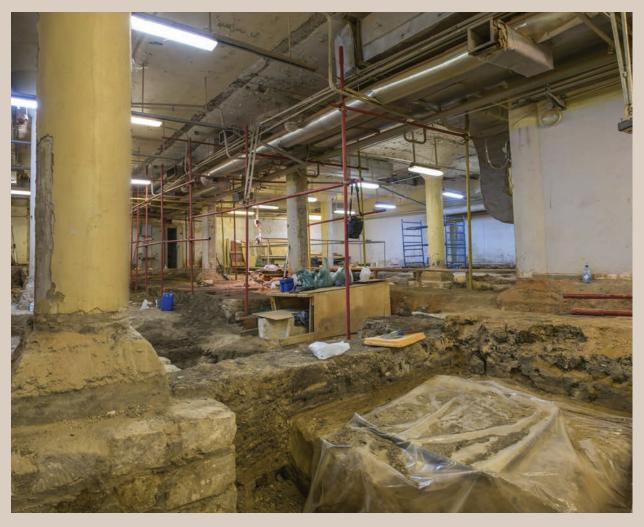
А. В. Энговатова, А. В. Яганов

Подземные части древних каменных строений, обнаруженных при реконструкции Малого Николаевского дворца в 1874 г. (по: Шохин, 1894)

> Часть подвального помещения Малого Николаевского дворца, обнаруженного при раскопках 2016 г.

Заключение

Восточная часть Московского Кремля, несмотря на отсутствие видимых следов древности на значительной ее части, остается археологическим памятником, заключающим в себе важнейшую информацию о прошлом Руси – России во всем многообразии его исторических поворотов. Разрушение монастырей и дворцовых построек, преследовавшее, помимо практических целей расчистки площадки для нового строительства, очевидные цели уничтожения символов старой власти, не стерло эти памятники полностью. Снос исторических построек и грандиозные строительные работы 1929–1932 годов разрушили культурный слой и значительную часть древних сооружений, залегавших ниже уровня кремлевских мостовых, но придали новое качество и особую ценность тому, что избежало уничтожения. Использование остатков монастырских строений, белокаменных блоков и надгробий монастырского некрополя в фундаментах здания Военной школы имени ВЦИК парадоксальным образом обеспечило долговечность фрагментам утраченных ансамблей. Стратифицированные культурные отложения, уцелевшие рядом с фундаментами советского

времени, оказались уникальным источником для изучения не только начальных периодов городской жизни, но и состояния природной среды в период, который предшествовал возникновению города, и ее трансформации с ростом Москвы и расширением использования ресурсов ее ближайшей округи. Новые раскопки открыли Кремль как необычный археологический объект, где в компактном пространстве на одном и том же уровне в целостных комплексах соседствуют древности далеких друг от друга эпох.

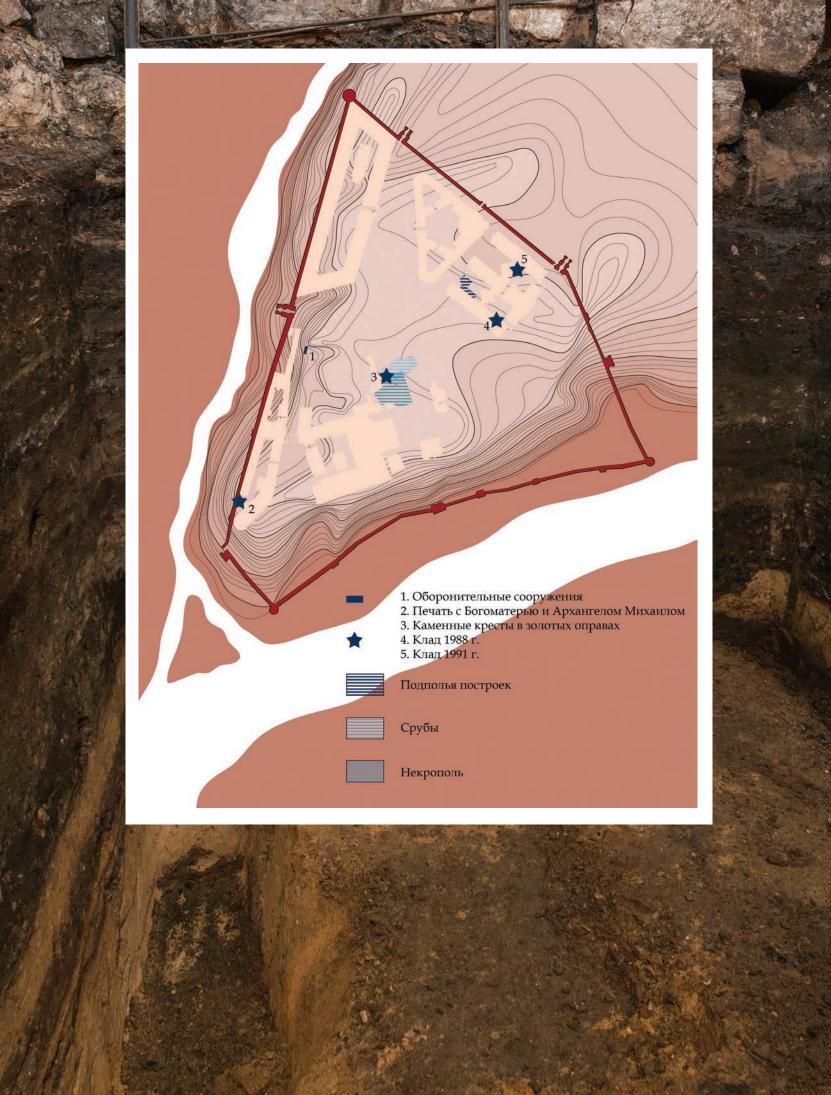
Открытие городской застройки конца XII — начала XIII века в восточной части Кремлевского холма с надежно датированными остатками крупных построек существенно дополнило сложившуюся ранее картину домонгольской Москвы как крупного урбанистического поселения. С учетом данных о датировке и характере культурных отложений на других участках в Кремле и на современной территории Красной площади и Китай-города, можно с полным основанием считать, что Москва конца XII века — не просто пограничный укрепленный пункт, контролирующий югозападные рубежи Владимирского княжества, а большой город с усадьбами, размещавшимися на широком пространстве.

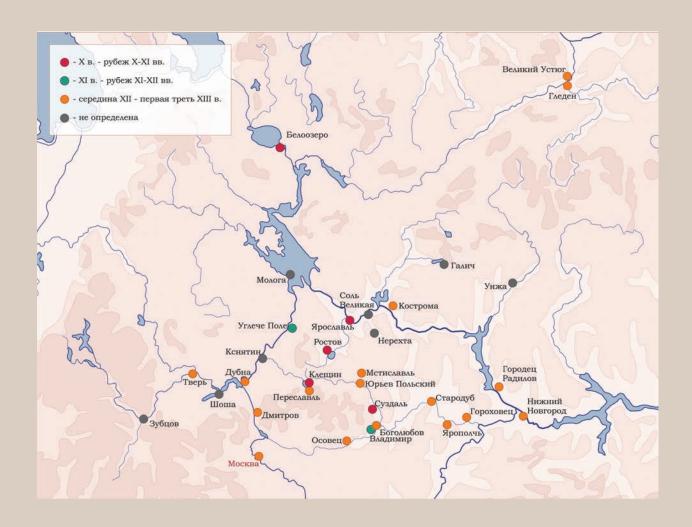
Раскопки под зданием военной школы имени ВЦИК Под колоннами здания 1929—32 гг. расчищены фундаменты, сложенные из белокаменных блоков из разобранных построек Чудова монастыря

Данных для реконструкции исторической топографии города и точного определения его укрепленной части по-прежнему недостаточно, однако очевидно, что дворовладения располагались свободно (как и во многих крупных городах, например во Владимире или Рязани), а организация городского пространства в конце XII – начале XIII века не предполагала сосредоточения усадеб на ограниченном участке, оптимальном для обороны. Н. А. Кренке определил площадь Москвы предмонгольского времени, включая ее укрепленную и неукрепленную части, в пределах 50 га. Урбанистическое пространство формировалось на месте свежих лесных расчисток, городские дворовладения тесно соседствовали с пахотными полями, а в жизнеобеспечении горожан существенное значение имела собственная сельскохозяйственная деятельность.

План-схема Московского Кремля с обозначением важнейших сооружений и находок XII – первой половины XIII вв., документированных археологами Находки, связанные с обиходом социальной элиты и властными отношениями, происходят с различных участков Кремля: с мысовой части Боровицкого холма (подвесная печать с изображением Богоматери и Архангела Михаила), с участка у церкви Двенадцати апостолов (2 каменных креста в золотой оправе). Наиболее известные и впечатляющие находки – два клада серебряных украшений – найдены на месте 14-го корпуса и у Спасских ворот. Близкая картина присутствия статусных вещей и дорогих украшений в различных точках городской территории, без устойчивой привязки подобных находок к одному участку, характерна для многих городов XII–XIII веков. Присутствие в восточной части Кремля двух кладов, сокрытых, как полагают исследователи, в момент разгрома Москвы монголами в 1238 году, не является однозначным указанием на особый статус этой территории и особый социальный облик ее обитателей. Местоположение кладов, связанных с событиями 1237–1240 годов в древнерусских землях, свидетельствует о том, что местом их сокрытия далеко не всегда были дворы их владельцев: известны находки ценностей в неожиданном окружении, в самых различных сооружениях и постройках: от старых курганных насыпей («Суздальское Оплечье») до церковных зданий (клады в Десятинной церкви в Киеве). В городах более высокая концентрация кладов отмечена в тех районах, которые дольше всего продолжали сопротивление и были захвачены неприятелем последними.

Скромные следы первого поселения на Кремлевском холме отражают, тем не менее, глобальные исторические явления средневековья и специфику исторической ситуации на Северо-Востоке Руси. XII век – время бурного строительства новых городов в различных областях Руси, в том числе в северо-восточных

русских землях, ранее мало затронутых урбанизацией. Основание Москвы — политическая инициатива Юрия Владимировича Долгорукого, занявшего княжеский стол в Суздале около 1108 года и стремившегося упрочить контроль над юго-западными окраинами своих владений. Но одновременно это проявление мощных общеевропейских процессов экономического подъема и создания новых городских поселений, получивших развитие на огромных пространствах от Атлантики до Волги. Москва — один из 10 городов, построенных Юрием Владимировичем. Появление этих городов открыло новый этап исторического движения Северо-Восточной Руси, ознаменовавшийся более глубоким укоренением здесь структур княжеской власти, ростом экономики, осознанием политических перспектив новых центров расселения.

Древности раннего послемонгольского времени, времени начала возвышения Москвы, представлены в наших раскопах беднее, чем на многих других участках города, в том числе на Подоле Кремля, в Зарядье и на Ильинке. Материалы раскопок на месте Чудова монастыря не дают возможности прояснить вопрос о владельцах и характере застройки этой части городской территории в период, непосредственно предшествовавший устройству монастыря и строительству собора. Предание об ордынском дворе, переданном митрополиту Алексию ханшей Тайдулой для монастырского строительства после чудесного исцеления ее митрополитом, сочинение историографов XVIII века, не имеющее подтверждения в источниках. Поездка митрополита Алексия в Орду в 1357 году – достоверный исторический факт, но упоминание о пожаловании места ордынского подворья Алексию после этой поездки отсутствует как в ярлыке, данном Тайдулой митрополиту в том же 1357 году, так и в житии митрополита, составленном в 1459 году Пахомием Логофетом (Православная энциклопедия, 2000. С. 637–648). Поэтому отсутствие на исследованных участках археологических следов ордынского двора можно считать ожидаемым результатом, в полной мере согласующимся с агиографическими повествованиями. Однако следы восточных контактов отчетливо узнаваемы в кремлевских древностях XIV века, открытых раскопками. Восточная керамика, бытовые вещи и монеты придают специфический колорит культуре Москвы этого времени. Найденная в Тайницком саду, в нескольких сотнях метров от раскопа на месте 14-го корпуса, берестяная грамота № 3, опись имущества Турабия с перечнем его слуг, многие из которых также имеют восточные имена, – достоверное свидетельство присутствия выходцев из Орды в Кремле в конце XIV - начале XV века, спустя полстолетия после

Обломок сирийского стеклянного сосуда с полихромной росписью XIV в.

На странице слева Города Северо-Восточной Руси X— первой половины XIII вв. Время возникновения городов по археологическим данным

Шурф 4 на Ивановской площади Остатки деревянных конструкций XVI—XVII вв. и фундамент церкви Св. Алексия Митрополита 1680—1686 гг. основания монастыря. Правда, характер взаимо-отношений ордынцев и московской власти в эту пору уже был иным: очевидно, Турабий находился на службе у московских князей. Археологическое изучение Кремля, таким образом, дает яркие свидетельства тесного взаимодействия русской и ордынской элиты в XIV веке, глубокого взаимного проникновения культурных влияний, экономических интересов и личных историй.

Начало Чудова монастыря обозначено в толще кремлевских напластований четко – прослойкой белокаменной крошки и извести, связанной со строительством собора 1365 года, отдельные тесаные камни и архитектурные детали этого собора идентифицированы во вторичном залегании в фундаментах позднейших построек. Материалы для воссоздания дальнейшей строительной истории монастыря, планировки его центральной части и облика самих монастырских построек собираются по крупицам (фрагменты фундаментов, находки «плинфообразного» кирпича второй половины XV века, фрагменты керамических плит фасадного декора). Неизвестным пока остается даже формат кирпича, из которого был сложен собор Чуда Архангела Михаила 1503 года, сменивший более ранние постройки. Находки фрагментов рельефной декоративной керамики, близкой плиткам фасадного декора ряда храмов Москвы и Троице-Сергиева монастыря, позволяют представить некоторые детали архитектурного облика утраченных построек конца XV– начала XVI века. Остатки построек позднейшего времени – церкви Благовещения и Митрополита Алексия и трапезной 1680–1686 годов – хорошо сохранились, но вскрыты раскопками лишь на небольшом участке. Основная их часть остается под брусчаткой Ивановской площади.

Чудовский некрополь, несмотря на уничтожение или перемещение со своих первоначальных мест белокаменных надгробий, оказался исключительно важным памятником, в полной мере раскрывающим особое место монастыря в истории России и отличительные черты культуры Московской Руси XV–XVII веков. Надписи на немногих сохранившихся надгробиях вводят нас в круг политической элиты Московского государства XVI–XVII веков, участников драматических событий Ливонской войны и Смутного времени. Изучение костных остатков из мужских погребений выявляет высокое качество жизни, полноценное питание с высокой долей белковой пищи, следы физических нагрузок, связанных с военными занятиями, деформации суставов, присущие всадникам, и боевые травмы. При всем разнообразии

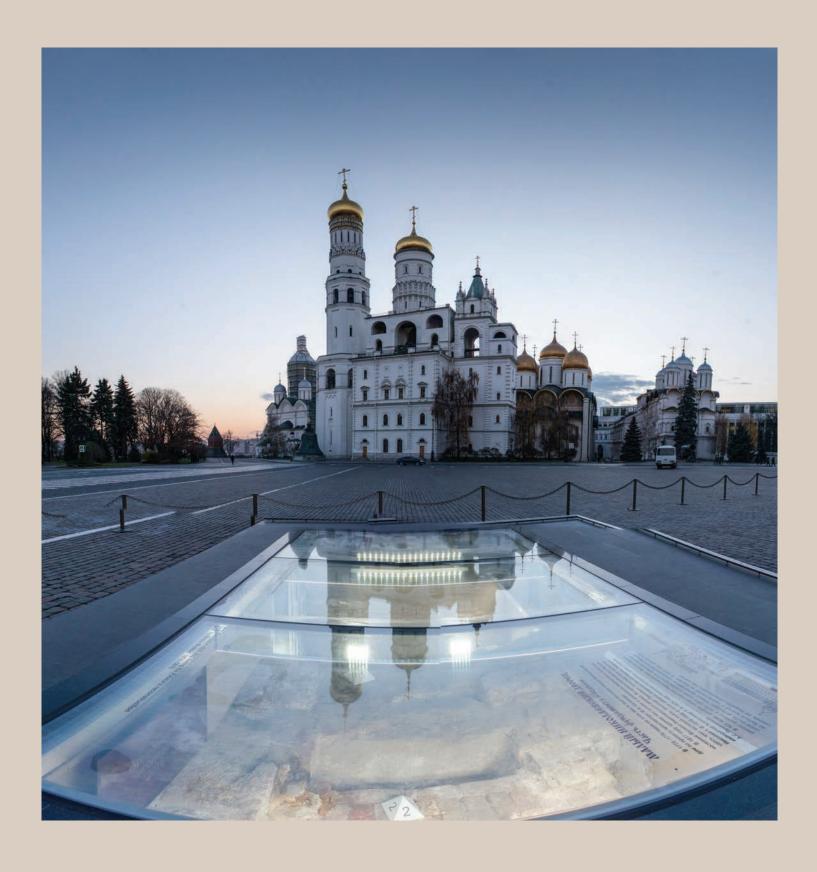

Фрагмент белокаменного надгробия в фундаментах здания военной школы имени ВЦИК

На странице справа: Белокаменный саркофаг некрополя у Михаило-Архангельского собора и фрагменты белокаменных надгробий из построек Чудова монастыря в фундаментах здания военной школы имени ВЦИК

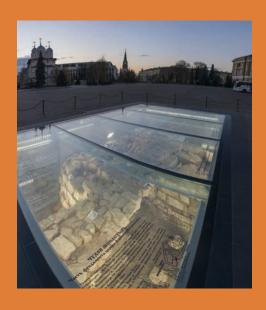

индивидуальных характеристик очевидно, что эти люди – московская знать, глубоко вовлеченная в военные занятия. Погребальный обряд с помещением останков умерших в белокаменные саркофаги или (чаще) долбленые гробы-колоды, керамическими сосудами-«елейницами», оставленными в захоронениях после миропомазания, волосниками в женских погребениях и широким использованием белокаменных плит, отмечавших могилы, – одно из ярких проявлений новой московской идентичности XV-XVI веков (Беляев, 1996), сложившейся в кругу элиты и получившей затем распространение в более широких слоях. Чудов монастырь – одна из точек кристаллизации этих традиций.

В музейных окнах на Ивановской площади сегодня показаны остатки построек XVII-XIX веков, составляющих «верхнюю», позднейшую часть толщи кремлевских древностей. Чтобы сохранить их для экспонирования, археологам пришлось пожертвовать исследовательским максимализмом отказаться от изучения более древних культурных напластований на большей части площади шурфов, на основе которых создавались музейные окна. В противном случае музеефикация фундаментов построек 1680–1686 годов и более позднего времени была бы невозможна – их пришлось бы разобрать, чтобы добраться до нижележащих отложений, информативных для исследования ранней Москвы. Задачи полного изучения древностей на том или ином участке и сохранения наследия не всегда совместимы. В Московском Кремле приоритет сохранения очевиден. Однако очевидны и исследовательские перспективы, обозначенные раскопками 2016-2017 годов.

Н. А. Макаров

Музейные окна на Ивановской площади

Библиография

- Алексеева Т. И., 1973. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.: МГУ. 330 с.
- Алешинская А. С., Спиридонова Е. А., Кочанова М. Д., 2016. Возможности применения палинологического анализа при археологических исследованиях // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников. М.: ИА РАН. C. 70-95.
- Арциховский А. В., 1930. Курганы вятичей. М.: РАНИОН. 223 с.
- Баталов А. Л., Беляев Л. А., 2010. Сакральное пространство средневековой Москвы. М.: Дизайн. Информация. Картография. 400 с.
- Беляев Л. А., 1996. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Востока Руси XIII–XVII вв. М.: Модус-Граффити. 567 с. Беляев Л. А., 2005. Каменные «подушки» монашеских погребений и их ветхозаветный прототип // Российская археология. № 4. С. 171–174.
- Болсуновский К. В., 1894. Дрогичинские пломбы. Ч. 1, 2. Киев: Типо-лит. Г. Л. Фронцкевича.
- Воронин Н. Н., 1958. Московский Кремль (1156–1367) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 77. C. 52–66.
- Воронин Н. Н., Рабинович М. Г., 1963. Археологические работы в Московском Кремле. Советская археология. № 1. C. 253–272.
- Выголов В. П., 1978. О первоначальной архитектуре собора Чудова монастыря // Средневековое искусство. Русь. Грузия. М. С. 63-82.
- Гиппиус А. А., Зализняк А. А., Коваль В. Ю., 2011. Берестяная грамота из раскопок в Московском Кремле //

- Московский Кремль в XV столетии. Древние святыни и исторические памятники. Т. 1. М.: Арт-Волхонка. C. 452-455.
- Древняя Русь. Быт и культура, 1997. М.: Наука. 368 с.
- Древняя Русь. Город, замок, село, 1985. М.: Наука. 430 с.
- Елкина И. И., 2016. Текстиль в Московском государстве XVI–XVII вв. по археологическим данным // От смуты к империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI-XVIII вв. М., Вологда: «Древности Севера». С. 63-78
- Забелин И. Е., 1905. История города Москвы. Ч. 1. М. 652 с.
- Карпухин А. А., Соловьева Л. Н., 2017. Дендрохронологический анализ образцов древесины из раскопа 1 в Тайницком саду Московского Кремля // Аналитические исследования лаборатории естественно-научных методов. Выпуск 4. М.
- Коваль В. Ю., 1996. Испанская люстровая керамика в Москве // РА. № 1. C 169-176.
- Конопелькин Д. Г, Гончарова Н. Н., 2016. Сравнительный краниологический анализ восточноевропейских городских и сельских выборок XVI–XVIII вв. // Российская археология. № 2. C. 75–87.
- Кренке Н. А., 2014. Древности бассейна Москвы-реки от неолита до Средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. Дис. ... докт. ист. наук.
- Кучкин В. А., 1980. Первые каменные постройки в кремлевском Чудовом монастыре // Материалы и исследования Государственных музеев Московского Кремля. Вып. 3. М. С. 1-10.
- Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история, 2014. Кн. 12. 1403-1424 гг. М.: ООО «Фирма АКТЕОН»

- Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история, 2014. Кн. 16. 1475-1482 гг. М.: Издательство: ООО «Фирма АКТЕОН».
- Макаров Н. А., 1981. Каменные подушки в погребениях древнерусских городских некрополей // Советская археология. № 2. С. 111–116.
- Макаров Н. А., 2017. Урбанизация Северо-Восточной Руси в XI первой половине XIII в.: размеры городских территорий // Российская археология. № 4. С. 34–44.
- Мартынов А. А., Снегирев И. М., 1852. Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества. М.: Типогр. Московской Городской Полиции. 162 с.
- Медведев А. Ф., 1966. Ручное метательное оружие (Лук и стрелы. Самострел) VIII–XIV вв. // Свод археологических источников. Вып. E1-36. М. 182 с.
- Медникова М. Б., Беляев Л. А., Елкина И. И., Тарасова А. А., Загвоздин В. П., 2016. Комплексное биоархеологическое исследование женского погребения в белокаменном склепе Новоспасского монастыря // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 345. С. 419–437.
- Московская керамика: Новые данные по хронологии. М.: ИА РАН, 1991. 198 с.
- Панова Т. Д., 1996. Клады Кремля. М.: Московский Кремль. 136 с.
- Панова Т. Д., 2004. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.: Радуница. 195 с.
- Панова Т. Д., 2013. Историческая и социальная топография Московского Кремля середины XII первой трети XVI века. М.: ТАУС. 406 с.
- Православная энциклопедия, 2000. Т. 1. М.: Православная энциклопедия. 751 с.
- Рабинович М. Г., 1964. О древней Москве. М.: Наука. 350 с.

- Рабинович М. Г., 1971. Культурный слой центральных районов Москвы// Материалы и исследования по археологии СССР. № 167. М.: Наука. С. 9–116.
- Равдина Т. В., 1963. Еще раз о датировке древнего слоя Москвы // Советская археология. № 1. С. 98–109.
- Равдина Т. В., 1975. Хронология «вятичских» древностей. Дис. ... канд. ист. наук // Архив ИА РАН. Р-2. № 2154.
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 196 с.
- Снегирев И. М., 1842—1845.
 Памятники Московской древности, с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы и древних видов и планов древней столицы. М.: Типогр. Августа Семена. 523 с.
- Столярова Е. К., 2016. Стекло средневековой Москвы: XII–XIV века. М.: РГГУ-ИА РАН. 690 с.
- Суслов В.В., 1899. Памятники древнерусского зодчества. СПб. Вып. 5.
- Трофимова Т. А., 1941. Черепа из Никольского кладбища. (К вопросу об изменчивости типа во времени)// Ученые записки Московского государственного университета. Вып. 63. С. 211–234
- Шеляпина Н. С., 1971. Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963—1965 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 167. М.: Наука. С. 117—157.
- Шохин Н. А., 1894. Исторический очерк Малого Николаевского дворца в Московском Кремле. М.: Типо-лит. А. В. Муратова. 28 с.
- Энговатова А. В., Добровольская М. В., Антипина Е. Е., Зайцева Г. И., 2013. Коллективные захоронения в Ярославле. Реконструкция системы питания на основе результатов изотопного анализа// Краткие сообщения Института археологии. № 228. С. 96–115.

- Bradley R. S., Jones P. D., 1993. 'Little Ice Age' summer temperature varitions: Their nature and relevance to recent global warming trends // The Holocene. № 3. P. 367–376.
- Christiansen B., Ljungqvist F. C., 2012. The extra-tropical Northern Hem sphere temperature in the last two millennia: reconstructions of low-fr quency variability // Climate of the Past. Vol. 8. P. 765–786.
- Helama S., Seppä H., Bjune A. E., Birks H. J. B., 2012. Fusing pollen-strat graphic and dendroclimatic proxy data to reconstruct summer temperature variability during the past 7.5 ka in subarctic Fennoscandia // Journal of Paleolimnology. Vol. 48. № 1. P. 275–286.
- Lambrick G., Robinson M., 1979. Iron Age and Roman riverside settlement at Farmoor, Oxfordshire // Oxfordshire Archaeological Unit Report, 2 / CBA Research Report. Vol. 32. Oxford – London. 157 p.
- Robinson M., Habbard R. N. L. B., 1977. The transport of pollen in the bracts of hulled cereals // Journal of Archae logical Science. № 4. P. 197–199.

Список терминов

Археоботанический анализ – научное рассмотрение базовых количественных параметров карпологического материала (обугленных остатков зерна, семян диких и культурных растений) в археологическом контексте для выяснения структуры древнего растениеводства.

Археозоологический анализ – научное рассмотрение базовых количественных параметров остеологического материала (сохранность, раздробленность костей животных, видовой состав, остеологические и анатомические спектры) в археологическом контексте для выяснения его структуры, а также построения моделей хозяйственного использования животных.

Вятичи – восточнославянский племенной союз, населявший в VIII—XII веках бассейн Верхней и Средней Оки.

Волочение – технология обработки металлов, при которой заготовка протягивается через круглое или фасонное отверстие.

Волоченые нити – нити для золотной вышивки, получаемые с помощью операции волочения.

Высшие растения – класс зеленых растений, которым свойственна дифференциация тканей, в отличие от низших растений — водорослей. Тело высших растений разделено на специализированные органы –

листья, стебель и корень. К высшим растениям относятся мхи, папоротники, голосеменные, цветковые и некоторые другие растения.

 Γ оризонm – в археологии это стратиграфическая единица, включающая совокупность культурных черт и набор артефактов, распределение и хронология которых позволяют археологам предполагать, что он (горизонт) образовывался достаточно быстро.

Детинец – центральная часть древнерусского города, одно из названий внутренней части городской крепости.

Золотная вышивка – техника ручной вышивки, в которой использовали золотные нити: тонкую золотую или серебряную проволоку, или нити из золотой или серебряной проволоки, навитой на нитяную основу. Такие нити не продевали сквозь ткань, а укладывали в узор на лицевой стороне, прикрепляя их шелковой нитью («в прикреп»).

Золотные нити – нити для золотной вышивки, получаемые волочением или прядением (накручиванием золотой проволоки на нитяную основу).

Лещадь – строительный материал в виде плит различных размеров из природного камня или керамики, применялась как в покрытиях кровель, так и полов. Керамическая лещадь для пола часто покрывалась поливой.

Лицевое шитье – вид декоративно прикладного искусства,

предметом изображения которого являлись лики святых, плащаницы, иконографические сюжеты

Ложчатый – в декоративноприкладном искусстве о рельефном орнаменте: состоящий из выпуклых или вдавленных удлиненных овалов [от ложок – удлинение, вдавленность].

Материк – в археологии означает слой земли и других пород, лежащих под культурным слоем, который не содержит остатков деятельности человека.

Мысовое поселение – поселение на мысу, острая часть которого ограничена реками или морем.

Напольная сторона — часть поселения, обращенная к полю, незащищенная естественными преградами.

Очелье – повязка на голову или часть головного убора, которая прикрывает лоб.

Палеопочвоведение -

междисциплинарное научное направление, занимающееся изучением почв прошлого, реликтовых признаков в современных почвах, историей и эволюцией почвообразования на Земле. Палеопочвоведение как научное направление возникло и развивается на стыке генетического почвоведения, исторической геологии и археологии.

Палинология – комплекс отраслей наук (в первую очередь, ботаники), связанных с изучением пыльцевых зерен и спор.

Плинфообразный («русский») кирпич — керамический стеновой материал, по формату напоминающий домонгольскую плинфу.
Использовался в московском строительстве во второй половине XV века.

Погребенная почва — древняя почва, сформированная в условиях климата, отличного от современного, может находиться на поверхности или быть погребенной новейшими отложениями.

Переотложенный (грунт) — природный грунт, перемещенный тем или иным искусственным способом с места его естественного залегания.

Растение-пионер – группа растений, которые первыми поселяются на оголенных участках земли. Представляют начальную стадию образования сообщества растений. При неблагоприятных условиях они через некоторое время погибают, а при благоприятных живут на этом месте по нескольку лет, а затем их вытесняют более сильные растения.

Румпа — открытый коробчатый выступ с тыльной стороны изразца, служащий для его крепления в печной или стеновой кладке. Румпы имели различную высоту и конфигурацию, в их стенках обычно делались отверстия.

РФА-анализ – рентгено-флуоресцентный анализ, спектроскопический метод исследования вещества с целью получения его элементного состава.

Стратиграфия – последовательность залегания прослоек культурного слоя – от самых нижних, сформировавшихся в момент первоначального заселения того или иного участка, и до самых верхних, формирующихся сегодня.

Энколпион — двустворчатый крест с углублениями на каждой створке. При складывании створок углубления образовывали некоторую полость, в которую владелец помещал какую-либо реликвию.

AMS – датирование (Accelerator Mass Spectrometry) – высокоточный метод измерения изотопного и химического состава образца с помощью ускорительной масс-спектрометрии.

Научное издание

Археология Московского Кремля: Раскопки 2016-2017 гг.

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Редактор: Н. Ю. Ферапонтова Дизайн и верстка: В. А. Кулишов

Корректор: Г. Г. Король

Подписано в печать 4.12.2018. Формат $60 \times 90 \times 1/8$ Усл.печ.л. 20,5. Уч.-изд.л. 13,4. Тираж 1000 экз.

Институт археологии РАН 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Отпечатано в ООО «Красногорский полиграфический комбинат» 115093 Москва, Партийный пер., д. 1, корп. 58

